

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

М.А. Володина

**БЕРБЕРЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
КУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
(На примере Марокко)**

**Москва
ИМЭМО РАН
2011**

УДК 323.1(=64)
316.356.4(=64)
ББК 66.5(6Мар)'7
Воло 68

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений» основана
в 2009 году

Отв. ред. – д.п.н. Д.Б. Малышева

Рецензенты: д.и.н. Р.Г. Ланда, к.и.н. В.И. Максименко

Воло 68

Володина М.А. Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко) / Отв. ред. – Д.Б.Малышева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011, 112 с.
ISBN 978-5-9535-0296-2

В монографии М.А.Володиной исследуются процессы становления берберов (амазигов) как составной части современного марокканского общества в единстве исторических, социокультурных и политических аспектов жизнедеятельности данной этнической общности. Показана роль берберов в формировании и эволюции марокканской нации и современного государства в Марокко. Специальное внимание уделено значению берберов в развитии гражданского общества в этой стране Магриба.

Рассчитана на специалистов по развивающимся странам, студентов и аспирантов научно-исследовательских и образовательных учреждений, политиков и общественных деятелей, а также интересующихся актуальными проблемами современных переходных обществ.

Berbers of North Africa: political and cultural evolution (case of Morocco)

The book by Maria Volodina dwells upon the role of Berbers (Amazighs) in social and political development of Morocco. It informs readers on the nature of this group's ethnic identity and social self-assertion as well as Berbers' political activity within the Moroccan political institutions. The book then applies its historical and political findings to the understanding of the nature of the contemporary "Berber movement" as part of the overall evolution of state/civil society relationships in Morocco.

This book will be of interest to scholars keen on politics in transitional societies as well as to policy planners, media persons and the informed general reader.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0296-2

© ИМЭМО РАН, 2011

Содержание

Предисловие	3
Глава I. Этнонациональная специфика Северной Африки: исторический аспект	9
1.1. Традиционный уклад берберского общества.....	11
1.2. Берберское обычное право.....	16
1.3. Языково-культурная идентификация берберов.....	17
1.4. «Берберская политика» французского протектората.....	19
Глава II. Становление и развитие современной политической системы Марокко	37
2.1. Особенности формирования партийно-политической системы Марокко.....	37
2.2. Роль «берберских» партий в политической жизни Марокко.....	45
2.3. Эволюция политической жизни Марокко (конец XX - начало XXI века) сквозь призму парламентских выборов.....	51
2.4. Современная политическая система Марокко и становление гражданского общества.....	65
Глава III. Берберские культурные и общественные организации Марокко	78
3.1. Зарождение первых культурных ассоциаций – деятельность АМРЕК	78
3.2. Становление Берберского культурного движения.....	84
3.3. Деятельность Королевского института берберской культуры.....	91
Заключение.....	98
Приложение.....	102
Источники и литература	104

Предисловие

Современное мировое сообщество сталкивается с различными вызовами, одним из которых остается этнический сепаратизм. Поэтому особую важность приобрела проблема меньшинств, будь то религиозных или этнических. Курды, баски и каталонцы в Испании, а теперь и «бельгийская проблема» заставляют задуматься о механизмах поддержания мирного сосуществования меньшинства и большинства в границах одного государства. В данной связи особый интерес представляет опыт строительства государственности в Марокко, где бок о бок живут арабы и берберы.

Распад мировой колониальной системы во второй половине XX века поставил перед народами, завоеванными политический суверенитет, объективную задачу осуществления системной и всесторонней модернизации, преодоления общей отсталости, создания современных (индустриальных) экономических и политических институтов, осуществления культурных преобразований. Все эти меры были призваны облегчить переход обществ освободившихся стран на новую, более высокую стадию развития.

Эта задача модернизации актуальна и для стран Северной Африки. В силу своего географического положения и особенностей исторического развития эти страны впитали в себя арабо-мусульманскую, африканскую и европейскую традиции. Однако в отличие от своих соседей лежащих к востоку от Египта полирелигиозных государств Машрика, страны Магриба менее разнородны по конфессиональному составу. В этом регионе, являющемся «перекрестком» культур и традиций, особый смысл приобретает проблема взаимоотношений представителей различных этнических групп и общин; отличается здесь спецификой и государственная политика, поскольку реализуется она в полиэтнических обществах.

Страной, чей опыт национального строительства особенно интересен с точки зрения развития современных переходных обществ, является Королевство Марокко. Видимо, не случайно Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц назвал Марокко «молодой демократией»¹. Согласно другому определению, предложенному авторитетным американским автором индийского происхождения, Фаридом Закария, Марокко можно аттестовать как «нелиберальную демократию»².

Смысл этих выводов, очевидно, заключен в том, что марокканское общество находится в состоянии перехода от «традиционных» (т.е. до- и раннеиндустриальных) форм жизнедеятельности людей к «современной» организации социального пространства, тогда как значение марокканского опыта состоит в возможности его критического учета странами, находящимися на более ранних стадиях политической эволюции. Общественные конфликты, не сопровождаемые социальными потрясениями – эта формула сама по себе привлекательна для многих развивающихся стран, политические системы которых время от времени переживают «шоки» и кризисы, усиливаемые глобализацией.

Марокканское общество имеет довольно сложную национально-этническую композицию. Двумя основными несущими этно-национальными конструкциями

---

¹ Stiglitz J. Making Globalization Work. London, 2006, с. 103.

² Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.- L., 2003.

государственного устройства Марокко выступают арабы и другие коренные жители этой страны – *берберы*.

В настоящий момент движение за признание прав берберского населения и его исторической роли в общественной жизни Марокко постепенно укрепляет свои позиции. Поэтому политика королевства направлена на ослабление и «умиротворение» берберского партикуляризма (как и арабского этноцентризма), на адаптацию берберской этнокультурной специфики институтами политической системы Марокко. Сутью этой адаптации является преодоление неравномерности в региональном и этносоциальном развитии страны³.

Имеющее давнюю историю движение за признание прав берберского населения Марокко отмечено в настоящее время постепенным возрастанием роли берберов и их организаций в общественной жизни королевства. В свою очередь, власти Марокко стремятся ослабить такие в равной степени опасные для целостности государства тенденции, как берберский партикуляризм (устремление к политическому обособлению) и арабский этноцентризм, пытаясь одновременно адаптировать берберскую этнокультурную специфику к институтам политической системы Марокко. В сложившихся условиях формирование марокканской нации жизненно необходимо для поддержания единства и территориальной целостности страны.

Анализ политических и социальных преобразований в Марокко важен как для выявления особенностей решения национально-этнической проблемы в самом этом государстве, так и для понимания связанных с национальным вопросом процессов развития стран Северной Африки в целом. Внимание всего мира к этим процессам многократно возросло под воздействием революционных событий конца 2010-начала 2011 гг. в соседнем с Марокко Тунисе, а также во многих других арабских странах. Кроме того, специфика арабо-берберских отношений в Марокко, отличительные особенности формирующейся в условиях полиэтнического общества государственной модели могут быть приняты во внимание и учтены в ходе разработки характеристик подобных сложносоставных обществ в других странах мира, включая и Россию.

Во многих научных исследованиях берберы рассматриваются исключительно как национальное меньшинство: оно проходит «культурно-лингвистическую ассимиляцию арабским окружением, ...и национальную интеграцию, которая выражается в полном стирании различий между арабами и берберами»⁴. Берберам также часто отводят лишь роль «зрителя», опосредованно участвующего в процессах государственного строительства. В данной работе берберы представлены как равные с арабами строители государственности Марокко. С этой целью автор подробно анализирует исторические особенности формирования в Марокко берберского компонента, взаимоотношения берберов и арабов, важную в развитии берберского самосознания «берберскую политику» французского протектората⁵. Прослежены в работе и основные этапы поступательного развития марокканского государства на основе формирующейся марокканской нации.

В некоторых посвященных Марокко работах (например: З.А. Ментешашвили. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50-70-е годы XXв.). М., 1985)

---

³ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, М., 1991, с. 247.

⁴ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991, с. 230.

⁵ Исторически «берберская проблема» в Марокко существует со времени прихода сюда арабов, т.е. с конца VII – начала VIII вв. н.э. Однако политическое измерение эта проблема приобрела уже после завоевания суверенитета.

акцент сделан на противоречия, существующие между арабским и берберским компонентами марокканского общества. Автором были выявлены также тенденции обратного характера и показано, что берберы являются равноправными участниками политического процесса в Марокко. Тематика проблемы, связанной с положением берберов в современном марокканском обществе, далеко не исчерпана, ибо уже в конце 90-х годов XX – начале XXI вв. Марокко вступает в новый этап своего развития, который характеризуется становлением *марокканской нации*.

Проблема берберов в Марокко может рассматриваться в нескольких аспектах:

- как фактор постепенной модернизации страны; при том что включение берберской этносоциальной общности в политическую структуру марокканского государства и политика властей анализируются с позиции поступательного становления гражданского общества в Марокко;

- в качестве одного из важных компонентов формирования современного марокканского государства, где политика французского протектората стала исходной точкой зарождения берберской национальной идентичности на современной основе, вписавшейся после обретения независимости в процесс становления марокканской нации;

- как феномена марокканской истории и культуры, где берберское наследие – неотъемлемая составляющая.

Хронологические рамки работы – середина 50-х годов XX – начало XXI века. Провозглашение независимости Марокко в 1956 году – отправная точка исследования. На выбор конечной даты исследования повлияли итоги всеобщих парламентских выборов, прошедших в Марокко в сентябре 2007 года и обозначивших особую роль «берберского фактора» в общественной жизни страны. Для более полного раскрытия проблемы был необходим исторический экскурс ⁵ во времена, когда Марокко находилось под французским протекторатом.

Специфика «берберского вопроса» в Марокко требует междисциплинарного подхода, совмещающего в себе методы исторического, а также этнополитологического исследования. Так, для определения исторических и этнокультурных особенностей формирования берберской общности автор счел целесообразным критически использовать некоторые положения теории этногенеза, выдвинутой Л.Н.Гумилевым.

Опираясь на методологические разработки Р.Г.Ланды, Э.Геллнера, А.Анота, А.Летурно и ряда других отечественных, западных и арабских ученых, автор постаралась найти оптимальный подход к исследованию «берберской проблемы». Автором были критически переосмыслены и использованы другие методологические установки современной общественной науки, в частности, те, что касаются представлений о формировании в развивающихся странах гражданского общества особого, «неклассического» типа (Г.И.Мирский, В.Г.Хорос, В.В.Сумский, С.Кавирадж, С.Хилнани, С.Зубейда и др.). Последний тезис заслуживает более развернутого обоснования. Отечественные магрибисты (Р.Г.Ланда, В.И.Максименко) считают постановку проблемы гражданского общества применительно к обществам Северной Африки преждевременной. Р.Г.Ланда скептически относится и к использованию категории «средний класс» для описания социальной реальности современного Марокко. Вместе с тем Р.Г.Ланда допускает правомерность использования дефиниции «гражданское сознание» в контексте изучения восточного города вообще, марокканского общества в частности⁶. По мнению автора,

---

⁶ См.: Социальный облик Востока. М., 1999.

вышеприведенные представления отечественных востоковедов в конечном счете отражают сложность и противоречивость процесса становления современных общественных и политических институтов в Марокко и других странах Магриба, что позволяет применительно к этой стране использовать (с определенными коррективами по отношению к «классическим» условиям) категории *гражданского общества* и *среднего класса*. Эти понятия, уже введенные в оборот марокканистики, требуют тем не менее осторожного обращения и тщательно выверенных оценок.

В исследовании социально-политических явлений в Марокко, включая «берберскую проблему», автор использовал также идеи известного российского философа Ю.А.Красина о *поливариантности* гражданского общества и демократии в современном мире. По мнению ученого, «в странах Востока ... произошла «инверсия» социально-политического развития и институты демократии появились раньше, чем возникла соответствующая гражданская инфраструктура». Развивая мысль о поливариантности, Ю.А.Красин далее пишет: «английский этнолог чешского происхождения Эрнест Геллнер полагал, что в других (т.е. незападных – М.В.) цивилизационных ареалах налицо альтернативы гражданскому обществу: шариат, родовые и клановые отношения. Скорее всего, это заблуждение. Но за ним стоит реальная проблема своеобразия проявления энергии общественной самодеятельности в различных цивилизациях. Это касается не только процесса становления гражданского общества и демократии, но и конечных результатов этого процесса»⁷.

В зарубежной арабистике существуют два подхода, сформированные на основе представлений о структуре традиционного берберского общества. К первому принадлежат такие исследователи, как А.Анот, А.Летурно⁸, Э.Маскерей⁹ и Р.Монтань¹⁰, которые акцентируют роль берберских политических институтов (роль общины, объединений и союзов племен), но в то же время не придают определяющего значения родственным отношениям внутри берберского общества.

Сторонники другого научного подхода разделяют принципы *сегментарной теории*, авторство которой принадлежит Э.Геллнеру¹¹ (одним из его последователей выступает Д.Харт¹²). Эти ученые и их единомышленники в своих работах вообще поставили под сомнение возможное становление в обозримом будущем политических институтов в берберском обществе, придавая особое значение социальной структуре берберского народа. Она, по их представлениям, сама по себе являлась действенным механизмом поддержания стабильности и порядка внутри берберских племен. Важные научные результаты, полученные представителями вышеуказанных направлений, помогли автору данного исследования найти оптимальный подход к исследованию «берберской проблемы», проанализировать в комплексе роль берберского компонента в социальной структуре Марокко, а также и других стран Северной Африки.

По представлению автора, противоречие в оценках социальной структуры традиционного марокканского общества реально существует, и оно требует *диалектического* подхода. Такой подход еще в середине 1980-х годов применил

---

⁷ Красин Ю.А. Инфраструктура демократии. – Полития, №2 (57), 2010, с. 190, 192.

⁸ Hanoteau, A., Letournaux A. La Kabylie et les coutumes kabyles. Paris, 1893.

⁹ Masqueray, E. Formation des cités chez les populations sédentaires de l'Algérie. Centre de Recherches et d'Etudes sur les Sociétés Méditerranéennes. Aix-en-Provence. 1983.

¹⁰ Montagne Robert The Berbers Their Social and Political Organisation. London, 1973.

¹¹ Gellner E.A., Saints of the Atlas. London, 1969.

¹² Hart D. Le code pénal dans le droit coutumier précolonial berbère du Souss et de l'Anti-Atlas. // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000.

Р.Г.Ланда. С одной стороны, российский ученый писал «об особой устойчивости патриархально-клановых структур и традиционных институтов в марокканской деревне». С другой стороны, он обратил внимание на то, что под воздействием процессов модернизации «внутриплеменные связи ослабляются и утрачивают мыслимый лишь при натуральном хозяйстве патриархальный характер»¹³.

«Берберский фактор» является предметом постоянного внимания марокканской власти, признающей государствообразующую роль берберского этноса в жизни современного Марокко и стремящейся проводить стратегию, которая исключала бы политическую дискриминацию берберов по мотивам этнического происхождения и историко-культурного обособления. Свидетельством такого сбалансированного стратегического курса может служить слабая выраженность политических конфликтов на национально-этнической почве в Марокко. Один из наиболее авторитетных отечественных арабистов, Р.Г.Ланда, считает: конфликты сохраняются; они «просто глубоко запряты», тогда как продолжающие свою деятельность «берберские» партии – не случайность. Монархическая власть все большее внимания обращает на культурные аспекты «берберского вопроса», что подразумевает специальное внимание к берберским языкам и истории, обычаям и традициям берберского населения Марокко.

Принимая во внимание рост этнокультурного самосознания берберов в новейшее время, автор полагает, что в Марокко впоследствии следует придать единому берберскому языку статус второго государственного, наряду с арабским. (Некоторые марокканцы полагают: с официальным признанием берберского языка власти явно запаздывают, и берберский партикуляризм – с учетом нынешней мировой тенденции к этническому самоопределению, - может постепенно превратиться в сепаратизм.) Официальное двуязычие может способствовать укреплению основ марокканской государственности: оно подорвет позиции сторонников берберского партикуляризма и позволит власти показать свое неравнодушие к проблеме национальной идентичности берберов.

Верховная власть в Марокко, своевременно осознав опасность неконтролируемого роста национально-этнических противоречий, задействовала немалые экономические, политические, идейно-культурные и информационные ресурсы для интегрирования берберов в марокканское общество на полноправной основе. Упор сделан не только на социально-экономическую и политическую сферу, но и на этнокультурные проблемы, являющиеся особенно чувствительными для берберов. Такую политику властей автор считает важным средством интеграции берберов в общемарокканское социокультурное пространство, действенным способом сохранения единства и территориальной целостности марокканского государства. Решение «берберской проблемы» в Марокко может стать моделью согласования несходных интересов в сложносоставных и переходных обществах. Можно сказать, что признание особой этнокультурной идентичности берберов является символом и синонимом развития плюрализма и демократизации в Марокко.

Автор выражает глубокую признательность Дине Борисовне Малышевой за научное руководство работой. Особая благодарность Нодари Александровичу Симония, Владимиру Георгиевичу Барановскому, Владимиру Георгиевичу Хоросу и Ирине Львовне Прохоренко за действенную поддержку на критическом этапе завершения работы. Видных отечественных арабистов Роберта Григорьевича Ланду, Владимира Ильича Максименко и Марину Анатольевну Сапронову – за

---

¹³ Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985, с.41.

ценные замечания и пожелания по совершенствованию текста. Коллег по Центру проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН - за конструктивную критику и доброжелательное отношение к рукописи.

Глава I. Этнонациональная специфика Северной Африки: исторический аспект.

В силу своего географического положения и особенностей исторического развития страны Северной Африки синтетически восприняли арабо-мусульманскую, африканскую и европейскую культурные традиции. Как поэтично заметил король Хасан II (правивший в Марокко с 1961 по 1999 г.), «Марокко напоминает дерево, корневая система которого берет силы в земле Африки, тогда как его широкая крона дышит ветрами Европы»^{14 15}. Эта многогранность проявляется во многих областях общественной жизни как Марокко, так и других стран Северной Африки.

Марокко представляет собой методологически значимый пример социально-культурной и этнополитической модернизации североафриканского общества. Модернизационные процессы в этой стране имеют довольно длительную историю.

На территории Марокко уже много веков сосуществуют и активно взаимодействуют две различные этнокультурные традиции – арабская и берберская; последняя, как известно, является автохтонной. Носителями этой культуры являются берберы, или *имазиген* (или амазиги), как они сами себя называют, что означает «свободные люди». Своеобразным продолжением мысли Хасана II могут быть слова Дж. Уотербери: «Арабо-мусульманские покорители Марокко мигрировали в небольших количествах, однако их язык и культуру берберы постепенно приняли. Последующие династии Марокко правили с именем ислама. Арабское вторжение XI века принесло с собой новое, хотя и ограниченное вливание арабской крови в Марокко. Сегодня коренное население страны ясно обнаруживает разнообразные источники своего происхождения. Так, больше нет значимых этнических различий между арабами и берберами, хотя важные лингвистические (и, возможно, психологические) особенности у каждой общности сохраняются. ...Значительное большинство населения Марокко говорит по-арабски. ...Тем не менее принято считать: большинство марокканских «арабов» - это в действительности арабоговорящие берберского происхождения»¹⁶.

Согласно данным Всемирного Конгресса Амазигов (ВКА), около 50% от численности всего берберского населения входят в состав марокканского общества, 30% живут в Алжире, а остальные 20% данной этнической общности проживают в Тунисе, Ливии, Египте и Мали¹⁷.

По сведениям из разных источников, численность берберского населения Марокко колеблется в диапазоне от 45 до 60%. Французские историки, работавшие в эпоху французского протектората в Марокко (речь идет об официальной французской статистике того времени), отводили берберскому компоненту в стране 85%^{18 19}. Причина подобных значительных расхождений состоит не только в том, что государственная статистика намеренно понижает

¹⁴ Hassan II. Le défi. Paris, 1976, с. 189.

¹⁵ Метафора монарха изящна, но не до конца точна: корни Марокко не только в Африке, но и на Арабском Востоке (оттуда происходят и правящая династия, и большинство политической элиты, а также культура и религия). В «широкой кроне» марокканского общества не только ощутимы «ветры Европы», но явственно присутствует «европейско-восточный синтез» - в лице андалусских мавров и морисков, «фаси» и т.д.

¹⁶ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с. 9-12.

¹⁷ www.congres-mondial-amazigh.org.

¹⁸ Жюли Ф., Аяш А., Фардель Ж., Сюэш Л. География Марокко. М., 1951, с. 71.

¹⁹ Впрочем, в современной литературе чаще встречаются данные о 40% берберов (не знающих арабского языка) и о 70% (включая двуязычных).

уровень берберского этноса в стране, но также в том, что существуют различные критерии определения той или иной этносоциальной группы (язык, самоидентификация, прочность устоев традиционной культуры в обществе и т.п.).

При определении места той или иной этнокультурной общности на территории Магриба возникают трудности, связанные с историческими особенностями сосуществования двух основных (арабского и берберского) компонентов. В ряде районов Северной Африки арабское население (особенно в центре и на востоке Алжира) состояло главным образом из арабизированных берберов. Это обстоятельство дало основание известному французскому географу и этнографу Огюстену Бернару заявить, что в Северной Африке вообще нет арабов, а есть лишь «берберы на различных стадиях арабизации»²⁰. Но наряду с примерами полной арабизации известны были также случаи (хотя и редкие) берберизации отдельных арабских племен, проживавших в берберских районах.

На протяжении долгих лет в отечественной историографии берберскому элементу отводилась роль этнического меньшинства в марокканском обществе. Однако существует проблема, без решения которой трудно определить реальную долю берберов в населении Марокко. Эту проблему можно сформулировать примерно так: каковы критерии определения этнической общности берберов в современном Марокко?

Определение численности той или иной этнической группы непосредственно связано с самоидентификацией каждого члена общества. Покидая свою «малую» или «большую» родину, человек самостоятельно выбирает свой дальнейший путь и ставит перед собой сущностные вопросы, порывать ли узы, связывающие его со своими этнокультурными корнями или поддерживать свою исконную культурную идентичность вдали от родного дома, сознательно и терпеливо передавая ее традиции из поколения в поколение. Поэтому представляется логичным относить к «истинным» берберам только тех марокканцев, которые сами причисляют себя к берберскому этносу и к берберской «цивилизации», уважают и культивируют ее традиции. Нет ничего удивительного в том, что некоторые марокканцы, живущие и работающие в крупных городах, при вопросе об их этническом происхождении ответят, что их предки были берберами, тогда как сами они себя уже к ним не относят. Иногда у респондентов возникает потребность поближе познакомиться с традицией своего народа; однако в силу объективных обстоятельств они не имеют возможности осуществить свое желание. Важную роль при этом играет «лингвистическая идентичность» - владение родным языком.

Вообще марокканцы предпочитают не говорить о «берберском вопросе». Они полагают, что иностранец задает вопрос об их этническом происхождении с единственной целью поспорить и разъединить арабское и берберское население страны.

Марокканцы (в т.ч. представители интеллектуальной элиты), считает Р.Г.Ланда, «все же склонны подчеркивать скорее исторический, нежели национальный, характер различий между арабами и берберами. “Мы, - говорили они, - марокканцы, а не берберы или арабы. Разве можно сейчас установить, кто из испанцев происходит от иберов, кто – от готов, а кто – от арабов? Или кем является современный француз – потомок галла, римлянина или франка? Все это принадлежит истории”. ... Пожалуй, именно здесь, в столице марокканского юга (Марракеше – М.В.) больше всего чувствуется синтез разных этносов, породивших *марокканскую нацию* (курсив мой – М.В.)»²¹.

²⁰ Бернар О. Северная и Западная Африка. М., 1949, с.14.

²¹ Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991, с. 82 – 83.

В таких странах Северной Африки, как Ливия и Тунис, «берберская проблема» фактически отсутствует ввиду незначительного процента берберского населения в этих обществах. В Алжире и Марокко²² главных странах проживания берберов - эта проблема весьма актуальна.

Берберам в целом удалось сохранить свою культурную традицию. В большей степени это относится к находящемуся на своеобразном «перекрестке» различных культур и цивилизаций Марокко. Путь национально-этнической интеграции берберов в современное государство проходит через признание всеми социально-политическими силами марокканского общества права берберов на собственную социо-культурную идентичность и признание традиционного самобытного уклада берберского социума в качестве одной из равноправных составляющих развития современного Марокко.

В переходных обществах Северной Африки отношения между национально-этническими образованиями изначально образуют важнейший сегмент их исторического опыта и современной политики. Что касается Марокко, то здесь основными этническими группами являются арабы и берберы, и именно от их взаимоотношений в конечном счете зависит развитие Марокко как современного общества.

1.1. Традиционный уклад берберского общества

Исторически Марокко подвергалось многим завоеваниям: финикийскому, римскому, византийскому. Помнит история страны и завоевание вандалами. В начале VIII века Марокко было покорено арабами, и берберы, исповедовавшие до того традиционные верования, вынуждены были принять ислам. Местные жители, считает Р.Г.Ланда, «видели в исламе не только средство избавления от господства старой знати (из римлян, вандалов, византийцев), но и возможность закрепить свои вековые традиции свободолюбия и гарантию от нового порабощения. Поэтому распространение среди них ислама, а также языка и культуры арабов приняло массовый характер прежде всего в городах. Многие берберы-мусульмане вместе с арабами участвовали в завоевании и последующей исламизации (и арабизации) Иберийского полуострова (аль-Андалуса), начиная с 711 года»²².

В случае военной опасности берберские племена оперативно объединялись для отражения внешней агрессии. При этом, как правило, среди берберов не было недостатка в способных военачальниках, искусно и доблестно выполнявших столь значимую миссию. Безусловно, не стоит идеализировать отношения берберов и арабов той поры, однако они явно не доходили до точки «этнического кипения». Видимо, права Н. С. Луцкая, давшая в свое время сбалансированную оценку характеру арабо-берберских отношений того периода: «Арабы не нарушали обычаев и традиций местного населения. Правда, они обложили кочевые и земледельческие племена тяжелой подушной податью (хараджем), что вызвало ряд волнений, но сам образ жизни берберов оставался прежним»²³.

Потенциальные конфликты между берберами и арабами были «купированы» начавшимся в том же VIII веке экономическим и культурным подъемом Марокко: ростом городов, расширением торговли, развитием ремесел. Этот подъем, охвативший точные науки (в частности, связанные со строительством), изящные искусства, общественную мысль, способствовал бурному расцвету Марокко в XI –XII столетиях, и этот период истории впоследствии нарекли «золотым веком» страны.

²² Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985, с.7.

²³ Луцкая Н.С. Марокко вновь обретает независимость. М., 1958, с.4.

Существовали и иные факторы, объективно препятствовавшие арабо – берберскому взаимоуничтожению. Во-первых, берберы столь яростно сражались друг с другом, что многие их племена, по сути дела, «исчезли с лица земли», освободив тем самым для арабских племен «гиш» в XIII в. обширные области обитания. Во-вторых, берберы всегда были этническим большинством в Марокко, остаются им и сейчас. В-третьих, и после прихода арабов в VIII в. берберы удерживали власть на местах в своих руках (в этом смысле династии Идрисидов и Фатимидов составляли исключение), а в XI – XVI вв. страной правили берберские династии – Альморавиды, Альмохады, Мериниды, Ваттасиды. В-четвертых, в Средние века в организации территориального пространства господствовал принцип *религиозного* (а не *этнического*) единства; поэтому арабы Сааиды легко сменили берберов - Ваттасидов.

Наконец, особую роль в объединении арабов и берберов сыграли исламская религия и суфийские братства, как и необходимость политического сплочения против внешней экспансии в лице Португалии, Англии и Испании в XV - XVII вв.

Можно сказать: особенность марокканского общества определялась, в конечном счете, отличием от «классических» моделей древнего и средневекового мироустройства. Интересное историческое описание специфики Марокко дает известный марокканский экономист Фаталлах Уалалу:

«В Марокко отсутствовали отношения крепостной зависимости, которые существовали между серфами (видимо, имеются в виду *сервы* – М.В.) и сеньорами в феодальной Европе. Далее, структура власти в стране была недостаточно четкой и устойчивой, органы власти на местах не имели реальных полномочий и были связаны с центральной властью отношениями взаимных уступок. Далее, в стране отсутствовали крупные частные владения, поскольку со времени исламизации (VIII-X вв.) земля юридически считалась собственностью султана, но под свободным контролем племен. Наконец, становлению традиционного феодализма препятствовала племенная солидарность, которая имела важное значение в общественной жизни страны.

Общественная структура в Марокко не обладала также и особенностями азиатского способа производства, ...несмотря на важное значение государственной власти и ту роль, которую играла крупная торговля в создании экономического потенциала. При этом, однако, сила племенной солидарности ограничивала влияние центральной власти и поддерживала экономическую независимость племен...»²⁴.

Местопребыванием марокканских династий были крупные города – Фес, Марракеш, Мекнес и Рабат, являвшиеся военными, торгово-коммерческими и административными центрами. Освобожденные от налогов племена предоставляли в распоряжение султанов войска с полной экипировкой. Другие племена, верные султану, управлялись от его имени своими же нотаблями/знатью. Наконец, были и такие племена, которые признавали религиозное верховенство султана, однако отказывались принимать его финансовую власть.

Таким образом, как отмечает американский марокканист Дж. Уотербери, «каждый султан, как и его предшественник, вынужден был создавать заново ...структуру межплеменных альянсов»²⁵. На этой основе происходила циркуляция исторических субъектов, основными единицами которых были не классы и индивиды, а племена, перемещавшиеся внутри относительно устойчивой структуры их взаимоотношений.

²⁴ Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики. Пер. с франц. М., 1983, с.116.

²⁵ Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с. 16-17.

Основы политической культуры *махзена* (центрального правительства) были заложены задолго до завоевания суверенитета Марокко. А создание межплеменных альянсов стало важной частью общей политики «разделяй и властвуй», которая обогатилась новыми приемами уже после 1956 г.²⁶

Второй важной функцией *махзена* был арбитраж межплеменных отношений (разрешение споров между историческими субъектами) и гарантия со стороны верховной власти соблюдения соглашений и договоров между племенами²⁷. Помимо этого, племена по-разному относились к султану и его «аппарату»: если первый пользовался религиозным поклонением, то «государев двор» удостоивался, как правило, презрения²⁸.

По-видимому, сама неоднородность рельефа местности, наличие ряда природных и биоклиматических зон делали невозможным реализацию «проекта» восточной деспотии в Марокко, определяли известный плюрализм ее социальной структуры в широком содержательном смысле.

Такие факторы, как размеры страны, ее этнические особенности (формирование двух образований – арабов и берберов), физико-географическое разнообразие (горные, пустынные и долинные районы), социально-структурная неоднородность населения (рост сектора современных производительных сил в прибрежных городах, с одной стороны, и до - и раннеиндустриальные методы хозяйствования во внутренних районах - с другой), «работали» на сохранение неоднородности социально-политической структуры Марокко. В свою очередь, внедрение институтов политического представительства после завоевания суверенитета способствовало, помимо действия других факторов, развитию многопартийной системы в обществе²⁹.

Подобная особость географии и идейно-исторического наследия выделяла Марокко из среды большинства арабских стран, делала возможным реализацию исторического – и по длительности, и по политическому значению – процесса формирования *марокканской нации* в новое и новейшее время.

Как показывает опыт ряда африканских и азиатских стран, плюрализм социальной структуры в определенном историческом контексте содержал в себе элементы внутреннего укрепления общества на горизонтальной основе, сохранения его единства и территориальной целостности. Противоречивость данного исторического бытия марокканского народа, как представляется, адекватно передана Н.С. Луцкой: «Центральное правительство (махзен) (речь идет уже о XVIII веке – М.В.) теряло реальную власть над страной. В его полном распоряжении находилась лишь равнинная часть Марокко с крупными городами; горные племена не признавали светской власти султана, считая его, однако, *религиозным главой государства* (курсив мой – М.В.)»³⁰.

Интересным в этой связи представляется также и высказывание Уотербери: «Ни одна группа (включая племя – М.В.) не могла оспаривать роль махзена в обществе в долгосрочной перспективе; однако, что не менее важно, ни один султан не был в состоянии поддерживать свою гегемонию [в Марокко] в течение длительного времени. Сохранение власти какой-либо группой было и ненадежным, и

---

²⁶ Ibid., с.21.

²⁷ Ibid., с.27.

²⁸ Ibid., с.29.

²⁹ Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с. 252.

³⁰ Луцкая Н.С. Марокко вновь обретает независимость. М., 1958, с.5.

эфемерным. Лишь немногим группам удалось создать прочную экономическую основу для противостояния вызовам со стороны махзена»³¹.

Можно сказать, что исторически траектория складывания социально-политической структуры марокканского общества схематично выглядела следующим образом: арабы, подобно варягам на Руси, пришли на территорию современного Марокко и сумели совместно с берберским большинством – иногда вопреки воле его значительной части, - создать социальное целое, немалую роль в котором играли более образованные, чем магрибинцы, мавры Аль-Андалуса, европейские наемники (особенно каталонцы) и марабуты³² любого происхождения, обычно претендовавшие на «барака» и шерифскую генеалогию.

Многие средневековые арабские историки (в их числе Ибн Халдун), условно делили берберов по принципу их принадлежности тому или иному хозяйственно-культурному типу на три группы:

- оседлые, преимущественно зажиточные, земледельцы племени *масмуда*;
- племена кочевников и погонщиков верблюдов – *санхаджа* (эти племена, однако, нередко были и оседлыми);
- племена *зената*, жители степей (полукошачьи общности).

Социально-политическую структуру традиционного берберского общества во многом определяет ее сельская общинная организация. Своеобразная самодостаточность, «замкнутость» позволяла берберским племенным объединениям, самим племенам быть основой некоей «независимой республики» (а точнее, самовоспроизводящегося сообщества) со своим жизненным укладом, культурой и традициями. «Их союзы, обладавшие военной сплоченностью раннеклассовых обществ, в ряде случаев представляли собой довольно крупные протогосударственные образования, имевшие в основе комплексное либо по преимуществу земледельческое хозяйство», - считает М.Ф.Видясова³³.

Племя у берберов является базовой политической и социально-экономической единицей, относительно замкнутой (автаркичной) в отношении производства и потребления, а также и по своей внутренней социальной организации. «Хотя у племени не было своей отдельной религии, - отмечает известный американский исследователь Уильям Зартман, - племенные версии ислама характеризуются чисто локальными заимствованиями из доисламского прошлого»³⁴.

По мнению видного французского ученого Робера Монтаня, внутреннюю иерархию социально-политической структуры традиционного берберского населения Марокко можно охарактеризовать следующим образом: деревушка или объединение трех или четырех поселков; объединение нескольких деревень, формирующее своего рода «кантон»³⁵; несколько «кантонов», составляющих племя; наиболее

³¹ Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с. 31.

³² Религиозные братства, возникшие во многих странах исламского мира (преимущественно в Магрибе), руководились марабутами (т.е. «людьми рибатов» - укрепленных крепостей – обитателей, появившихся в XI в.). Марабуты считали себя носителями ниспосланной на них божественной благодати – «барака».

³³ Видясова М. Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987, с.50.

³⁴ Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с. 11.

³⁵ Французский исследователь сравнивает социально-политическую структуру берберского общества с системой кантонов, то есть низовой административно-территориальной единицей (во Франции и других европейских странах). Р. Монтань, исследовавший социальную структуру традиционного берберского общества в 30-е годы XX века, схематично представил подобную структуру племен берберов. В настоящий момент, ввиду малоизученности берберских племенных образований, до сих

крупным социальным образованием является своеобразная «конфедерация», вмещающая в себя несколько племен или большое число «кантонов»³⁶.

Деревня берберов представляет собой «систему» нескольких поселков, расположенных вблизи друг от друга; в каждом таком поселении проживает традиционная «большая» патриархальная семья, состоящая из 10-15 семей, ведущих происхождение от одного предка. В каждой подобной семье есть свой глава – обычно самый старший или наиболее состоятельный, или же тот, кто убедительнее других выступает на племенных собраниях, а потому имеет больший общественный авторитет.

Наибольший интерес у исследователей вызывает феномен «кантонов». Как полагает Р. Монтань, именно система «кантонов» формировала живую, постоянно воспроизводящуюся социально-политическую ячейку берберского общества³⁷. По мнению ученого, термин *кантон* довольно точно выражал автономный характер данного образования. Таким образом, «кантон», объединяя в себе не менее пятидесяти семей, являлся, пусть и в специфической форме, полноценным, самодостаточным традиционным «государством». Там имелись четко очерченные границы, функционировала своеобразная «ассамблея», или «сенат» (состоящий из десяти представителей – глав каждой патриархальной семьи и каждого поселка), действовало традиционное берберское судопроизводство³⁸.

Социально-политическое устройство кочевых берберских племен в своей основе отражало те же внутривополитические деления, которые были характерны и для оседлого населения, когда группа племен и семей формировала более крупные объединения, которые, в свою очередь, составляли часть берберских «фракций» или «конфедераций»³⁹.

В структуре берберского общества «фракция» выполняла функции политического и военного объединения, у которого наличествовал свой совет и военный предводитель, называемый в Атласском регионе «амгар» («вождь», глава племени). Однако кочевой, то есть неустойчивый характер данных политических организаций объективно затруднял их более глубокое исследование.

Берберские «кантоны», а иногда и сами племена формировали своеобразные союзы, получившие название *леффы*. Многочисленные племена или группы племен объединялись в два крупных блока, соперничающих друг с другом⁴⁰. Леффы выполняли функции оказания необходимой военной или физической помощи своему союзнику в случае обострения внутривополитических отношений между различными племенами (или группами племен). Воспроизводимость, устойчивость и стабильность традиционного берберского племенного устройства в конечном счете определялись и обеспечивались длительным существованием межплеменных организаций, леффов, которые в течение многих веков словно оберегали «хрупкую» внутривополитическую структуру берберского общества как от постепенного исчезновения, так и от возможной внешней угрозы.

пор используются терминологии, предложенные Р.Монтанем, для описания берберских племен. А описанная Р.Монтанем племенная структура берберов сохранилась и по сей день.

³⁶ Montagne, Robert. Regards sur le Maroc. Actualité de Robert Montagne avec une préface de M.Chirac. Paris, CHEAM, 1986, с.39.

³⁷ - там же, с.40.

³⁸ В данном случае речь идет о своеобразных политических единицах, формирующихся на определенном территориальном пространстве.

³⁹ Montagne R. Ibid, с. 44.

⁴⁰ В подобном делении уже можно увидеть прообраз объединений социально-политического характера.

1.2. Берберское обычное право.

Важным институтом берберского общества является традиционная система судопроизводства, в задачу которого входит выполнение важных функций, относящихся к сфере регулирования общественных отношений. Можно сказать, что в берберских районах Марокко фактически сосуществуют две системы права – общенациональная/современная и локальная/традиционная; и каждая из них имеет свое, специфическое назначение.

Берберская система судопроизводства и ее традиционная правовая система пока имеют определяющее значение для жизнедеятельности берберского социума. Влияние берберской системы судопроизводства значительно возрастает по мере удаления от крупных городов и административных центров.

Обычное право пронизывает практически все основные сферы жизнедеятельности берберских племен⁴¹. Как отмечает английский исследователь Дэвид Харт, ввиду отсутствия письменной документации о характере, способах и самом процессе традиционного судопроизводства в Марокко (историки располагают текстами рассмотренных судебных актов, датированных лишь XVII-XVIII вв.), довольно сложно выделить основные этапы формирования подобной правовой системы на территории страны. Однако изученные документы все же дают представление и о многообразии, и о специфике берберского судопроизводства⁴².

За точным следованием букве закона неизменно надзирала «коллегия», состоявшая из десяти «экспертов», избираемых сроком на один год по инициативе главы племени, которому они и подчинялись.

Процесс введения закона в силу осуществлялся следующим образом: ответчик сам уведомлял главу племени (*амгара*) о поступившей на него жалобе с просьбой рассмотреть существо дела. В свою очередь, в принимаемых решениях и действиях суд опирался на показания и свидетельства очевидцев. В целом берберское обычное право стремилось примирить противоборствующие стороны; в противном случае дело доходило до суда, основанного на совещательной деятельности членов племен. Если совещавшиеся не приходили к единому мнению, тогда окончательное решение принималось большинством голосов членов суда, а решающим в данных обстоятельствах становился голос главы племени. Так, в случае кражи предусматривалось возвращение объекта, компенсация, возмещение материального или морального ущерба. Однако спустя месяц после оглашения приговора истец мог подать апелляцию. В целом же вынесенные решения обычно не обжаловались.

Как правило, наказание за совершенное преступление выражалось в денежном эквиваленте – штрафе (по свидетельству Д. Харта, размеры взысканий у каждого племени и в каждом берберском районе варьировали в определенном диапазоне⁴³). В некоторых из найденных источников также упоминается, что дела,

---

⁴¹ В разных частях Марокко берберская система судопроизводства имеет несколько наименований: *изерф* (азриф) – в центральных и юго-восточных регионах Марокко; *алвах* – в Высоком Атласе и Сусе; *тиаккидин* – в группе племен айт-атта. Берберы применяют и общий термин, который употребляется для обобщения наименования этих систем - *урф* или *курут*. Термин *изерф* – первоначальное название традиционной правовой берберской системы, обозначает «предписания традиционных обычаев». (<http://www.mondeberbere.com/droit/droitcoutumier.htm>)

⁴² Hart D. M. Le code pénal dans le droit coutumier précolonial berbère du Souss et de l'Anti-Atlas. Dans: Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000, с.86.

⁴³ Там же, с. 88.

связанные с убийствами, непосредственно попадали под особый контроль короля, и они прямо направлялись в главные судебные инстанции страны. Так происходила передача наиболее важных дел из компетенции права локального в компетенцию национального права. Примечательно и то, что подобные действия практически не вызывали социальных конфликтов.

Административный контроль над расследованием уголовных преступлений, совершенных в берберских районах, был установлен еще несколько веков назад. В тех случаях, когда уголовные дела рассматривались в традиционном берберском суде, виновные обязаны были заплатить заранее оговоренный штраф как родственникам пострадавшего или погибшего, так и членам судебного совета. Но все же нередки были случаи кровной мести.

В различных районах проживания берберов до сих пор распространены своеобразные племенные обычаи и специфические методы решения конфликтных, уголовных дел и иных правонарушений.

В последнее время принципы мусульманского права – шариата все больше стали проникать во все сферы жизнедеятельности членов берберского племени. Эти нормы регулируют, в числе прочего, вопросы заключения брака, развода и т.д., но в ряде регионов судопроизводство по-прежнему опирается на принципы и процедуры берберского обычного права.

1.3. Языково-культурная идентификация берберов.

Берберские языки Северной Африки представляют одну из ветвей большой семито-хамитской, или афразийской языковой семьи. Эти языки традиционно устного употребления. Тем не менее берберы еще в давние времена имели свою собственную систему письменности, которая именовалась «ливико-берберской» или «тифинаг». Речь идет об алфавитной системе с ограниченной сферой употребления. С начала XX века берберские языки используют латинский (с некоторыми специфическими добавлениями) и арабский алфавиты. На протяжении всей истории своего развития берберские языки вступали в многочисленные и продолжительные лингвистические контакты с другими языками: пуническим, латинским, арабским и французским. Однако именно арабский язык оказал наибольшее влияние на развитие берберских языков (особенно в сфере лексики).

Для определения сферы применения берберских языков необходимо, на наш взгляд, выделить основные черты и особенности современного положения берберских языков в Северной Африке, тем более что отсутствие «лингвистических» переписей населения не позволяет составить точные данные о количестве бербероговорящего населения на территории данного региона. Пока не существует четкой системы, по которой можно было бы различать многочисленные берберские языки⁴⁴ между собой (либо по фонетическим признакам, либо по грамматическим особенностям); не сформирован пока единый и унифицированный берберский язык, а контакты между представителями различных бербероговорящих групп довольно ограничены, в том числе и в силу естественно-географической разобщенности берберов.

Фактором, способствующим лингвистической консолидации, становится процесс постепенной арабизации бербероговорящего населения Магриба. Арабский язык неизменно рассматривается как священный язык Корана; кроме того, это язык

---

⁴⁴Филологи пока не пришли к единому ответу на вопрос: берберские *языки* или берберские *диалекты*?

государственных учреждений, королевской администрации, власти, политики, судопроизводства и т.д. Очень важно и то, что арабский разговорный – это еще и язык торговли. Берберские языки по-прежнему остаются устными языками, что затрудняло и затрудняет письменную фиксацию исторической и культурной традиции берберов, их цивилизационной идентичности. Таким образом, берберская литература написана и сохранилась на тех языках, которые доминировали на том или ином историческом этапе. Однако после того как Марокко завоевало суверенитет, начинается процесс этнического «пробуждения» берберов. Одним из его неизбежных и закономерных последствий стали и новые тенденции в распространении берберских языков и берберской культуры в Марокко. Так, с 70-х гг. XX века появляются переводы классических произведений на различные берберские языки. А впоследствии заметными событиями культурной жизни берберов становятся театральные постановки и кинематографические работы.

Каков же ареал распространения берберских языков на территории Северной Африки?

В настоящее время в Марокко бербероговорящее население сосредоточено в трех крупных языковых зонах, представляющих собой преимущественно горные и полупустынные районы:

- на севере и северо-востоке страны, где распространен язык *тарифит*;

- в центральной части и на юго-востоке страны, где население говорит на языке *тамазигт* (Средний Атлас);

- на юго-западе и в районе Высокого Атласа, Анти-Атласа и области Сус, на предсахарских территориях, где используется язык *ташельхит*.

В Алжире основным районом проживания берберов является Кабилия: там сосредоточено более половины берберского населения страны.

Третья большая группа бербероязычных племен – это туареги Нигера и Мали. Остальные бербероговорящие группы населения Северной Африки представляют собой изолированные друг от друга анклавы. Они проживают в Тунисе (горы Матмата), Египте (оазис Сива), Ливии (г. Зуvara и плато Джебель-Нефуса), а также на юге Мавритании⁴⁵.

Лингвистическая идентификация берберов Марокко имеет и другие особенности. Так, по мнению Ахмеда Букуса, специалиста в области берберской культуры, около 50% марокканского населения являются бербероязычными, треть из которых говорят на двух языках – одном из берберских языков и арабском⁴⁶. Причиной подобного феномена двуязычия являются по преимуществу социально-экономические факторы, связанные главным образом с процессами индустриализации и урбанизации. Следует, однако, особо подчеркнуть, что использование двух языков происходит не насильственно, а под воздействием логики современной марокканской действительности: в первую очередь в результате того обстоятельства, что многие молодые берберы приезжают в крупные города на заработки, где они, становясь частью культуры современных мегаполисов, вынуждены общаться на арабском языке.

Тем не менее лингвистическая идентичность берберов сохраняется. В этой связи возникает вопрос: каким образом языки берберов сумели сохраниться, несмотря на длительную арабизацию и исламизацию Северной Африки?

---

⁴⁵ Chaker, S. *Berbères aujourd'hui*. Paris, 1989, с. 11-12.

⁴⁶ *Initiation à la langue amazighe*. Rabat, 2004, с. 9.

Признанный исследователь культурного наследия берберов, Салем Шакер, выделяет несколько причин исторической «живучести» берберских языков, важнейшими из которых ученый считает следующие:

1. *Географические условия.* Изолированность горных районов чинила объективные препятствия иноземному проникновению, тогда как прибрежные зоны и предсахарские равнины, в силу причин естественно-географического свойства, очень рано подпали под власть и влияние новой культуры, ее языка и религии.

2. *Система эксплуатации земли и ведения хозяйства.* Бербероязычие распространено в регионах традиционного деревенского уклада, где хозяйственная жизнь основана на простом воспроизводстве или полной самообеспеченности. Нередко берберы являются собственниками земли, даже если существует принцип коллективного управления и землепользования. В то же время арабский язык используется преимущественно в районах, где развивалось кочевое или полукочевое общество⁴⁷, притом что кровное родство играет более важную роль в его жизни, нежели совместное пользование землей. В первом случае речь идет об общинах, привязанных к земле, которую они обрабатывают. А во втором – о группах людей, в традиционном представлении которых «общее» означало «родовое».

3. *Социальная структура.* Сегментарность (термин Э. Геллнера) берберских общин рассматривалась как средство их защиты от проникновения внешних воздействий и чужеродных элементов. Однако подобная структура могла вызывать неоднозначную ответную реакцию: с одной стороны, она была способна стать фактором сопротивления инородному проникновению в районах деревенского уклада, а с другой – помогала арабам захватывать территории скотоводческих хозяйств.

4. *Политические традиции.* Большинство берберских районов с давних пор противостоит центральной власти. Это, однако, не столько военное противостояние, сколько высокая сопротивляемость берберской культуры всевозможным внешним влияниям, в том числе цивилизационным. Берберы преобладали, в частности, в т.н. «стране львов» (биляд ас-сиба), которая *политически* не подчинялась султанам, признавая лишь их *религиозный* авторитет, да и то не всегда. Воздействие государственной администрации на повседневную жизнь берберов реально распространяется лишь на урбанизированные части страны, где преобладает арабский язык, тогда как в берберских поселениях традиционная культура по-прежнему остается доминирующей⁴⁸.

1.4. «Берберская политика» французского протектората

Французская оккупация Марокко не могла не вызвать протеста среди населения страны. Вскоре после подписания Фесского соглашения 1912 года (об установлении протектората Франции над Марокко) по стране прокатились многочисленные выступления и восстания, охватившие практически всю территорию Марокко. Поэтому для французского руководства стало очевидным: поддерживать порядок и сохранять контроль над страной невозможно без применения военной силы. В связи со сложившейся обстановкой 27 апреля 1912 года генеральным резидентом в Марокко был назначен генерал Лиотэ.

Генерал (впоследствии маршал) Луи Юбер Гонсальве Лиотэ считался человеком независимым в своих суждениях; он, по его собственным словам, уважал

⁴⁷ Кочевники – пшареш Сахары, однако, обходятся без арабского языка.

⁴⁸ Chaker S. Berbères aujourd'hui, с. 11-12.

традиции Марокко и марокканцев. Именно благодаря ему, как подчеркивает английский исследователь Невил Барбур, были сохранены памятники традиционной марокканской архитектуры, предприняты сознательные усилия по строительству новых городов, архитектура которых гармонично вписывалась в марокканский пейзаж и национальные традиции застройки. Как описывает свои впечатления французский посол в Марокко граф Сант-Олер, когда «Лиотэ пересекал на коне имперский город Фес, преисполненный благодатью, а не величием, завораживавший обывателей своим магнетическим взглядом,...так и хотелось прокричать: Император!»⁴⁹. Впрочем, это - мнение француза о французе, несущее в себе сильный заряд субъективности.

Прибыв в страну тогда, когда экономический и технический потенциал Франции многократно превосходил возможности Марокко, Лиотэ заложил фундамент организации производства, которое достигло впечатляющих результатов при минимальном ущербе национальным традициям и веками формировавшимся институтам.⁵⁰ Понятно, что действовал генеральный резидент в интересах прежде всего метрополии, то есть Франции.

Как отмечают историки, основным инструментом Лиотэ на начальном этапе колонизации Марокко была традиционная имперская политика «разделяй и властвуй», заключающаяся, в частности, во внесении раскола[≠] как военным, так и дипломатическим путем [≠] во взаимоотношения непокорных племен. Действенность проводимой генеральным резидентом политики проникновения французов в страну в конечном счете зависела от поведения и настроения глав местных племен. Обладая несомненным дипломатическим даром, Лиотэ старался привлечь на свою сторону как можно больше влиятельных людей Марокко. Так, французский ученый Бернар писал, что генеральный резидент предлагал каждому слою населения именно то, в чем тот нуждался, будь то дополнительные прибыли или гарантия безопасности урожая⁵¹. (Речь, разумеется, шла исключительно о привилегированной части населения Марокко).

Подобная тактика говорила, с одной стороны, о незаурядном политическом чутье Лиотэ, а с другой, данное поведение позволило французскому генеральному резиденту заручиться поддержкой не только политической, экономической и культурной элиты (главным образом арабской), но и некоторых других слоев населения, что впоследствии стало одной из основ системы французского протектората. Современный историк мог бы утверждать, что Лиотэ был сторонником «экономного», т.е. не предполагающего массовых репрессий, колониализма, наподобие модели имперского управления, практикуемого в своих колониях британцами.

Несмотря на самое современное оснащение французской армии, завоевание Марокко продолжалось длительное время и стоило огромных усилий и затрат. Французским экспедиционным корпусам потребовалось 22 года, чтобы в конце концов оккупировать территорию Марокко.

Лиотэ так характеризовал новый режим протектората в Марокко и особенности Фесского соглашения: «Это понятие (то есть режим протектората – М.В.) означает страну, сохраняющую свои институты, свое правительство и самоуправление под контролем европейской державы... Главное и наиболее характерное в этом соглашении – это принцип контроля, отличный от принципа

---

⁴⁹ Comte Saint-Aulaire. Au Maroc avant et avec Lyautey. Extraits des Mémoires de l'Ambassadeur publiés sous le titre : Confession d'un vieux diplomate. Paris, 1954, с. 243.

⁵⁰ Barbour Nevill. Morocco. London, 1965, с. 153-154.

⁵¹ Bernard A., La France au Maroc. Paris, 1917, с. 30-31.

прямого управления. Это соглашение должно иметь, как следствие, минимум управленческих расходов...»⁵². В этой связи необходимо отметить: Лиотэ считал, что никакой военной силы для удержания завоеванного не хватит, поскольку генеральный резидент рассматривал Марокко как страну со «свирепым культом независимости»⁵³.

Позднее он развил эту идею: это «единственный режим», который дает «надежду» расположить к себе подчиненный народ, «оставляя ему иллюзию независимости», и использовать влияние руководителей страны, привлекая и приобщая их к управлению⁵⁴.

Иными словами, речь шла о некоем симбиозе прямых и косвенных методов имперской политики Франции в Марокко. Пытаясь, однако, практиковать косвенные методы колониального контроля, Лиотэ был вынужден прибегать к жестким военным мерам, к чему его «душа», якобы, совсем не лежала. В 1921 году, например, Лиотэ воскликнул: «...мы находимся в стране Ибн Халдуна, ... в стране Аверроэса, и ...их потомки достойны их»⁵⁵.

В течение 44 лет французского протектората в Марокко здесь сменилось 14 генеральных резидентов. Однако самой незаурядной фигурой этой эпохи так и остался генерал Лиотэ, находившийся у власти 13 лет, с 1912 года - с момента установления протектората и вплоть до 1925 года.

Все основные реформы и преобразования в стране неизменно ассоциировались с его именем. Основное отличие деятельности Лиотэ от политики других резидентов состояло, видимо, в том, что маршал действительно искренне желал процветания и возрождения всех сфер общественной жизни Марокко, оставаясь при этом сознательным сторонником «просвещенного» колониализма. И это не просто слова. Главную задачу для французского правительства и для своей миссии в Марокко Лиотэ видел в заботе и преданности этой стране. Что, однако, не исключало бескомпромиссного отстаивания имперских интересов Франции, как он это делал на Мадагаскаре до своего назначения в Марокко.

Так, в своих письмах генеральный резидент постоянно указывал на то обстоятельство, что только благодаря проведению реформ, способствовавших экономическому развитию страны, но прежде всего – поддержанию высокого авторитета в глазах марокканского общества, возможно удерживать контроль Франции над территорией Марокко и добиваться требуемых уступок со стороны султана.

В 1915 году в письме к министру иностранных дел Франции Делькассе Лиотэ подчеркивал, что, опираясь на французское правительство, монарх смог бы расположить к себе марокканский народ, заручиться его поддержкой и доверием. И в благодарность за это признание султан будет покровительствовать французам, помогая Франции реализовывать свои замыслы и планы⁵⁶.

Стоит в этой связи заметить, что в каждом послании Лиотэ не только детально анализировал обстановку в Марокко, но предлагал полный перечень шагов с подробными разъяснениями о необходимых мероприятиях, способствующих модернизации страны, как ее представлял себе генеральный резидент.

---

⁵² Цит. по Аяш А. Итог одной колонизации. М., 1958, с. 90.

⁵³ Максименко В. И. Интеллигенция в странах Магриба. М., 1980, с. 12.

⁵⁴ Там же, с.90.

⁵⁵ Цит. по: Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973, с. 13.

⁵⁶ Lyautey Louis Hubert Gonzalve. Lyautey l'Africain. Textes et lettres du maréchal Lyautey. Présentés par Pierre Lyautey. 1915-1918. Paris, 1956, с. 51.

В частности, генеральный резидент основательно, по пунктам излагал преобразования, которым следовало бы уделить приоритетное внимание. Прежде всего требовалось, по его разумению, лучшее оснащение армии, привлечение марокканского населения на работу в различных отраслях хозяйства, будь то разнорабочими, советниками по аграрным преобразованиям или специалистами в различных отраслях хозяйства⁵⁷.

Что касается просьб марокканских лидеров и простого народа расширить их права и полномочия путем издания нового закона, то Лиотэ неоднократно подчеркивал, что существуют эффективные средства для усмирения возрастающей активности жителей Марокко – следует отвлечь их от сугубо политических проблем, заботясь об улучшении условий жизни простых жителей страны (например, снижая цены на ту или иную продукцию и т.п.).

Наибольший интерес в контексте проводимого монографического исследования все же вызывает так называемая *берберская политика* французского протектората. Смысл этой политики состоял в следующем. Французская администрация прекрасно понимала, что поощряя существующие противоречия между основными этническими общинами страны – берберской и арабской, она сможет успешно сдерживать возможное назревающее недовольство проводимой французами политики. Подобное дробление единой марокканской общности, полагали идеологи французской колониальной администрации, сведет к минимуму возможность создания единого антифранцузского протестного фронта.

За основу противопоставления основных этнических общностей были взяты традиционные конфликты между горожанами-арабами и сельскими жителями – берберами, проживавшими в «покинутых» государством, экономически отсталых районах, а также естественные различия между главными этносами в языковой сфере, своеобычие берберского племенного и культурно-бытового уклада и менталитета.

Французская администрация преследовала при этом определенные политические цели, а именно: с одной стороны, ей было необходимо обострить и поддерживать в тлеющем виде арабо-берберские противоречия. Доказательством подобного намерения может служить следующие высказывание чиновника генеральной резиденции Роже Годфруа-Демомбина: «Опасно позволить образование единого фронта марокканцев, говорящих на одном языке...Присутствие берберской расы есть полезный инструмент противостояния арабской расе; мы можем его использовать против махзена»⁵⁸. С другой стороны, французы стремились создать современную марокканскую элиту, которая впоследствии могла бы стать связующим звеном между представителями французской администрации и марокканским населением, а также объединив усилия с французами, способствовала бы постепенной модернизации страны⁵⁹.

Довольно быстро французская администрация протектората пришла к заключению, что необходимо сохранять в обиходе берберские языки, ограничить употребление арабского языка среди берберов и - что полностью отвечало целям протектората, - одновременно расширить сферу использования французского языка.

---

⁵⁷ Lyautey Louis Hubert Gonzalve. Lyautey l'Africain. Textes et lettres du maréchal Lyautey. Présentés par Pierre Lyautey. 1915-1918. Paris, 1956, с. 56-57.

⁵⁸ Gaudefroy-Demombynes R. L'oeuvre française en matière d'enseignement au Maroc, Paris, 1928, с.119, quoted in John P. Halstead. Rebirth of a nation : The origins and rise of Moroccan nationalism (1912-1944), Cambridge, 1967, с. 72.

⁵⁹ Benhlal Mohamed. Le college d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, 2005, с. 43.

Реализуя имперскую лингвистическую политику, французские власти привлекали к сотрудничеству берберов, владеющих французским языком. Берберы работали учителями, переводчиками, служащими в судах и т.д. Имперская политика французской администрации осуществлялась последовательно и целеустремленно. В частности, для отпрысков сельской берберской знати были открыты школы, лучшие ученики которых имели возможность поступать в привилегированный колледж Азру (подробнее о нем см. ниже). Колледж Азру был основан в 1927 году, обучение здесь велось на французском языке, и, что примечательно, лишь полтора часа в неделю отводилось на изучение арабского языка. Вследствие подобных мер, как отмечает З.А.Ментешашвили, учащиеся сознательно отдалялись от марокканской традиции и воспитывались в духе французской культуры. Таким образом, создавались определенные преграды для соприкосновения берберов с влиянием арабского национализма, объективно служившего идейной основой антифранцузского движения в стране⁶⁰.

Детализируя имперскую политику в Марокко, генеральный резидент Франции генерал Лиотэ поставил целью привлекать на сторону французской администрации наиболее влиятельных представителей племен, чтобы они впоследствии выступали связующим звеном между французской администрацией и большей частью населения страны. Задача была ясна: всемерно ограничить влияние традиционных марокканских институтов власти и управления на массовые слои населения.

Для достижения этой цели Луи Юбер Лиотэ предпринял несколько важных мер. Прежде всего в 1913 г. в Мекнесе был создан специальный центр, занимающийся исследованием берберского культурного наследия, а в январе 1915г. был организован Комитет по изучению берберской традиции, в состав которого вошли видные представители французской администрации, отвечавшие за «берберскую политику» в Марокко⁶¹. Среди членов этого Комитета также значились представители интеллектуальных кругов, которые выступали в роли консультантов. Параллельно в Рабате была учреждена кафедра берберских языков как часть Высшей школы арабского языка и берберских языков, ставшей впоследствии Институтом по исследованию марокканского общества⁶².

7 февраля 1915 года открылась первая франко-берберская школа. Однако подобные учебные заведения проводили своеобразную сегрегацию – существовали привилегированные школы для представителей знатных берберских семей и школы для простых берберов в деревнях. С учетом вышеперечисленных задач, которые ставила перед собой французская администрация, деятельность школ для знати находилась под пристальным вниманием колониальных властей. Основная задача властей заключалась в составлении школьной программы, центральным элементом которой стала языковая практика и внедрение основ французской модели образования в берберские школы. Преподавание здесь велось на французском языке, оно дополнялось изучением берберских языков. Так обстояло дело в элитных школах, тогда как в сельские школы приглашались профессиональные учителя из центра с обязательным знанием того или иного берберского языка, в зависимости от района, где данная школа располагалась. Таким образом, вместо арабского языка

---

⁶⁰ Ментешашвили З.А. Французская политика по отношению к берберам Марокко в годы протектората. // Время, проблемы, события. Тбилиси, 1985, с. 67.

⁶¹ Burke E. The Image of Moroccan State in French Ethnological Literature a New Look at the Origin of Lyautey's Berber Policy. In: Arabs and Berbers From Tribe to Nation in North Africa. London, 1972, с. 196.

⁶² Там же, с. 196.

вводилось обязательное обучение французскому языку⁶³. Одним словом, как полагала французская администрация, модель французского образования предоставляла берберам необходимые для их дальнейшей профессиональной жизни знания (в отличие от традиционных коранических школ с углубленным изучением Корана и основ мусульманского права).

Однако на практике создание и работа подобных школ часто сталкивались с определенными проблемами, связанными со спецификой сельского уклада жизни в различных областях Марокко. Так, например, многие дети не могли посещать школу ввиду ее удаленности от родного дома, поэтому родители предпочитали не отправлять детей в подобные школы (в таком случае французская администрация обязывала глав племен каким-либо способом влиять на родителей, чтобы их дети обязательно получали школьное образование, которое впоследствии стало бы гарантией их будущего). В некоторых районах практиковались смешанные браки; таким образом, арабский язык активно использовался в семье, и, следовательно, детям было необходимо пройти полный цикл образования (т.е. изучение как арабского, так и берберских языков), поэтому узкопрофильные берберские школы не вызывали у части родителей доверия; в традиционных сельских районах, где работы в поле являлись важнейшим способом жизнедеятельности всей племенной общины, многие родители полагали, что учеба в школе будет отнимать слишком много времени у их детей, оставляя лишь незначительное время для помощи родителям в поле. В сложившихся обстоятельствах дирекция школы принимала решение об увеличении доли физической работы (практики) в учебном процессе. Предпринятые меры вселяли уверенность родителей в необходимости получения образования и надежду на достойное будущее своих детей.

Несмотря на определенные успехи франко-берберских школ, их привлекательности в глазах родителей, в реальности многим семьям будущее их детей виделось в крупных городах – в рядах французской администрации, в государственных структурах, а не в продолжении родительских занятий в сельской местности, то есть родители мечтали о повышении социального статуса своих потомков. Таким образом, подобные школы оказывались своеобразным мостиком, по которому сельское население могло попасть в город. Некоторые родители, заботясь о карьерном росте своих отпрысков, отдавали предпочтение франко-берберским школам, которые облегчали возможность поступления в колледж Азру.

Спустя некоторое время после появления так называемых берберских школ, к большому удивлению французской колониальной администрации, в традиционных берберских районах родители стали требовать увеличения часов, отведенных на изучение арабского языка. Они исходили из того, что Марокко является арабской страной, а потому, где бы впоследствии не работал их ребенок, знание арабского языка станет для него обязательным. Как отмечают некоторые исследователи, религиозные чувства (в равной степени и национальные) берберского населения оказались глубже, чем предполагали французы⁶⁴.

Одним из центральных элементов системы колониального образования в Марокко был, как уже отмечалось, колледж Азру. Целями созданного в 1927 году этого учебного заведения, являлись: подготовка берберских преподавателей для франко-берберских школ, а также последующее поступление в военную школу Дар аль-Байда в Мекнесе, перед выпускниками которой открывались перспективы

---

⁶³ Benhlal Mohamed. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, 2005, с.69.

⁶⁴ Benhlal Mohamed. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, 2005, с. 93.

карьерного роста на военном поприще. Таким образом, образовательная политика французских властей сводилась к формированию квалифицированной берберской администрации, которая смогла бы в дальнейшем заменить арабских служащих в ведомствах французской колониальной администрации.

Начальное образование в Азру состояло из пяти классов, по окончании которых выпускникам выдавался сертификат начальных мусульманских классов. Один класс отводился на подготовку к образованию в средней школе, которое, в свою очередь, состояло из трех классов. Выпускники этого учебного заведения обладали знаниями французского языка, говорили на берберских и марокканском арабском языках, немного знали арабский литературный язык. В колледже существовали три отделения: педагогическое, которое готовило берберских преподавателей, ремесленное и сельскохозяйственное.

Еще одно образовательное заведение, плод усилий Лиотэ, школа марокканских офицеров Дар аль-Байда, было создано в 1918 году. Сюда поступали дети офицеров и все желающие пройти подготовительные курсы. На подготовительные курсы принимали детей с 14 лет, курс обучения продолжался четыре года. Дети офицеров поступали в Дар аль-Байда с 19 лет при обязательном наличии диплома о начальном образовании. Учениками этой школы были также дети представителей местной власти (каидов, шейхов), что указывало на то, что французская администрация стремилась установить крепкие связи с представителями местной элиты. Что касается городской элиты, то она не проявляла интереса к военной карьере.

Школы давали необходимые знания ученикам, социально раскрепощали школьников, приучали анализировать события в стране и мире, но, как отмечают исследователи, на занятиях берберы не хотели рассказывать о быте и укладе традиционных берберских семей. В глазах европейцев они предпочитали казаться современными и модернизированными. Во многих сочинениях школьники использовали новые термины (машины, радио и т.д.), а основной целью они видели возрождение и развитие своей страны, работу в крупных городах⁶⁵.

Политика французов по отношению к арабскому языку (вернее, к отсутствию уроков арабского языка в берберских школах) стала своеобразной опорной точкой зарождения и развития протестных настроений. Нередко берберы демонстративно отвечали французам на арабском языке, что было, как полагает исследователь Института изучения арабского и мусульманского мира Мухаммед Бенхляль, проявлением оппозиции в отношении французской оккупации Марокко⁶⁶. В апреле 1935 года появились первые признаки зарождения национализма и в Азру. Два молодых человека прибыли в Азру чтобы познакомиться с учениками колледжа. Как отмечали французские офицеры, они распространяли при помощи книг и листовок идеи национализма⁶⁷.

Особый интерес для нашей темы представляет анализ так называемого «Берберского дахира». Этот документ был задуман в самые первые годы французского протектората. 11 сентября 1914 года при содействии Лиотэ был подготовлен указ, суть которого передают следующие положения:

«Принимая во внимание тот факт, что благодаря миролюбивой французской политике новые племена неразрывно связаны с жизнью Империи; что эти племена, преимущественно берберские, имеют свои обычаи и законы, которые существуют с

⁶⁵ Benhhal Mohamed. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, 2005, с. 240-245.

⁶⁶ Там же, с.108.

⁶⁷ Там же, с.350.

незапамятных времен и особо почитаются всеми членами данных племен. Учитывая то, что во благо наших подданных и для спокойствия нашей Империи нам следует уважать существующий статут, при помощи которого осуществляется управление этими племенами...

Статья 1. Так называемые берберские племена остаются под контролем глав своих племен, сохраняя свои законы и обычаи.

Статья 2. Постановления Нашего Великого Везира в согласии с Генеральным Секретарем королевского правительства указывают на принятие следующих мер: 1) определить племена, имеющие в своем составе представителей так называемой берберской культуры; 2) обнародовать тексты законов и регламентаций, применимых к берберским племенам.»⁶⁸.

Вплоть до 1924 года разработка этого указа не повлекла за собой конкретных политических решений и действий. Однако в 1924 году были изданы два циркуляра генерального резидента. Первый, от 29 января, вплоть до деталей оговаривал учреждение судебных организаций, т.е. фактически устанавливал своеобразную юрисдикцию в зонах проживания берберских племен. Вторым циркуляром, от 14 февраля, регламентировал время выработки постановлений и проведения судебных заседаний организации.

8 октября 1924 года была созвана «комиссия по наблюдению за процессом регламентации берберской правовой системы» во главе с генеральным секретарем французской резиденции Сорбье де Пунадорез. Основной целью подобной комиссии было завершение разработки уставов, подготовленных юридическими организациями. Право осуществления наказаний за нарушение уголовного кодекса было закреплено за кадиями (религиозными судьями). Комиссия единогласно одобрила свои предложения, уточнив при этом: «Не существует помех для изменения однородной формы юридической организации во французской зоне, когда речь идет об укреплении позиций берберской части марокканского общества, чтобы она сыграла роль противовеса (арабам – М.В.); напротив, подобная политика имеет весьма существенные позитивные основания»⁶⁹.

Однако комиссия сочла преждевременным рассмотрение вопроса о введении смешанной французской и берберской юридических систем на берберских территориях. Алжирская формула мировых судей, судей уголовного права в берберских районах на тот период в Марокко была явно несвоевременной. По мнению представителей французской администрации, совмещение берберской правовой системы с французской, привнесение в первую особых западных традиций судебного делопроизводства способствовало бы «обновлению» и «упрощению» судебного процесса в берберских районах Марокко. Французский судья по просьбе данной юридической организации мог тотчас же быть приглашен в качестве председателя для урегулирования локальных и региональных проблем и споров. При необходимости местный инспектор мог председательствовать во время судебного процесса, что впоследствии привело бы к полному замещению французского судьи местным инспектором.

Новая организация, явившаяся своеобразным итогом обнародования двух вышеупомянутых распоряжений, с момента своего возникновения пользовалась очевидным успехом. В ряды юридических организаций набирались эрудированные

---

⁶⁸ Luccioni Joseph. L'élaboration du Dahir Berbère du 16 mai 1930 // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. №38, 1984, Aix-en-Provence, с.75.

⁶⁹ Luccioni Joseph. L'élaboration du Dahir Berbère du 16 mai 1930 // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. №38, 1984, Aix-en-Provence, с.76.

представители племен, превосходно знавшие свои обычаи и традиции и пользовавшиеся абсолютным доверием населения.

К концу 1929 года на территории Марокко уже действовала 81 юридическая организация, охватывавшая своей деятельностью фактически все основные берберские племена страны. Однако эти организации имели существенный недостаток: возникнув в результате административных инициатив, они не располагали законной (легальной) базой своей деятельности. Их постановления не столько фиксировали судебные решения, сколько были результатом деятельности других юридических инстанций (французских или марокканских), прямо либо косвенно заинтересованных, например, в управлении недвижимым имуществом.

Для изменения сложившейся ситуации была создана комиссия, уполномоченная изучить саму структуру и функционирование берберской правовой системы. Первое заседание этой комиссии состоялось 26 февраля 1930 года. Проект составленного Управлением по делам туземцев указа был представлен на рассмотрение данной комиссии.

С момента установления французского протектората над Марокко существовали две противоположные точки зрения на развитие судопроизводства в этой североафриканской стране. Первая, поддерживаемая адвокатскими кругами, опиралась на содействие большинства государственных представителей этой комиссии. Они выступали за ликвидацию системы берберских традиционных судов и за их замещение французским судом, свободным от всякого влияния извне. Возглавлял бы подобный суд мировой судья в племенах, подчиненных государственной власти, или офицер - в военных зонах. Сторонники данной позиции также полагали, что необходимо обнародовать унифицированный уголовный закон, единый для всех берберских племен; они, кроме того, выступали за создание системы юриспруденции, совместившей бы в себе берберские обычаи и принципы французского права. Их представления выглядели таким образом: «...Мы стремимся избежать исламизации традиционных племен, ...мы добиваемся того, чтобы поступательная эволюция происходила по законам развития французской цивилизации, а не арабской...»⁷⁰.

Совсем иной была точка зрения Управления по делам туземцев. В частности, начальник Управления по делам туземцев и член военного кабинета генерал Ногес призывал к «разумному» и «обдуманному» решению. Он полагал, что берберские племена вполне удовлетворены своей традиционной юридической системой, и нет никаких оснований считать, что они примут французскую систему судопроизводства.

В итоге, после длительных обсуждений, члены Управления единодушно проголосовали за создание проекта нового указа, целью которого являлось:

1) очертить сферу деятельности как глав племен в области уголовного права, так и роль общин в решении коммерческих или государственных дел, регулирования статуса движимого и недвижимого имущества, а также индивидуальных и наследственных прав;

2) создать апелляционные суды, которые могли бы обжаловать решения традиционных племенных судов; подобные суды призваны избавить берберскую правовую систему от всякого влияния и вмешательства Высшего королевского суда;

3) назначить при каждом племенном суде первой инстанции и апелляционном суде государственных комиссаров и секретарей суда.

---

⁷⁰ Luccioni Joseph. L'élaboration du Dahir Berbère du 16 mai 1930 // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. №8, 1984, Aix-en-Provence, с.77.

Спустя некоторое время глава комиссии неожиданно добавил к вышеперечисленным проектам следующий принципиально важный пункт: французские суды были вправе участвовать в расследовании преступлений, совершенных в берберских районах. Для рассмотрения подобных дел в ряды судей должен войти берберский суд присяжных, состоящий из трех заседателей. Подобные меры позволили бы, согласно подобным представлениям, более четко отслеживать и рассматривать подсудные дела в наиболее «неспокойных» районах страны, где вопросы безопасности подданных были весьма актуальны.

В «исторический» документ - Берберский дахир 1930 года - должна была войти шестая статья, которая вызвала всеобщее возмущение не только в Марокко, но и во многих арабских странах. Эта статья предусматривала: правонарушения, совершенные в берберских районах, в первой и последней инстанции находятся на рассмотрении во французской юрисдикции. Это означало сужение сферы деятельности Высшего королевского суда как верховного и главного арбитра в стране, а также и упразднение самой системы общественного права в Марокко.

Опасаясь нараставшего недовольства марокканского населения, представители французской администрации решили смягчить тональность данной статьи. Отныне ни французские прокуроры, ни судьи, занимавшиеся расследованием конкретных дел, не обязаны отправляться в районы с традиционным судопроизводством; следствие проводится только через посредника из числа представителей Управления по делам туземцев или государственными контролерами, которым предоставлена власть судебной полиции; все акты о преступлениях закона переводятся в ведение Управления по делам туземцев: оно, в свою очередь, решает, передавать ли эти дела в традиционный суд либо направлять их в уголовный суд. (47 из 217 дел были рассмотрены под французской юрисдикцией, остальные были отправлены в уголовные суды⁷¹). Подобные меры несли в себе угрозу осуществления длительных отсрочек в следственном процессе (семь месяцев как минимум); угрожали они и индивидуальной свободе населения.

Дахир 1930 года содержал следующие принципиальные положения/статьи⁷²:

Статья 1. В берберских племенах Марокко правонарушения, совершаемые марокканскими подданными, рассматриваются не шариатскими кади (судьями), как это происходит в остальных регионах страны, а главами племен.

Статья 2. Согласно установленным правилам и протоколам, в традиционных берберских племенах судебные тяжбы (в первой и последней инстанциях), затрагивающие государственную или коммерческую деятельность, имеющие отношение к движимому или недвижимому имуществу, подпадают под юрисдикцию традиционных судов. Подобные суды имеют собственный или наследственный устав.

Статья 3. Обжалование судебных приговоров, вынесенных традиционными берберскими судами, (в допустимых случаях) проводится в традиционных апелляционных судах под председательством французского судьи.

Статья 4. Апелляционные суды вправе рассматривать уголовные дела, которые не подпадают под юрисдикцию традиционных судов.

Статья 5. При каждом традиционном берберском суде первой инстанции или апелляционном суде находится государственный секретарь, делегированный местной администрацией.

---

⁷¹ Luccioni Joseph. L'élaboration du Dahir Berbère du 16 mai 1930 // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. №38,1984, Aix-en-Provence, с.79.

⁷² <http://www.mondeberbere.com/civilisation/histoire/dahir/encyclo.htm>

Через несколько лет после опубликования этого указа генеральный резидент созвал комиссию для разработки детальных постановлений, касающихся положения традиционных берберских судов. 8 апреля 1934 года был издан новый указ – дахир, предусматривавший создание в структуре Высшего Суда Специального отдела, занимавшегося регулированием правовых отношений в традиционных берберских племенах. Этот отдел состоял из юридической коллегии, куда входили президент и два заседателя. По просьбе обвиняемого или уполномоченного администрации протектората члены подобного отдела могли нанимать в помощники двоих заседателей из числа знатных представителей традиционных берберских племен (их голоса носили совещательный характер).

Берберский дахир 1930 года многими исследователями рассматривался как своеобразный «катализатор марокканского национализма». Как отмечает известный французский ученый Жиль Лафуент, издание подобного указа было направлено на сохранение берберской судебной системы и, тем самым, на формирование берберской «автономии» в Марокко⁷³. Однако несмотря на значительные уступки берберскому населению страны, французскими властями не оговаривались критерии причисления индивидов и групп к «берберскому племени», не уточнялся характер традиционных берберских законов. Именно французская администрация была призвана регулировать решение подобных вопросов и относить к берберским те племена, которые подчинялись колониальным властям.

По мнению некоторых ученых, в Марокко нет принципиальных различий между традиционными берберскими и кораническими сводами законов⁷⁴. На наш взгляд, подобная точка зрения не совсем корректна: безусловно, французы не создали новую судебную берберскую систему, они лишь косвенно подтвердили существование особой этнической группы внутри марокканского общества, с присущей ей культурной, административной и юридической традицией. Однако не стоит забывать и о том, что традиционные берберские племена на протяжении многих веков сохраняют свое историческое и культурное наследие, одним из компонентов которого является берберское судопроизводство.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В первые годы протектората французская политика «разделяй и властвуй» не вызывала сильного недовольства или раздражения народа, однако издание дахира 1930 года заставило большинство населения страны задуматься об истинных целях и задачах французской колониальной администрации в Марокко. Повсеместно (как в Марокко, так и за его пределами - в других арабских странах) прокатились волнения, участники которых резко осудили издание подобного указа. В основе протестных выступлений лежали следующие мотивы: французы намерены «христианизировать» берберскую часть населения страны, что воспринималось как фактическая угроза исламу; они стремятся противопоставить берберские племена арабам, способствуя тем самым фрагментации общества, отмежеванию берберского компонента общества от единого марокканского целого. Тактика французских властей, полагали манифестанты, сводится к поощрению и углублению существующих противоречий между двумя основными этническими составляющими марокканского общества – арабским и берберским. Объединение различных слоев и этнических групп общества под знаменем ислама стало основным призывом протестовавших. Среди них были и берберы, в том числе ученики и выпускники

---

⁷³ Lafuente Gilles. Dossier marocain sur le dahir berbère de 1930// Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. №38, 1984, Aix-en-Provence, с.83.

⁷⁴ Chaker Salem. Berbères aujourd'hui. Paris, 1989, p. 88.

колледжа Азру, которые не желали «быть оторванными от своих мусульманских братьев»⁷⁵.

Протестные выступления явились одновременно следствием резкого обострения экономических и политических проблем, нарастания общей нестабильности в стране: засуха, нашествие саранчи на сельскохозяйственные угодья, кризис в ремесленном производстве, вызванный конкуренцией с европейскими товарами, - все эти и другие факторы вывели на улицы марокканский народ с целью выразить всеобщее недовольство политикой французской администрации.

Несмотря на различные мнения относительно целей и последствий издания Берберского дахира 1930 года, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря этому историческому документу произошло объединение марокканского народа: ведь до публикации дахира население Марокко было в основе своей разобщено (городская интеллигенция не признавала берберскую традицию, называя ее «ересью» и т.д.). Неприязнь к дахиру, подтолкнула к активизации борьбы против французской политики в Марокко; нивелировав на время бытовавшие среди арабов и берберов предрассудки, она вселила, как писали некоторые авторы, уверенность в правоте общего дела в умы и сердца марокканского народа.

Еще одним мощнейшим «катализатором марокканского национализма» и марокканского национального движения стало образование и деятельность Республики Риф (1921-1926 гг.). Вдохновителем и организатором этого движения стал Абд аль-Крим. Его отцом был каид племени уриагиль, самого большого из племен, живущих на северо-востоке Рифа; ему удалось создать объединенную военную организацию племен Рифа. Поэтому после установления протектората в Марокко, испанские власти стремились привлечь этого влиятельного вождя на свою сторону, пригласив на службу его сыновей.

Сразу после заключения соглашения о протекторате испанские войска оккупировали подконтрольные ей зоны, что вызвало сопротивление берберских племен. С самого начала выступления против иностранного засилья не были организованными, отсутствовала объединяющая политическая идея. Однако в 1921г. движение сопротивления возглавил Мухаммед Абд аль-Крим. Безусловно, Абд аль-Крим понимал, что не располагает достаточными средствами для сопротивления испанской армии, поэтому он пытался заключить мирный договор с испанскими властями. Однако в апреле 1921 года в ходе встречи короля Испании Альфонса XIII и Сильвестра (губернатора Мелильи) было решено незамедлительно начать наступление на рифские территории с целью их полного захвата. Активные действия испанских войск убедили Абд аль-Крима в необходимости объединения рифских племен для противостояния иностранному проникновению.

Взаимоотношения Абд аль-Крима «с неортодоксальными братствами, доверие к племенам, а равно индифферентность по отношению к алауитской династии (которая была созвучна мыслям многих образованных марокканцев того времени) – все это снискало ему репутацию сторонника возвращения к былой (независимой – М. В.) жизни»⁷⁶.

Историческая роль и заслуга Абд аль-Крима заключалась в том, что именно благодаря его усилиям произошло объединение племен, а также была выработана тактика партизанских наступлений против испанской армии. Знаменательным

---

⁷⁵ Benhlah Mohamed. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, 2005, с. 336.

⁷⁶ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с. 37.

событием для сопротивления рифских племен оказалось сражение при Анвале в конце июня 1921 года. Умело используя факторы разведки, отвлекающих маневров, внезапных нападений, рифские войска нанесли испанцам чувствительное поражение. В этом сражении повстанцы захватили большое количество орудий, винтовок, снаряжения для продолжения военных выступлений против оккупационных войск. Как отмечает Н.С.Луцкая, «отряды рифов благодаря подвижности и небольшой численности были неуязвимы, в то время как массивные соединения испанцев представляли прекрасную мишень для противника»⁷⁷. Победа под Анвалем вдохновила рифские племена на новый организационно-политический шаг: в сентябре 1921 года было провозглашено создание Республики Риф.

Учреждение Национального собрания и провозглашение независимости страны Риф, населенной берберскими племенами, формирование «национального республиканского правительства», разработка конституции Республики Риф, «образование республиканско-конституционного правительства» - эти и другие факты и факторы свидетельствовали о серьезной политической попытке преодолеть разделяющее влияние родо-племенных отношений и создать современное по меркам 1920-х годов государство. Государство, способное стать эффективным инструментом и механизмом движения за суверенитет.

Политика по развитию инфраструктуры, оборонное строительство, стремление ослабить племенную междоусобицу, использование (возможно, не всегда эффективное) противоречий между ведущими западными государствами, нивелировка межплеменных противоречий в ходе боевых действий Рифской армии, апелляция к общественному мнению Франции, Испании, Великобритании – все это свидетельствовало о начале исторического эксперимента, который, в иных историко-геополитических обстоятельствах, мог способствовать формированию альтернативной протекторату политической системы.

Жизнеспособность Республики Риф оказалась столь значительной, что для ее ликвидации потребовалась политическая «рокировка» на высшем уровне: Лиотэ, не справившийся с ситуацией, был заменен «героем» Первой мировой войны маршалом Петеном.

Однако все действия французских войск против рифских племен встречали эффективный отпор. Подобная ситуация побудила французское руководство объединить свои усилия с испанскими войсками для борьбы с рифскими повстанцами. В июле 1925 года Франция и Испания выработали план совместных военных действия против Республики Риф и ее племен. В мае 1926 года началось широкомасштабное наступление французской и испанской армий в долине реки Уэргли. Безусловное военно-техническое превосходство иностранных армий сломало сопротивление рифских подразделений⁷⁸.

Однако поражение Республики Риф не ослабило сопротивление марокканцев диктату иностранных держав. Так, уже в 1926 году волнениями была охвачена область Таза, в 1929 году восстал Марракеш. 1932-1934 гг. были отмечены восстаниями в горных районах Высокого Атласа и Анти-Атласа. В 1930-е годы активное антиколониальное движение охватило города Марокко; борьба начала

---

⁷⁷ Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973, с. 78.

⁷⁸ Абд аль-Крима вместе с семьей сослали на остров Реюньон, где он оставался вплоть до 1947 года. В 1947 году французское правительство разрешило Абд аль-Криму въехать во Францию, однако во время остановки в Порт-Саиде ему удалось скрыться. В Египте он возглавил Комитет освобождения Магриба, основанный 9 декабря 1947 года. В учредительном манифесте Комитета Магриб провозглашался неотъемлемой частью арабского мира; главной целью Комитета было скорейшее достижение полной независимости стран Северной Африки.

принимать все более организованный характер. В 1936 году волнения наблюдались в Фесе, Касабланке и др. городах. В сентябре 1938 года произошло крупное выступление племени Джибала в районе Аль-Ксар аль-Кабира (испанская зона Марокко). Накануне Второй мировой войны обстановка в Марокко была весьма напряженной.

С окончанием Второй мировой войны в Марокко начался новый подъем национально-освободительного движения. Активное участие в борьбе за независимость приняли Марокканская коммунистическая партия (МКП) и Партия Истикляль.

Таким образом, политическая деятельность марокканцев не исчерпывалась вооруженным сопротивлением. С середины 30-х годов XX века в Марокко начинают постепенно формироваться политические партии. Как полагает Н. С. Луцкая, именно после издания Берберского дахира в 1930 году передовые круги национальной буржуазии (скорее, интеллигенции и формирующегося среднего класса – М.В.) приступили к созданию первой политической партии⁷⁹.

Необходимо отметить, что берберов Марокко изначально характеризовала независимость их политических «нравов». Становление суси (берберские мелкие торговцы, преимущественно выходцы из долины Сус; представители этого слоя, как правило, не отличаются ни высоким образованием, ни особым богатством, но они контролируют практически все основные отрасли розничной и полуоптовой торговли продовольственными товарами) как экономической общности в крупных городах Марокко началось в годы Второй мировой войны. В этот период многие из них заняли значимые позиции в бакалейной торговле, тогда как наиболее удачливые активно внедрялись в оптовую торговлю продовольствием. Некоторые из этих позиций суси «унаследовали» от еврейской общины, члены которой, как утверждает Дж.Уотербери, «устремилась вверх по лестнице экономического успеха»⁸⁰. В действительности же евреи в 1940 – 1942 гг. устремились не «вверх по лестнице экономического успеха», а в концентрационные лагеря, ибо правительство Виши проводило в «расовом вопросе» прогитлеровскую политику. При этом правительстве даже состоял особый «комиссар по еврейским делам» Ксавье-Валла, весьма усердствовавший на этом поприще. Так что суси, возразим американскому автору, действительно заняли нишу, освобожденную иудейской общиной, однако не по причине «успеха» последней. Этот процесс, помимо прочего, представлял собой развитие властной иерархии среди суси в городах Марокко. Оптовые торговцы оказывали значительное влияние на создание «паутины» этих отношений, вовлекая в свою деятельность соплеменников, особенно из молодого поколения, стимулируя миграционные потоки из горных районов в города. Данный процесс активно развивался в послевоенные годы параллельно с увеличением французских инвестиций в экономику Марокко и ростом крупных городов. Становлению экономической общности суси способствовали качества их экономической культуры, в частности бережливость и склонность к накоплению.

Дж.Уотербери так описывает основы экономической культуры суси: «Семена соревновательности засеивались в сознание суси в раннем возрасте. ... Ребенок был уже основательно погружен в коммерческую деятельность (в тексте: борьбу - М.В.) еще до миграции из долины Сус. Каждый уже представлял себе траекторию возможного успеха, т.е. взлеты и падения, своих знакомых. И этот сценарий постоянно пересматривался и обогащался. Принято считать: когда суси

⁷⁹ Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973, с.197.

⁸⁰ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с. 63.

возвращается домой [из странствий], никто его не спрашивает, где он был, предпочитая другой вопрос, сколько денег он заработал»⁸¹.

Важно отметить, что экономическое и политическое противостояние берберов суси арабам фаси никогда не принимало сепаратистских очертаний. Об этом, на взгляд автора, хорошо написал уже упомянутый Дж.Уотербери: суси, отмечал американский ученый, «являются ортодоксальными мусульманами-суннитами, и они гордятся этим. В духовном и ритуальном отношении они – часть основного потока жизни мусульманского мира. Их активный предпринимательский дух проистекает не из чувства фрустрации (в данном случае соперничества с фаси – М.В.), а определяется их убеждением, что их поведенческая стратегия восходящей мобильности вытекает из их понимания суси как интегральной части марокканского общества»⁸². Вышеприведенное положение американского автора методологически значимо, поскольку в условиях Марокко торгово-предпринимательская деятельность остается «клапаном безопасности» для многих безработных, она, таким образом, развивает такие необходимые человеческие качества, как трудолюбие, бережливость, умеренность в потреблении, уважение к клиенту, чувство ответственности за результаты осуществляемой деятельности⁸³.

Становление суси как социально-политической общности происходило в постоянном соперничестве с арабской предпринимательской прослойкой фаси, то есть фесцами. Как в свое время отмечал Р.Г.Ланда, в городе Фес еще в XVII веке сложилось ядро торговцев, ремесленников и лиц интеллектуального труда из андалусских эмигрантов (мусульман, изгнанных Реконкистой из Испании). В дальнейшем фаси, среди которых большинство составляли потомки жителей Гранады, прославились достижениями в коммерции, строительстве, садоводстве, архитектуре, музыке, поэзии. Расселившись по всем крупным городам, они постепенно образовали экономическую и духовную элиту Марокко. Отличаясь высоким художественным вкусом, фаси начали определять запросы и исполнять заказы элиты страны⁸⁴.

Начиная с момента установления протектората и вплоть до 1934 года регион Анти-Атлас не был полностью «умиротворен» французами. В течение десятилетия после этой даты многие суси, которые по мере возможности сопротивлялись центральной власти, примкнули к освободительному движению, и в частности к его организационно-политическому лидеру – партии Истикляль. Руководство этой партии находилось в руках молодых образованных марокканцев, вышедших из среды формировавшейся городской буржуазии – их конкурентов фаси (которая постоянно соперничала с суси). По этой причине далеко не все суси примкнули к Истикляль. (Реальную поддержку этой партии суси начали оказывать позже, уже в 50-е годы.) В их поведении играла свою роль боязнь лишиться протекции французов, которые, по своим имперским соображениям, помогали некоторым представителям суси в карьерном росте, тем самым стремясь осуществлять личный контроль за данным слоем населения страны.

Однако значительное и растущее число берберов все-таки оказывало финансовую поддержку партии Истикляль. Случаи же участия в деятельности этой партии берберов-торговцев были редкими. Для самой партии Истикляль помощь и содействие суси были весьма полезными. С одной стороны, ввиду своей профессиональной деятельности, постоянных контактов с различными слоями

---

⁸¹ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с.45.

⁸² Op. cit., с.90.

⁸³ Op. cit., с.99.

⁸⁴ Социальный облик Востока. М., 1999, с. 66.

общества, особенно сельского, суси, теоретически, могли распространять идеи и влияние партии Истикляль, их лавки могли служить для партии в качестве неофициального штаба, убежища для националистов и т.д.; с другой стороны, племенная коммерческая сеть суси оказалась довольно эффективным способом тайного горизонтального сообщения, в частности, для «доставки» политической информации и сбора «разведданных».

Отдельная зажиточная часть берберов-суси оказывала значительную поддержку королю (после обретения независимости); взамен правительство помогало представителям суси получить больший контроль над деятельностью торговых палат Марокко⁸⁵.

Как отмечал видный арабский экономист и социолог Самир Амин, если на востоке арабского мира некоторые группы пытались сохранить свою независимость и автономию на религиозной основе, то в Магрибе при поддержке языка и культуры берберов проявилось острое желание независимости⁸⁶. (Речь, скорее всего, идет о независимости Марокко от французского протектората).

По мнению Дж.Уотербери, берберы противоречиво оценивали период французского протектората в Марокко. Племена временно объединялись для сопротивления превосходящей военной силе французов на территориях исконного проживания, включая горы Атласа; но многие из них признавали, что французы обеспечили нормальное функционирование аппарата административного управления в берберских районах⁸⁷.

Тем не менее оценка политики протектората, проводившего якобы «берберскую» линию, встречает в независимом Марокко серьезные возражения. Так, современные лидеры Берберского культурного движения (те марокканцы, которые внесли немалый вклад в политическую и культурную актуализацию «берберского вопроса») и научные сотрудники Королевского института берберской культуры категорически отрицают положительную сторону французской имперской политики в отношении берберов. По мнению Салема Шакера, французской администрацией так и не были реализованы проекты по «продвижению» берберской культурной традиции (языка, печатной продукции, и т. п.). И наоборот, французский протекторат, по утверждению ученого, способствовал арабизации многих берберских районов страны: строительство новых дорог, рост темпов урбанизации, разрушение экономической базы традиционного марокканского общества - все эти факторы подрывали основы берберской автономии в сфере культуры и языковой традиции⁸⁸.

Более того, глава Марокканской ассоциации культурных исследований и обменов, Ибрахим Ахьят в своем интервью автору, которое он дал в Рабате в феврале 2005г., полемически заявил: французы «вырвали с корнем» берберскую традицию и идентичность берберского народа. Именно французы, по мнению Ахьята, вывели берберские языки из сферы образования, из политической и культурной жизни страны, что, безусловно, губительно сказалось на сохранении самобытности берберского наследия⁸⁹.

---

⁸⁵ Не стоит забывать, что берберская верхушка до 1955 г. была на стороне французов и даже помогла им в 1953г. свергнуть султана. В свою очередь, суси никогда не шли против своей «традиционной» (феодальной) элиты.

⁸⁶ Amin Samir. La nation arabe. Nationalisme et luttes de classes. Paris, 1976, с. 22.

⁸⁷ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с. 54,57.

⁸⁸ Chaker, Salem. Berbères aujourd'hui. Paris, 1989, с. 86.

⁸⁹ Материалы беседы с Ибрахимом Ахьятом. Рабат, 24.02.2005..

Во многом С.Шакер прав, однако «факторы арабизации» не что иное, как объективные последствия модернизации, проводившейся французами, отнюдь не с целью арабизации Марокко. Подобная политика не имела целью и культурное развитие берберского этноса, но закономерно ему содействовала, поскольку была стратегически ориентирована на *разъединение* арабов и берберов (что во многом и удалось). Заявления И.Ахьята и некоторых других деятелей Берберского культурного движения выглядят как политические декларации, имеющие целью отмежеваться от прошлого, не всегда безупречного, и добиваться своего с новых позиций общемарокканского патриотизма и антиколониализма⁹⁰.

Тем не менее упомянутые суждения, распространенные в берберской среде, заслуживают самого пристального внимания, поскольку в отечественной и западной литературе все еще преобладает точка зрения, согласно которой берберская политика французской администрации строилась с учетом интересов берберского населения. Важным направлением так называемой берберской политики французского протектората считается, в частности, учреждение многочисленных школ, где изучали языки, историю и культуру берберов. Однако этих начинаний было явно недостаточно для систематического культурного развития берберского этноса.

Оценивая деятельность режима протектората в целом, король Мухаммед V (правивший с 1927 по 1961 гг.), остроумно заметил, что подобный режим есть «костюм, пошитый на ребенка, который пытаются заставить носить взрослого человека»⁹¹. И подобное мнение не лишено оснований. В самом деле, экономически протекторат заметно улучшил положение страны, но он не адаптировался к социально-политическим реалиям, к духу нового времени и менталитету марокканского народа⁹². Позднее преемник Мухаммеда V король Хасан II развил мысль своего отца, категорично заявив, что французы создавали железные дороги, коммуникации, аэродромы, заводы, школы, инфраструктуру лишь для своих потребностей, в то время как марокканский народ оставался своеобразным «статистом» исторического процесса⁹³.

По мнению марокканской исследовательницы Мустафы аль-Кадери, «арабский национализм в странах Машрика зародился в условиях борьбы против турецкого господства; в Марокко же он появился в ходе исторического процесса, получившего название «берберская политика протектората в Марокко»⁹⁴. Таким образом, политика французской администрации была четко направлена на разобщение марокканского населения, способствуя усилению арабо-берберских противоречий.

Однако объективно благодаря французам и их политике «разделяй и властвуй» были созданы военные школы и училища, в которых начали обучаться и представители берберского населения. Эти учебные заведения явились как бы мостом, по которому берберы могли перейти из «бедного» прошлого в «благополучное» будущее, постепенно продвигаясь вверх по социальной лестнице. В школах, основанных французами, обучались преимущественно берберы, вышедшие из бедных районов Марокко, поскольку богатые слои марокканского

---

⁹⁰ Материалы беседы с Р.Г.Ландой. Москва, ноябрь 2009г.

⁹¹ Hassan II. Le défi, с. 49.

⁹² Там же, с. 49.

⁹³ Там же, с. 124.

⁹⁴ Mustapha el Kadery. Les berbères entre le mythe colonial et la negation national. Le cas du Maroc. // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000, с.8.

населения предпочитали отдавать своих детей в экономические, медицинские и юридические колледжи. Поэтому военная служба стала прерогативой берберов, для которых она была, пожалуй, единственным шансом на самореализацию в жизни.

Французы – волей логики своей имперской политики в Марокко - приобщали берберов к европейскому военному искусству, но самое главное - делились с ними своим опытом и знаниями, которые впоследствии сильно пригодились берберам в ходе борьбы за освобождение страны и признания их политических и гражданских прав, в том числе права на этнокультурную самобытность.

Исторически значимую роль в изучении марокканского наследия сыграли проводимые французами исследования в области берберской культуры – языков, истории и литературы. Хотя французская администрация решила изучать берберскую традицию ради того, чтобы лучше узнать этот народ, представлявший собой бóльшую часть населения страны, и в дальнейшем заручиться его политической поддержкой, эти исследования познакомили не только западные страны, но и самих марокканцев с историко-культурным наследием «берберской цивилизации».

Берберы в конце концов стали активными участниками организованной борьбы против французского господства. Однако произошло это не сразу. В силу объективных исторических обстоятельств до середины 30-х годов в берберской среде доминировали настроения лишь «племенного патриотизма» и «полуравнодушия» к общемарокканскому национализму (последний для них был исключительно делом фаси). Только с конца 30-х годов намечается интерес берберов в городах («зараженных» арабским влиянием) к борьбе за независимость – при сохранении традиционной оппозиции к султану и махзену среди феодальных «верхов», военных и племенных лидеров берберов. И лишь с созданием в 1955 году Армии национального освобождения позиция берберов изменилась, во многом ввиду уступок Франции султану и фаси. Возглавив Армию национального освобождения, представители берберского населения повели за собой весь марокканский народ, уставший от произвола и угнетения, которому он подвергался в период протектората. Таким образом, берберы сыграли важную роль в завоевании суверенитета Марокко. С момента обретения независимости начинается отсчет времени пробуждения берберского самосознания.

Глава II. Становление и развитие политической системы Марокко

Завоевание суверенитета поставило новые политические задачи перед марокканским обществом. Во-первых, было необходимо сохранить арабо-берберское политическое единство, получившее стимулирующий импульс в годы борьбы за независимость. Во-вторых, нужно было найти такую формулу распределения власти и представительства интересов, которая сделала бы берберскую этническую общность в целом заинтересованной в существовании (и в эволюционном обновлении) политической системы, возникшей в Марокко после 1956 года. Наконец, в-третьих, главной задачей власти стало безотлагательное формирование общей модели развития, способной стать основой единства и территориальной целостности марокканского общества. Решая эту триединую задачу, правительство Марокко добилось определенных успехов.

2.1. Особенности формирования партийно-политической системы Марокко

Политическая система Марокко с присущей ей современной организацией политических партий начала складываться после обретения страной независимости в 1956 году. К тому времени на политической арене действовали три основные силы: партия Истикляль, созданная в начале 1944 года; так называемая *берберская партия* - Национальное движение, образованное на рубеже 1957 и 1958 годов при поддержке короля Мухаммеда V, который считал необходимым уравновесить возраставшее влияние партии Истикляль на политическую систему страны; и Марокканская коммунистическая партия (МКП), ведущая свою историю с 1943 года.

МКП в 1959 г. была запрещена, в 1968 г. воссоздана под названием Партии освобождения и социализма, в 1970г. запрещена вновь, а с 1974г. легально существует как Партия прогресса и социализма⁹⁵.

Впоследствии внутрипартийные конфликты, вызванные расхождениями в определении целей и задач развития страны, имели следствием дальнейшее развитие/дробление партийно-политической структуры Марокко. Не последнюю роль в провоцировании разногласий и углублении межпартийных противоречий играл сам королевский двор, умело использовавший амбиции политиков и особенности их личных взаимоотношений для сохранения своих доминирующих позиций в марокканском обществе, где монархия оставалась главным субъектом экономических и политических отношений.

Мухаммед V решительно отказался принять на себя роль лишь номинального конституционного главы государства. (Неслучайно хорошо знавший монарха генерал де Голль отмечал его жизненную энергию и качества прирожденного лидера⁹⁶). Пользуясь своей *традиционной* (унаследованной от «богоизбранных» марокканских династий) и *современной* (обретенной в ходе движения за независимость политической и институциональной избранностью) легитимностью, Мухаммед V последовательно укреплял и одновременно модернизировал институт монархии. Его сын, Хасан, исполнял обязанности главы государства во время нахождения Мухаммеда V за пределами страны, а в 1957 году был официально назван наследником марокканского престола. Впоследствии, по конституции 1962 года, принцип майората (наследования по старшинству) был зафиксирован в качестве базового элемента преемственности высшей государственной власти в Марокко. В мае 1960 года Мухаммед V распустил правительство Абдаллы Ибрагима и сам

⁹⁵ Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе. М., «Наука», 1985, с. 20-47.

⁹⁶ См.: Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983, с. 110-111.

занял пост премьер-министра, назначив при этом Хасана заместителем председателя правительства. Так было положено начало функционированию «марокканской модели политики» [≠] непосредственному вмешательству монархии во все сферы социально-политической деятельности.

В феврале 1961 года после неудачно проведенной хирургической операции Мухаммед V скончался, и 3 марта Хасан II занял марокканский престол. Новый король принял на себя и обязанности премьер-министра страны, получив таким образом возможность контролировать социально-экономические процессы в Марокко. В декабре 1962 года была принята конституция Марокко, гарантировавшая народу основные гражданские и политические свободы, что вписывалось в общий контекст «открытия» Марокко процессу модернизации⁹⁷. Хасан II продолжил политику Мухаммеда V по консолидации власти в институте монархии; параллельно молодой король пытался всячески ограничить роль политических партий, которые пользовались законосовещательными функциями. Иначе говоря, марокканские партии были наделены лишь консультативными полномочиями и не могли тогда решающим образом влиять на политический процесс в Марокко.

В Марокко укреплялась власть монарха за счет законодательной власти и ее представительных институтов – избираемой прямым голосованием Палаты представителей и комплектуемой на основе сложных процедур непрямого избрания Палаты советников (легко контролируемой королевской властью). Важной особенностью Конституции 1962 года было то, что она легитимировала многопартийность в марокканском государстве.

Развивая собственные политические инициативы, Хасан II фактически поощрял дробление партийно-политических сил и создание новых организаций, лояльных трону. Так, например, в 1958г., т.е. еще при Мухаммеде V, появилась партия Народное движение (Mouvement Populaire). Хасан II отлично понимал: подобные организации поддержат монархию из желания ослабить влияние наиболее крупных и влиятельных партий, прежде всего Истикляль.

Однако положение монархии систематически дестабилизировали внутренние социально-экономические факторы. Избранная властью модель экономического развития имела следствием усиление региональных и социально-имущественных диспропорций (рост безработицы, увеличение разрыва в доходах у различных слоев населения, углубление процессов маргинализации в сельской местности и т.д.) Отражением обострившихся социальных противоречий явились, в частности, массовые забастовки и митинги, на которых звучали требования улучшить материальные условия жизни народа и провести отвечающие его интересам социально-экономические преобразования.

Резкое обострение внутривластной ситуации со всеми вытекающими из такого кризисного развития последствиями побудило Хасана II ввести с 7 июня 1965 года чрезвычайное положение в стране. Король, согласно статье 35 конституции Марокко, отправил в отставку правительство страны, на неопределенный срок распустил парламент и принял на себя всю полноту законодательной и исполнительной власти. Фактически на следующие пять лет, с 1965г. по 1970г., политическая жизнь в стране была «заморожена».

Вместе с тем королевский двор был вынужден считаться с интересами различных политических сил и оперативно реагировать на непрекращавшиеся социальные волнения в Марокко. В целом власти удалось сохранить контроль над

---

⁹⁷ http://www.mmsp.gov.ma/ConcoursENA2008/propos_sur_l_evolution_const_Maroc.pdf

внутриполитической ситуацией за счет осуществления давно назревших преобразований, проведения которых добивались народные массы: была, в частности, национализирована частная иностранная собственность и начато осторожное перераспределение земельного фонда страны.

Чувствуя, что монархия утрачивает легитимность в обществе, Хасан II в июле 1970г. объявил о намерении вынести на общенациональный референдум проект новой конституции. Несмотря на критическое отношение к данному проекту со стороны основных политических партий, профсоюзов, главных студенческих и молодежных организаций, проект новой конституции все же был одобрен.

Хасан II действовал решительно и быстро, словно стремясь упредить и обезоружить своих политических противников: в августе 1970г. были проведены парламентские выборы. Истикляль и Национальный союз народных сил, объединившись в Национальный фронт (Кутля Ватанийя), попытались организовать бойкот выборов. Их усилия оказались тщетными, однако, выступая против «новой» конституции и выборов, обе политические силы лишили режим значимой общественной поддержки. Монархия, таким образом, все более теряла способность к политическому маневрированию и оказывалась в зависимости от марокканской армии и других силовых институтов, что никак не входило в планы короля.

Король Хасан II продолжил наступление на позиции своих политических противников: в июне 1971г., были проведены выборы в Палату советников. Эти выборы власть искусно изобразила как «возвращение к парламентской демократии после почти семилетнего королевского диктата», и такую же трактовку дала выборам французская печать. Оправившись от прошлых потрясений и неудач, марокканская монархия умело манипулировала слабостями политической элиты (в особенности ее жадой депутатских мандатов), оттесняя, как и прежде, на периферию политического процесса неугодные королю силы. Такая политическая «катастрофа» произошла с партией Национальный союз народных сил, которая получила «унизительные» 16 депутатских мандатов (из 176); безрадостную для партии картину довершило поражение ее лидера Абдеррахима Буабида, не прошедшего в парламент.

Очевидную уязвимость социально-политических позиций монархии высветили попытки государственных переворотов с целью физического устранения Хасана II.

Первая попытка переворота была предпринята 10 июля 1971 года в день рождения короля, когда в столице собралось множество гостей. В тот день на короля Хасана II было совершено покушение, которое организовала часть высокопоставленных офицеров марокканской армии. Примечательно, что пять генералов и два полковника, принимавших активное участие в подготовке переворота, имели берберские этнические корни. Подобный ход событий вызвал массу догадок и версий о причинах этого «путча», как его называют некоторые европейские исследователи.

Р.Г.Ланда, например, ссылается на французскую прессу, которая назвала заговор «чисто берберским делом». Ученый также приводит и другую версию: возможно в покушении были заинтересованы американцы, стремившиеся противопоставить друг другу формирующуюся арабскую буржуазию и берберскую аристократию⁹⁸. В мировой печати сообщалось также и о якобы имевшей место причастности к этим событиям лидера Ливии, Муаммара Каддафи.

---

⁹⁸ Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985, с. 42, 46.

Многие ученые (в их числе Дж.Уотербери) считают, что цели неудавшегося восстания не были ясны, однако очевиден тот факт, что первостепенную роль в произошедшем событии сыграли видные берберские деятели того периода⁹⁹.

И действительно, главным действующим лицом среди заговорщиков был генерал Медбух (бербер по происхождению). Возглавляя королевское военное ведомство, он контролировал армию и был ближайшим помощником Хасана II. В свои 43 года Медбух сделал блистательную карьеру: закончил военный колледж Дар аль-Байда в Мекнесе, затем служил во французской армии, позже был назначен на пост губернатора провинции Уарзазат.

Вторым важным действующим лицом путча стал полковник Мухаммед Абабу (также бербер). Но в отличие от остальных участников восстания, которые сформировались как профессиональные военные в конце 40-х гг., он был офицером, воспитанным уже в армии независимого Марокко. Будучи руководителем военной школы в Ахирмуму, предоставившей заговорщикам основные силы для покушения, Абабу нес персональную ответственность за «техническое» осуществление переворота.

Хотя основными разработчиками плана покушения на короля были берберские военачальники, их желание сместить короля было, скорее всего, вызвано общим недовольством политическим и экономическим положением, сложившимся в стране после введения королем чрезвычайного положения. По мнению руководителей и участников переворота, королевская власть, пораженная коррупцией и пренебрегавшая интересами населения, своей политикой неизбежно вела к разрушению государства. Как считает британский исследователь А. Корам, восставшие руководствовались следующей логикой: «поскольку на короля уже надежды нет, постольку нам следует действовать сейчас, пока власть не захватят другие»¹⁰⁰. Другие авторитетные исследователи также не усматривают «этнической подоплеки» в событиях июля 1971 года.

Свое участие в попытке переворота бывший лейтенант королевской армии Ахмед Рами (бежавший впоследствии в Швецию, где он создал «Радио Ислама») характеризует таким образом: «В ту эпоху гнет и коррупция были таковы, что государственный переворот был единственным способом выразить свое недовольство. Во времена Уфкира (министра обороны Марокко – М.В.) мне было 25 лет, я был молод, нетерпелив, динамичен, пылок. Как и большинство молодых людей моего поколения, я жаждал изменить мир. Каким образом? Одни пытались сделать это с помощью идеологии, другие, как я – действием. Не забывайте, что я был солдатом, а армия – это “великий немой”. В ней строго соблюдается долг. Это было худшее из решений. Обращение к насилию - признак слабости нашего общества»¹⁰¹.

Однако сам король Хасан II объяснял действия заговорщиков их «чрезмерной гордостью» и недалекостью, которые-де и толкнули этих людей, не имевших четких политических идей, не обладавших широкой военной и политической поддержкой, на подобную акцию. В своем радиообращении 4 августа король так охарактеризовал действия «путчистов»: «Это не был заговор, поскольку в заговоре присутствует элемент подготовки, разработка программ, учет всех возможных сценариев развития событий, создание союзнических групп единомышленников и

⁹⁹ Waterbury J. The Coup Manqué // Arabs and Berbers From Tribe to Nation in North Africa. London, 1972, с. 397- 423.

¹⁰⁰ Coram A. The Berbers and the Coup // Arabs and Berbers From Tribe to Nation in North Africa. London, 1972, с. 428.

¹⁰¹ <http://www.rami.tv>

получение значительной политической поддержки. Однако операция, проведенная 10 июля, скорее напоминает разбойничье нападение»¹⁰².

Дж. Уотербери привел достаточно убедительные доказательства отсутствия явного «берберского следа» в попытке переворота 10 июля 1971г. Описывая ситуацию по «горячим следам» события, ученый обращает внимание на следующее обстоятельство. В Марокко сложилось мнение, что старшие офицеры – «путчисты» отчетливо понимали: «взяточничество и коррупция, особенно среди гражданской элиты, разрослись до таких размеров и стали настолько очевидными марокканским массам, что социальный взрыв был неизбежным. Офицеры (участники «путча» - М.В.) имели веские основания полагать, что их младшие коллеги по вооруженным силам могли начать борьбу за власть на волне растущего недовольства, в ходе которого король и его старшие офицеры были бы уничтожены. Старшие офицеры решились на упреждающие действия»¹⁰³. В Марокко многие также считали, что коррупция сознательно поощрялась королевским дворцом.

В связи с попыткой переворота 1971 года целесообразно отметить следующее. Некоторые исследователи обращают внимание на импульсивность политического поведения берберов. «Берберские политиканы, - писал, например, Дж.Уотербери, - одновременно и консерваторы, и радикалы... У них свой стиль, для которого нет адекватных объяснительных категорий. В результате приходится сталкиваться с их самыми неожиданными политическими действиями (включая полное изменение первоначально заявленных позиций), которые не поддаются рациональному, практическому или идеологическому объяснению; единственное объяснение подобных поступков – отсутствие политической логики в момент совершения действия»¹⁰⁴.

На наш взгляд, целесообразно отметить и другие причины и обстоятельства путчей 1971 и 1972гг. Так, скорее всего в путче 1971г. можно увидеть и иные мотивации: попытку берберских военных, связанных со «своей» аристократией, еще больше усилить собственное политическое влияние в стране; стремление берберской молодежи (ведь в основном путчисты были курсантами военного колледжа в Азру) выступить против монархии как института и самой династии Алауитов - арабской по происхождению. Незрелость и, как тогда писали, «бестолковость» заговорщиков стали отражением слишком различных и противоречивых тенденций в их среде. А вот в заговоре 1972г. отчетливо проявились «экзогенные факторы», в первую очередь влияние США. Видимо, американцев тяготило постоянное лавирование Марокко между США и Францией, и они требовали от марокканского монарха большей внешнеполитической определенности. Ответом Хасана II на заговор 1972 г. стали «марокканизация» экономики и – даже - концепция «марокканского социализма».

16 августа 1972 года произошло второе неудавшееся покушение на жизнь Хасана II. Когда король возвращался из Парижа, его «Боинг-727» был атакован истребителями, поднявшимися с военного аэродрома в Кенитре. Хасана II спасло то, что перед вылетом он решил немного изменить маршрут полета и приказал лететь как можно дальше над территорией Испании. Планируя покушение, генерал Уфкир рассчитывал в случае удачного проведения данной операции посадить на престол 9-летнего сына короля, а самому стать при нем регентом, единолично управляя страной. Несмотря на то что многие рассматривали Уфкира и его сторонников

¹⁰² Hassan II. Le défi. Paris, 1976 с.168.

¹⁰³ Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972, с.14.

¹⁰⁴ Waterbury J. The Commander of the Faithful- the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с.120.

агентами иностранных разведок, король Хасан II справедливо заметил, что эти люди пали жертвой собственных амбиций¹⁰⁵.

Сложная внутривластная обстановка требовала от двора одновременно и решительности, и гибкости. Жестко преследуя своих политических противников, король, особенно после августа 1972г., обратился к основным оппозиционным партиям с предложением политического сотрудничества. Однако Истикляль и Национальный союз народных сил вновь отказались от участия в правительстве, требуя проведения «далеко идущих» реформ, включавших ограничения прерогатив короля и гарантии основных политических свобод.

Находясь под постоянным давлением политических противников, правительство осуществило ряд мер, целью которых стала бы стабилизация внутреннего положения в стране и укрепление политического режима. Речь шла о пресечении наиболее вопиющих проявлений коррупции, о консультациях с оппозиционными партиями и привлечении их представителей в правительство, о реорганизации вооруженных сил. Вместе с тем Хасан II как искусный политик использовал в своих интересах нараставшие противоречия между Национальным союзом народных сил и Истикляль. Монарх стремился сохранить свою роль верховного арбитра социально-политических отношений в Марокко. Хасан II пытался также манипулировать конфликтующими друг с другом оппозиционными партиями, проводить одновременно с этим умеренные общественные преобразования, которые создавали бы у народа представления о происходивших в стране поступательных изменениях, о том, что монарх содействует общественному прогрессу. Однако события 1972 - начала 1973гг. вновь заставили Хасана II поторопиться.

В марте 1973г. имели место вооруженные выступления сил оппозиции. Понимая неизбежность экономических и политических перемен, король Хасан II объявил о введении в действие комплекса мер, получивших обозначение «марокканизации» экономики и имевших целью построение «марокканского социализма».

«Марокканизация» экономики первоначально была рассчитана на два года. В дополнение к этой инициативе Хасан II предложил обществу амбициозный пятилетний план развития Марокко (1973-1977гг.). Его важным элементом было повышение среднегодовых темпов экономического роста до 7,5%. Одновременно, стремясь расширить базу массовой поддержки монархии в деревне, король объявил о национализации принадлежавших иностранцам (в основном французам) земель и их последующем распределении среди сельского населения страны. Однако от «марокканизации» пострадали не столько европейские (французские, испанские и итальянские) колонисты (большинство их покинули Марокко в 1955 – 1958 гг.), сколько американские и прочие западные компании, вынужденные уступить значительную долю своих акций марокканцам. С этого момента вся марокканская буржуазия – и фаси, и суси – решительно поддерживала короля. Король обнародовал также несколько внешнеполитических инициатив, рассчитанных прежде всего на внутреннее «потребление» на консолидацию марокканского общества вокруг монархии.

Так, Марокко усилило свою позицию на переговорах с Испанией по проблемам рыболовства. Во время арабо-израильской войны в октябре 1973г. марокканские войска были отправлены на египетский и сирийский фронты. Была подтверждена поддержка Марокко «палестинского дела». Наконец, положительную оценку во всех

---

¹⁰⁵ Hassan II. Le défi, с.172.

сегментах общества получила позиция короля по возвращению Марокко Западной Сахары (ранее находящейся под мандатом Испании), богатой пользующимися значительным спросом на мировом рынке фосфатами.

Создатели концепции «марокканского социализма», в которой было сильно влияние идей ислама, явно рассчитывали на поддержку народных масс. Замысел властей состоял в том, чтобы резко понизить политический радикализм значительной части марокканского общества, предложив народу некий «третий путь», свободный и от «дефектов» капитализма и от наслоений «реального социализма». «Марокканский социализм», о чем неоднократно заявлял Хасан II, был призван служить своеобразной антитезой идеям и практике классовой борьбы, которая угрожала разрушением целостности общества. Иначе говоря, начиная преобразования, королевский двор сделал общей идейной платформой марокканский национализм с его проектом «социальной гармонии», надеясь таким способом снизить накал внутренних противоречий.

Оценивая суть проведенной «марокканизации» экономики, следует расценить ее как крупную победу буржуазии, которая, получив неограниченный доступ к государственным кредитам, воспользовалась этой возможностью для распределения их по своему усмотрению. В результате государственные кредиты дошли лишь до незначительной части представителей средних слоев населения (не более 5% от числа принявших участие в «марокканизации»¹⁰⁶).

Власть понимала: в будущем перед ней могут возникнуть новые серьезные проблемы. Во-первых, сохранялась неопределенность поведения вооруженных сил даже на краткосрочную перспективу; во-вторых, партийная система Марокко переживала явную деградацию на фоне глубокой апатии и неверия в ее возможности массовых слоев населения; в-третьих, нарастало отчуждение от политической системы и политического режима некоторых социально-демографических групп, в первую очередь молодежи.

В марокканской печати отмечалось: кризис легитимности монархии был напрямую связан с неэффективностью экономической системы и, в частности, с ее неспособностью соответствовать ожиданиям политизированных марокканцев, недовольных растущей «несправедливостью» в распределении национального дохода. Существовавшие в распределении «плодов экономического прогресса» в Марокко негативные тенденции дали основание В. А. Мельянцеву, например, утверждать: материальное положение беднейших слоев населения страны «в период независимости ухудшалось, возможно, не только относительно, но и абсолютно»¹⁰⁷. Вышеописанные тенденции начинали сказываться и на поведении основных партийно-политических сил.

Так, с середины 70-х гг. XX века в Марокко постепенно оформляется двухблоковая политическая конфигурация: блок «Вифак» (Согласие), традиционно промонархический блок, в который на протяжении многих лет входило Народное движение; и «Кутля» (Демократический блок), в который вошли Истикляль, Социалистический союз народных сил (ССНС - Union socialiste des forces populaires) и Партия прогресса и социализма (ППС - Parti du progrès et du socialisme). Эти политические объединения просуществовали до начала XXI века, сыграв историческую роль в становлении современной политической системы Марокко. Однако в целом «усмирение» социально-имущественных диспропорций оказалось нелегким делом, и этот процесс «захватил» и следующее десятилетие.

---

¹⁰⁶ Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики. Пер. с франц. М., 1983, с.148.

¹⁰⁷ Мельянец В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 144.

Действительно, 80-е годы XX века в Марокко ознаменовались растущим массовым недовольством населения страны. Оно выразилось в забастовочных движениях, волнениях в сельских регионах Марокко. Сложная внутривластная ситуация в стране характеризовалась острым социально-экономическим кризисом, связанным с ростом цен, «несправедливостью» налогообложения, а также безработицей и мизерной заработной платой основной массы населения, особенно групп с фиксированными доходами, и т.п. Несмотря на предпринятые королевским двором действия по разрешению социально-экономических проблем (в 1984 году более половины сельского населения было освобождено от уплаты налогов¹⁰⁸, созданы новые рабочие места и т.д.), это не способствовало кардинальному реформированию марокканской экономики, а явилось лишь временной мерой в попытках предотвратить назревавшую конфликтную ситуацию.

Под воздействием внутренних и внешних факторов развития страны в начале 1980-х годов наблюдается рост фундаменталистских организаций в Марокко, которые король Хасан II первоначально надеялся использовать как контролируемый властью политический противовес левым и левоцентристским силам.

При анализе внутренней политики Хасана II необходимо учитывать и влияние на нее группы *внешних* факторов, прежде всего Исламскую революцию 1978 – 1979 гг. в Иране и порожденный ею «исламский бум» (усиленный и войной 1979 – 1989 гг. в Афганистане). В этой весьма непростой международной ситуации Хасан II сумел быстро и адекватно сориентироваться: марокканский монарх ловко использовал в своих интересах якобы существовавшее «непонимание» шиитами Ирана проблем суннитов-арабов, а также экстремизм аятолл и их последователей, будто сближавший их с радикальными идеями и практиками коммунистов. Игра короля на менталитете мусульман Марокко, чтущих его как потомка Пророка, шерифа и имама всех марокканцев (к тому же, согласно статье 19-й Конституции, «следящего за выполнением предписаний ислама»), была весьма действенна и фактически лишала идейно-культурной почвы исламистов Марокко, которые занялись терроризмом в основном за пределами родной страны, на обширном пространстве от Афганистана до Испании и США.

В начале 90-х годов королевский двор взял курс на расширение роли парламентских и партийных институтов в обществе и одновременно – на стабильное удержание исламских неправительственных организаций в русле «направляемого развития». Для этого правящие круги Марокко использовали подтвердившую свою эффективность двойственную политическую тактику: с одной стороны, власти попытались частично модернизировать политическую систему за счет сознательного внедрения в общество принципов либеральной демократии, а с другой – решили дифференцированно подойти к различным группировкам исламистского толка. Королевский двор стремился побуждать умеренные силы к компромиссу, в том числе экономическим стимулированием (в частности, распределением земель в процессе «марокканизации» экономики). Одновременно власть использовала все доступные методы для ограничения и социальной изоляции исламистов-радикалов, пресекая их действия с максимальной решительностью.

---

¹⁰⁸ Сергеев М.С. История Марокко. XXI век. М., 2001, с.188.

2.2. Роль «берберских» партий в политической жизни Марокко

После провозглашения независимости Марокко король Мухаммед V, а затем его наследник Хасан II использовали, как уже говорилось, в своей политической стратегии слабости и недостатки противоборствующих сторон. В этот период главную роль в политической жизни страны по-прежнему играл король; влиянием пользовалась партия Истикляль¹⁰⁹, а также зарождавшееся движение берберов. Поэтому, как считают некоторые исследователи, и в частности З.А. Ментешавили, королевская власть сначала разжигала «вражду между Истикляль и берберским движением, затем и внутри каждого из них»¹¹⁰.

Подобная точка зрения не совсем полно отображает, по моему мнению, содержание сложной политики короля. Ведь монархия, с одной стороны, в немалой степени опиралась на берберов Среднего и Высокого Атласа, и лидеры берберов были призваны сыграть роль центральной группы, вокруг которой могли бы консолидироваться все традиционалистские силы, намеревавшиеся создать сильную промонархическую партию. А с другой стороны, дворец стремился не допустить усиления позиций как партии Истикляль, так и самого берберского движения.

Утверждение берберского движения в качестве признанного политического института имело свои особенности. Народное движение было сформировано двумя единомышленниками - доктором Хатыбом (арабом) и бербером Махджуби Ахерданом, в прошлом офицером французской армии, занимавшим в то время пост губернатора провинции Рабат¹¹¹.

Известный американский магрибист Ром Ландау в своей книге, посвященной политическому развитию независимого Марокко (*Morocco Independent*. London, 1961), с неподдельным восхищением описывает свои встречи с Ахерданом и Хатыбом. Ему с трудом верилось, например, что Ахердан - марокканец, поскольку тот писал по-французски лучше, чем по-арабски, а его семья, где жена была француженкой, производила впечатление традиционной французской семьи из Парижа. Помимо этого, Ахердан обладал несомненным талантом как в живописи, так и в стихосложении.

Доктор Хатыб получил медицинское образование в Алжире и Париже, затем начал работать практикующим хирургом в Касабланке. Даже политические оппоненты Народного движения говорили о Хатыбе и Ахердане с очевидным уважением. Повсюду в Марокко - от Рифа на севере до южных пределов государства, доктор Хатыб и Ахердан считались «наименее дискредитированными политиками». Их уважали за честность и неподкупность, за солидный послужной список в борьбе за суверенитет Марокко¹¹². Признавая эти заслуги, король Мухаммед V в мае 1960 года назначил доктора Хатыба на должность министра труда.

---

¹⁰⁹ Помимо приверженности исламу подтверждалась также верность партии Истикляль «арабской идеологии». Истикляль, устами своих руководителей, заявляла, что мусульманская религия принесла Магрибу лучшие духовные качества, которые гармонируют с надеждами и чаяниями марокканцев. См.: Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973, с. 380

¹¹⁰ Ментешавили З.А. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50-70-е годы XXв.). М., 1985, с. 74.

¹¹¹ Ben Kaddour, Abdaslam. The Neo-Makhzan and the Berbers // Arabs and Berbers From Tribe to Nation in North Africa. London, 1972, с. 265.

¹¹² Landau R. Morocco Independent. London, 1961, с. 114.

По мнению доктора Хатыба, партия Народное движение создавалась для идейно-политической борьбы с гегемонией единственной влиятельной на тот момент партии, Истикляль. Народное движение, как отмечает Хатыб, должно было положить конец «беззаконию, тирании и деспотизму», которые исходили, по его мнению, от партии Истикляль¹¹³. Своей основной целью основатели новой партии поставили политическую консолидацию деревни (сельской местности) и города. Принципы партии: социализм, ислам, объединение Магриба, а также разработка демократической конституции, которая впоследствии стала бы институциональной основой для конституционной монархии, были положены в идейное основание данного политического движения¹¹⁴.

По свидетельствам очевидцев, Ахердан, как и доктор Хатыб, исходили в своих взглядах на суверенное марокканское общество по крайней мере из двух основных представлений. Во-первых, они считали вредными материалистические учения, включая марксизм; их идея состояла в том, чтобы построить современное общество на основе принципов «чистого» ислама, который позволил бы, по их мнению, и эмансипировать женщин, и решить проблемы землевладения и землепользования, и даже вести на честной основе коммерческую и финансовую деятельность. Во-вторых, оба политика были одержимы идеей последующего объединения Магриба [≠] от Ливии на востоке до Мавритании на юго-западе. Помимо этого, и доктор Хатыб и Ахердан были ревностными монархистами. Они были убеждены, что в такой стране, как Марокко, монарх (и монархия как институт), будучи государственным и одновременно духовным лидером, является естественной основой консолидации марокканской нации¹¹⁵.

По мнению этих видных политических деятелей, стране была необходима новая организация, представлявшая не только интересы берберов, но и всего сельского населения Марокко¹¹⁶. Таким выразителем интересов народа могла бы стать партия Народное движение.

Существуют две точки зрения о причинах создания подобной партии. Согласно первому утверждению, эта партия рассматривалась как необходимый противовес искусственной в политике Истикляль¹¹⁷. Сторонники другой точки зрения считали, что именно партия Народное движение провозгласила себя защитницей интересов сельских жителей; а поскольку обретение независимости существенно не улучшило их положения, то крестьяне охотно голосовали бы за эту партию на выборах.

Это было тем более актуально в связи с обострением в 1957 году в Марокко классовой борьбы в деревне. Она была вызвана скупкой новыми марокканскими собственниками земель крупных берберских землевладельцев, возникшей спекуляцией с землями сектора «частной колонизации» и махинациями вокруг земель «официальной колонизации». Они, в соответствии с дахиром (королевским указом) об аграрной реформе от 26 сентября 1963 г., должны были перейти к

---

¹¹³ ад-Дуктур Абд аль-Карим аль-Хатыб. Масар хайя [Доктор Абд аль-Крим аль-Хатыб. Жизнеописание]. Публ. Х. Хабаша, Н. Камали. Изд. 3-е, доп. и исправленное, (б. м.): Маншурат Ифрикия аль-хурра, 2003, с. 98.

¹¹⁴ Там же, с.99.

¹¹⁵ В одном из высказываний Махджуби Ахердан подтвердил свое особое отношение к доктору Хатыбу, отметив, в частности: несмотря на различный политический путь, пройденный обоими лидерами, доктор Хатыб является лидером национального масштаба, идейным сторонником и соратником Ахердана; помимо этого, обоих политиков связывают длительные и прочные отношения. Как образно сказал Ахердан, они всегда были и остаются «одной душой», устремленной к процветанию Марокко. Цит. по: Landau R. Morocco Independent. London, 1961, с. 112.

¹¹⁶ Belouchi Belkasem. Portraits d'hommes politiques du Maroc. Afrique Orient, 2002, с. 120.

¹¹⁷ Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973, с.398.

государству, но фактически попали в руки «поднимающейся сельской буржуазии»¹¹⁸. Важен был и исторический фон, на котором происходило создание «берберской» партии [≠] события 1958-1959 гг., когда в Рифе вспыхнули вооруженные восстания против «господства» партии Истикляль.

Политические действия монархии, напрямую связанные с созданием «берберской» партии, преследовали как минимум две цели. Первая состояла в том, чтобы предотвратить формирование однопартийной системы (или системы однопартийного преобладания) на базе партии Истикляль, что создавало бы монархии дополнительные политические трудности. Вторая заключалась в намерении королевской администрации внушить берберам с помощью создания «берберской» партии чувство полноправного политического участия в жизни страны. Оно могло бы осуществляться через Народное движение и контролироваться, в конечном счете, дворцом.

Согласно планам короля, планируемая «берберская» партия могла бы стать основной традиционалистской политической организацией, которая сотрудничала бы с министерством внутренних дел в усилиях по поддержанию существующих общественных структур и предотвращению резких и неконтролируемых социальных изменений в зонах проживания берберов. Такой точки зрения придерживается, в частности, историк Абд ас-Салям Бен Каддур¹¹⁹.

Подобная позиция монархии, пожалуй, в принципе соответствовала политическим реалиям Марокко того периода, поскольку королю было удобно иметь партию, управляемую дворцом и препятствующую усилению влияния любой другой политической силы страны. Такая логика политического поведения монархии обнаружилась сразу после завоевания суверенитета.

В период формирования первого правительства независимого Марокко, вопреки ожиданиям членов Истикляль, партия получила только 7 из 19 министерских портфелей. Премьер-министром был назначен близкий друг короля Мухаммеда V, бывший полковник французской армии, бербер Эмбарек Бекаи. Другой важный пост, министра внутренних дел, также занял бербер Лахсен Лиуси.

Как отмечают многие исследователи, у Народного движения с самого начала не было четкой и конкретной доктрины, да и программа партии была довольно расплывчата в экономическом и социально-политическом отношении. Можно все же, однако, выделить несколько характерных особенностей зарождавшейся новой политической силы Марокко.

Прежде всего руководители «берберской» партии недвусмысленно выступили против разжигания этнической конфронтации («расизма», как это явление трактовали документы новообразованной партии - М.В.) и противопоставления арабов и берберов, двух основных этнонациональных компонентов марокканского общества. Своей первостепенной задачей члены «берберской» партии видели в исторической и политической «реабилитации» данной этнической общности, в сохранении традиционной берберской культуры, в частности, во введении преподавания берберских языков в учебных заведениях. В сфере экономических преобразований лидеры новой партии решительно поддерживали крестьянское население страны: среди прочего, говорилось о необходимости агротехнических нововведений и финансовой поддержки государством массовых слоев крестьянства. В декабре 1959 года генеральный секретарь Народного движения Махдуби

¹¹⁸ Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе, с.47.

¹¹⁹ Ben Kaddour, Abdaslam. The Neo-Makhzan and the Berbers // Arabs and Berbers From Tribe to Nation in North Africa. London, 1972, с. 263.

Ахердан следующим образом определил цели и задачи возглавляемой им партии: «Народное движение не является партией в прямом смысле этого слова; это - платформа для общенационального объединения, необходимый этап на пути североафриканского единства... Доктрина нашего движения – социализм... Наш социализм соотносится с духом ислама, согласуется с реалиями страны и обращен на благо народа»¹²⁰.

Однако положение Народного движения в политической системе Марокко изначально отличала определенная двойственность. Не следует забывать о том, что партия Народное движение была создана «нотаблями» (традиционно влиятельными в марокканском обществе лицами), чья легитимность опиралась на поддержку крупных землевладельцев и скотоводов, которые своим авторитетом и личными связями гарантировали значительную политическую роль данной прослойке элиты в «социально турбулентных» районах Марокко. Чувствуя свое привилегированное положение, лидеры партии активно апеллировали к интересам берберов как этнической общности¹²¹.

Несмотря на то что члены Народного движения исполняли роль посредников между сельским населением и чиновниками Министерства внутренних дел, последние на начальном этапе пытались препятствовать дальнейшему укреплению позиций партии, а взамен предоставленных ей политических и экономических привилегий партия должна была оказывать полную поддержку начинаниям королевского дворца.

Ввиду разрозненности и многочисленности политических партий в Марокко исследователи нередко обделяют своим вниманием деятельность партии Народное движение, а иногда отводят ей роль исключительно берберской этнической партии. Скорее всего подобная характеристика и является причиной разногласий между учеными-марокковедом о значении и роли этой партии в становлении марокканского государства.

По мнению Салема Шакера, Народное движение так и не сформировалось как «традиционная» партия, отстаивающая интересы исключительно берберского населения страны, и оно служило лишь целям группы влиятельных берберских чиновников, стремившихся сохранить занимаемые ими посты и нередко оказывавшихся заложниками «политической игры» королевского двора¹²².

В подтверждение данного высказывания можно привести события 1984 года. Тогда М.Ахердан, после успеха Народного движения на выборах 1984 года (движение получило 47 мест в парламенте, опередив Истикляль, которой досталось лишь 41 место в парламенте страны¹²³), попытался проводить независимую от короля политику, чем вызвал всплеск недовольства членов Народного движения (опасавшихся открытой оппозиции королю), а затем последовал окончательный раскол партии. Он, правда, произошел еще раньше - в 1976 году, когда левое крыло Народного движения образовало самостоятельную политическую партию - Народное демократическое и конституционное движение во главе с Хатыбом. С октября 1998 года эта партия стала называться Партия справедливости и развития.

В июне 1991 года бессменный лидер партии Народное движение, М.Ахердан создал новую организацию - Национальное народное движение. Его программа мало отличалась от программы Народного движения – в целом члены

¹²⁰ Le Maroc politique. De l'indépendance à 1973. Textes rassemblés et présentés par Claude Palazzoli. Paris, 1974. с. 185-187.

¹²¹ Там же, с.174.

¹²² http://www.inalco.fr/crb/pages_html/webdoc/question-1989.pdf

¹²³ - http://www.ipu.org/parline-f/reports/arc/MOROCCO_1984_F.PDF

Национального народного движения выступали за выполнение социальных программ: реформ в сфере здравоохранения, образования, а также за модернизацию экономики¹²⁴.

В Марокко, таким образом, не было создано партии, которая своей деятельностью способствовала бы эффективному политическому представительству берберского населения в жизни страны. «Берберские» партии ограничивались лишь языковыми и культурными требованиями, они выступали с узких этноцентричных позиций. Как считает Салем Шакер, «берберские» партии имели довольно расплывчатую политическую программу, и это было закономерно. Основная часть берберской политической элиты не была готова к осуществлению четко обоснованной и самостоятельной стратегии, понимая, что подобная «независимость» от королевского двора довольно рискованна, поскольку грозит им политической изоляцией¹²⁵.

По мнению главы АМРЕК (Марокканская ассоциация культурных исследований и обменов, Association marocaine de recherches et de l'échange culturelle - AMREC) Ибрахима Ахията, к 2005 году в Марокко не существовало «чисто» берберской партии, которая представляла бы на политической арене марокканского общества исключительно интересы берберского народа¹²⁶. В момент создания партии Народное движение, отмечает доктор Хатыб, «берберский вопрос» в Марокко представлял скорее культурную, нежели политическую проблему¹²⁷.

Таким образом, сами лидеры Берберского культурного движения подтверждают предположения о том, что в Марокко пока не сформировалась берберская партия, основанная на политической идеологии.

По мнению бывшего президента Всемирного конгресса амазигов, Рашида Рахи, королевский двор, опасаясь политизации «берберского вопроса» в Марокко, намеренно стремится разобщить берберское движение, сфокусировав внимание общественности на деятельности Королевского института берберской культуры (об особенностях возникновения подобного института, о его роли в современном марокканском обществе речь пойдет ниже)¹²⁸.

В конце мая 2006 года три основные «берберские» партии – Народное движение, Национальное народное движение и Демократический блок (сформированный в 2001 году) объединились под общим названием Народное движение. Это событие вызвало широкую дискуссию в марокканском обществе. Ряд печатных изданий рассматривал создание подобного блока «берберских» партий как политическую необходимость для обеспечения значительной электоральной поддержки в преддверии парламентских выборов 2007 года. Генеральный секретарь Народного движения – Мохаммед Лаенсер (Махджуби Ахердан стал президентом Народного движения) не отрицал «преимуществ» формирования новой политической силы. По его мнению, избирательная система в Марокко способствует дроблению и сохранению мелких политических объединений, не способных повлиять на политический процесс в стране. Обновленное Народное движение, таким образом, может стать реальным политическим инструментом проведения

---

¹²⁴ <http://www.azamine.net/projets/eclipse/portfolio/mnp/site/charte.html>

¹²⁵ http://www.inalco.fr/crb/pages_html/webdoc/question-1989.pdf

¹²⁶ Материалы беседы автора с Ибрахимом Ахьятом. Рабат, 24.02.2005.

¹²⁷ ад-Дуктур Абд аль-Карим аль-Хатыб. Масар хайя [Доктор Абд аль-Крим аль-Хатыб. Жизнеописание]. Публ. Х. Хабаша, Н. Камали. Изд. 3-е, доп. и исправленное, (б. м.): Маншурат Ифрикийя аль-хурра, 2003, с.140.

¹²⁸ http://www.maroc-hebdo.press.ma/MHinternet/Archives_433/html_433/nous.html

дальнейших общественных преобразований в Марокко¹²⁹. Как же мыслятся эти декларируемые преобразования?

Программа «обновленного» Народного движения¹³⁰ в целом отражает идеи проведения общедемократических социальных преобразований в Марокко. Согласно представлениям «новых» реформаторов, преобразования в различных секторах хозяйства, экономики, образования и др. будут способствовать поступательному развитию страны. Особая роль в модернизации и демократизации марокканского общества отводится королю и институту монархии.

Социальная безопасность в Марокко является гарантией политической стабильности. Поэтому члены Народного движения выступают против любых проявлений экстремизма, дискриминации, терроризма и использования религии в политических целях.

Народное движение призывает к интеграции берберского этнического компонента в различные сферы жизнедеятельности марокканского государства. Решение «берберского вопроса» является, таким образом, символом и синонимом культурной демократизации марокканского общества, его толерантности, гарантом единения и сплоченности марокканского народа. Именно поэтому представители Народного движения поддерживают идею предоставления берберскому языку официального государственного статуса наравне с арабским.

Первостепенной задачей государства, полагают лидеры Народного движения, является решение сложных экономических проблем в стране, в особенности проистекающих из отсталости сельских областей Марокко, населенных преимущественно берберами.

В сфере образования партия считает необходимым увеличить бюджетные дотации учебным заведениям и ввести обязательное школьное образование до 16 лет.

Для преодоления растущей безработицы в Марокко (в 2007 году на общенациональном уровне безработица официально составила 10%, тогда как среди дипломированной молодежи она превысила 24,6%¹³¹) следует реформировать экономическую систему в стране. (Однако как это сделать, партия конкретно не уточняет).

Таким образом, можно отметить стремление лидеров Народного движения решить узловые социально-политические проблем Марокко: эта партия выступает не только за преодоление кризисных явлений в ведущих сферах народного хозяйства, но предлагает системное реформирование экономических и социальных отношений в марокканском государстве, прежде всего системы образования – как ключевого сектора в формировании молодого поколения и нового, модернизированного общества. Однако в деятельности партии этнические мотивы явно приглушены либо сглажены.

В июне 2003 года была основана новая партия – Марокканская демократическая берберская партия. Впервые в современной истории Марокко в самом названии партии появилось определение «берберская»¹³², эта партия была

---

¹²⁹ http://www.lereporteur.ma/article.php3?id_article=4882

¹³⁰ <http://www.harakamp.ma>

¹³¹ <http://www.harakamp.ma>

¹³² Ранее существовала партия «Берберский Фронт» во главе с историком Мухаммедом Меззином (которого обвиняли в связях с США и Португалией). Саму эту партию, бывшую по сути дела группой («котерией») сторонников лидера, обвиняли в сепаратизме. «Берберский Фронт», однако, практически не оставил следа в политической истории Марокко.

объявлена расистской, а в мае 2007 года Министерство внутренних дел потребовало ее распустить. В настоящий момент деятельность партии прекращена, однако сторонники данного политического объединения ведут подпольную агитационную работу.

При оценке роли «берберских» партий в политической жизни Марокко необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, партия Народное движение является одной из старейших партий в стране; именно с возникновения этого политического объединения стало постепенно возрастать значение берберского компонента в социально-политической системе Марокко. Во-вторых, анализируя деятельность данной партии, активисты берберского движения приходят к выводу: несмотря на свое значительное политическое представительство в парламенте и других государственных структурах, лидеры «берберских» партий так и не смогли (а может, и не захотели) решить «берберскую проблему» в Марокко. В-третьих, в стране впервые появилась берберская партия (хотя и находящаяся на нелегальном положении), что внушает определенной части берберского населения надежду на дальнейшие шаги по улучшению положения берберов в стране.

2.3. Эволюция политической жизни Марокко (конец XX – начало XXI века) сквозь призму парламентских выборов

Парламентские выборы и политическая борьба в конечном счете отражают сложный процесс становления гражданского общества и среднего класса Марокко в исторически уплотненные сроки. Избирательная система и процесс проведения голосования во многом определяют ход политической жизни страны. Они являются индикаторами политического представительства и здоровья политического организма, выявляют благоприятные тенденции, сигнализируют о сложившихся трудностях либо недоверии народа к проводимому правительством курсу. Благодаря выборам определяется не только правительство, но и стратегия политического развития государства. Выборы как решающий этап на пути демократизации страны выводят на поверхность политические замыслы властей, конфликты интересов, споры на идеологической почве. В странах с развивающейся демократией выборы выявляют устойчивую систему подконтрольного голосования, а нередко - и подтасованных результатов.

Избирательная система должна быть в идеале подкреплена сильной правовой базой – законодательной, нормативной (методами проведения выборов, порядком подсчета голосов и т.п.), т.е. теми инструментами, которые необходимы для проведения прозрачных и демократичных выборов в стране.

В Марокко на протяжении всей истории после обретения им независимости выборы не напоминали «спокойного течения реки»: первоначальный энтузиазм народа, возлагавшего надежды на изменение к лучшему своего социально-экономического положения, постепенно уступал место разочарованию [≠] проводимой государством политикой, некомпетентностью и своекорыстием большинства представителей партийной элиты. Население страны постепенно осознает, что выборы являются лишь формальностью, поскольку на деле никого не интересует тяжелая участь бедных и экономически отсталых районов Марокко. Поэтому легко объяснимы уменьшающиеся показатели избирательной активности населения. Вместе с тем известная политическая «зрелость» марокканских избирателей из раза в раз проявляется в том, что определенная их часть опускает в избирательные урны незаполненные бюллетени. В сущности, подобные действия означают поддержку

политической системы как таковой, с одной стороны, и недоверие к некомпетентной и эгоистичной политической элите, с другой. Марокканской монархии подобное электоральное поведение сигнализирует о необходимости осуществления неотложных и существенных социальных преобразований. Довольно значительная свобода маневра при проведении махзеном социально-экономических и политических преобразований объясняется, в частности, тем, что многопартийность в Марокко, в сущности, нейтрализована своеобразным пактом всех партий с тронем. Согласно этой договоренности, основные участники политического процесса обязались воздерживаться от критики лично короля и института монархии как такового. Критика же в адрес часто менявшихся кабинетов министров не затрагивала интересы трона, а потому нередко преподносилась королем как показатель «демократичности» политической системы страны. В конечном счете данный пакт отражал *несформированность* в Марокко независимого от монархии историко-политического субъекта, способного инициировать преобразования в стране.

Политическая жизнь Марокко в конце 90-х годов XX века – начале третьего тысячелетия характеризуется возрастающим внутренним динамизмом, тогда как система политического представительства в этой стране по праву признается и остается одной из наиболее развитых в арабском мире. Наличие значительного числа легально действующих партий, сохранение согласия основных социально-политических сил страны относительно легитимности существующей политической системы, ведущая роль монархии как исторического и политического субъекта необходимых общественных преобразований, относительная регулярность избирательного процесса – эти и другие обстоятельства свидетельствуют в пользу поступательности развития марокканского общества. Не менее важной особенностью политической жизни страны является прагматичная и по-своему дальновидная политика королевского двора: она нацелена на эволюционное преобразование общества, государства и политики в Марокко. Разумеется, эффективность такой политики напрямую зависит от «обратных связей» – реакции народа на происходящее в стране.

В середине 1980-х годов российский востоковед В. И. Максименко отмечал попытки монархии Хасана II добиться «единения» партий вокруг трона, «обеспечив себе уникально благоприятное условие для сравнительно плавного продвижения государства и общества по рельсам быстрого развития капитализма». Однако вспышки «стихийной классовой борьбы», происходившие в Марокко в начале 80-х годов XX века, показали: ресурсы этого пути себя исчерпывают, и торможение процесса демократизации способно вывести на общественно-политическую авансцену массовые слои населения, активность которых может иметь непредсказуемые последствия¹³³. Своевременно почувствовав таившуюся в подобной активности угрозу, королевский двор эффективно использовал имевшиеся в его распоряжении ресурсы самообновления политической системы.

В конце XX века в Марокко был осуществлен ряд реформ в сфере организации политического представительства. Особую роль в этом процессе сыграли референдум 1996 года и парламентские выборы, прошедшие соответственно в 1997, 2002 и 2007 гг.

Состоявшийся по инициативе короля Хасана II в сентябре 1996 года референдум по внесению поправок в конституцию имел своим результатом кардинальные изменения в системе политического представительства Марокко.

---

¹³³ Максименко В. И. Политические партии в переходном обществе: Марокко, Алжир, Тунис 20-80-е годы XX в. М., 1985. с.74.

Однопалатный парламент, треть состава которого фактически назначалась верховной властью, был заменен двухпалатным законодательным органом¹³⁴. В соответствии с новой системой все депутаты нижней палаты - Палаты представителей (состоящей из 325 членов) должны были избираться на основе прямого, всеобщего и тайного голосования. Появилась новая палата - верхняя (Палата советников), члены которой избирались на 9 лет, при этом треть состава Палаты обновлялась каждые три года. Предполагалось, что 3/5 (162 члена) состава Палаты советников будет избираться представителями органов коммунального, муниципального и регионального самоуправления (что автоматически предполагало непропорционально высокое значение представительства интересов аграрного сектора), а 2/5 (108 человек) - избираться коллегией выборщиков, состоявшей из представителей «профессий» и лидеров профсоюзного движения.

До референдума 1996 года в Марокко политические партии были объединены в два больших блока: «Кутля» (Демократический блок) и «Вифак» («Согласие»). После проведенного референдума в марокканской политической системе сформировалась *трехблочная* организация партий: к уже существующим двум блокам присоединился Центристский блок, представленный Национальным народным движением, Демократическим и социальным движением, Национальным объединением независимых. (Однако не все партии входили в подобные коалиционные блоки).

Таким образом, как полагали монарх и его советники, накануне парламентских выборов была подготовлена благодатная почва для реализации «демократической модели развития страны». Смысл этой «модели», очевидно, состоял в *видоизменении* концепции «регулируемой» двором демократии в условиях явно нараставшей неудовлетворенности массовых слоев населения своим социально-экономическим положением.

Парламентские выборы 1997 года рассматривались учеными, политологами и журналистами как своеобразный водораздел в политической истории Марокко. Накануне выборов политологи прогнозировали два возможных варианта развития событий.

Одни предсказывали значительное усиление влияния исламистов, обращая внимание на то, что впервые в истории Марокко в парламентских выборах принимала участие исламистская организация умеренного толка – «Аль - Ислах ва Таухид». Поскольку данная партия не имела официального разрешения на общественно-политическую деятельность, они примкнули к партии Народное демократическое и конституционное движение (НДКД). (В октябре 1998 года НДКД была преобразована в Партию справедливости и развития – ПСР). Другие ожидали победы левоцентристских сил, которые должны были ускорить осуществление «умеренных» реформ.

За девять месяцев до выборов, 28 февраля 1997 года, в Рабате 11 политических партий совместно подписали политическую хартию, смысл которой состоял в «консолидации демократического режима, основанного на монархии», что и должно было стать связующим элементом общепартийного консенсуса. В свою очередь, королевская власть обязалась «относиться ко всем политическим партиям на равноправной и беспристрастной основе»¹³⁵.

Принимая решение о посредничестве, королевский дворец рассчитывал облегчить проведение политически рискованной программы «структурной

¹³⁴ Сапронова М.А. Арабский Восток: Власть и Конституции. М., 2001, с. 104. .

¹³⁵ Daoud Zaky and Ouchelh Brahim. Morocco Prepares for Political Change.

[http : //www.mondediplo.com/1997/06/maroc2.html](http://www.mondediplo.com/1997/06/maroc2.html)

адаптации», рекомендованной МВФ и Всемирным банком в качестве долгосрочной стратегии экономических преобразований. Все основные политические силы страны были согласны с тем, что «политические изменения должны осуществляться с помощью избирательного бюллетеня», т.е. исключительно мирными, конституционными средствами.

Предвыборная кампания сопровождалась дальнейшими расколами в партиях, которые, как не без основания полагает французская исследовательница Мириам Катюсс, можно объяснить стратегической линией дворца¹³⁶. Новые партийные организации, созданные незадолго до голосования, были призваны «перехватить» голоса у основных социально-политических сил страны¹³⁷. Многие из новообразованных партий, не располагая массовой электоральной базой, оказывали весьма ограниченное влияние на характер избирательного процесса.

Важным фоном парламентских выборов 1997 года стало еще более углубившееся разочарование политикой властей среди некоторых групп избирателей. Особое неудовлетворение испытывали молодые избиратели, считавшие, что социально-экономическая политика правительства, сужая их жизненную перспективу, лишает подрастающее поколение «законных» надежд на будущее. Со своей стороны, политики понимали, что их ждут трудные времена, поскольку несбалансированный рост хозяйства накопил критическую массу экономических и политических проблем. Даже если официальные показатели экономического роста во второй половине 1990-х годов приближались к 6,5%, значительные сегменты экономики оставались в состоянии кризиса и стагнации. Иными словами, в Марокко в то время наблюдался несбалансированный экономический рост, поляризующий эффект которого для более раннего периода отмечался, в частности, Ф.Уалалу и В.А. Мельянцевым.

Кроме того, спустя год после серьезных беспорядков, вспыхнувших 5 июня 1996 года в Танжере на социально-экономической почве, общая ситуация в стране оставалась взрывоопасной. 20% экономически активного городского населения были лишены нормальных средств существования. Безработица особенно неблагоприятно влияла на молодое поколение: среди ищущих работу более 300 тысяч человек имели высшее образование. Сохранялась и высокая неравномерность в распределении доходов, а равно и в доступе различных групп общества к системам здравоохранения и образования, что было самостоятельным источником социальных конфликтов. Администрация в городах, включая крупные, пребывала в растерянности, а сельские районы ощущали явный недостаток внимания со стороны центральной власти.

Противоречивой была и социально-экономическая ситуация, характеризовавшаяся утратой доверия инвесторов к марокканскому рынку. Так, на бирже в Касабланке только 5% из 9 млрд. долларов общего обращавшегося капитала принадлежало зарубежным инвесторам. Помимо этого, существовала (точнее, сохранялась полученная в наследство от предыдущих десятилетий) серьезная проблема управления государственными финансами, регулирования национального долга, снижения инфляции, облегчения бремени внешнеторгового дефицита для экономики и противодействия растущей стоимости жизни. Таким образом, чтобы добиться поддержки народа, марокканские политики должны были способствовать *реинтеграции* в общество тех, кто ощущал себя социально приниженными (молодежь, безработные, значительная часть женщин и иммигрантов). Перед новым правительством, таким образом, объективно была

¹³⁶ Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004, с. 88.

¹³⁷ Там же, с. 89.

поставлена стратегическая задача - воссоздать политическую систему, пользовавшуюся поддержкой народа и основанную на силе закона.

Парламентские выборы, состоявшиеся 14 ноября 1997 года, адекватно отразили сохраняющуюся фрагментацию марокканского общества. «Демократический блок» (Кутля), в котором доминировали социалисты и Истикляль, завоевал 102 депутатских места, тогда как правые силы, сгруппировавшиеся вокруг блока «Вифак», получили 100 мандатов; двум другим партиям правоцентристской ориентации - Национальному объединению независимых и Демократическому и социальному движению досталось 46 и 32 парламентских места соответственно. Наконец, умеренные исламисты из Народного демократического и конституционного движения (НДКД), не входившие в блоки, имели теперь 9 мандатов, т.е. столько же, сколько получили коммунисты из Партии прогресса и социализма. (О распределении сил внутри трех основных политических блоков см. Табл. 1.)

Таблица 1.

Результаты парламентских выборов 14 ноября 1997 года¹³⁸.

Блок Кутля:		Блок Вифак:		Центристский блок:	
34,27% голосов, 102 места		24,76% голосов, 100 мест		27,31% голосов, 97 мест	
Социалистический союз народных сил	57 мест	Конституционный союз	50 мест	Национальное объединение независимых	46 мест
Истикляль	32 места	Народное движение	40 мест	Демократическое и социальное движение	32 места
Партия обновления и прогресса	9 мест	Национально-демократическая партия	10 мест	Национальное народное движение	19 мест
Организация народного демократического действия	4 места				

¹³⁸ Составлено по: [http:// www. ipu.org/praline-f/reports/arc/1221_97.htm](http://www.ipu.org/praline-f/reports/arc/1221_97.htm)

На основании результатов всеобщих выборов король Хасан II в феврале 1998 года поручил сформировать правительство страны первому секретарю партии ССНС Абдеррахману Юсуфи. Он родился в 1924 году в городе Танжер, учился во Франции, получил ученую степень в области государственного права и политических наук. В 1943 году Юсуфи вступил в партию Истикляль, а в 1959 году он вошел в число учредителей марокканской партии левого толка Национальный союз народных сил (НСНС). Однако в 1975 году Юсуфи вместе с группой единомышленников вышел из НСНС и организовал новую партию – Социалистический союз народных сил (ССНС). С 1992 года А.Юсуфи являлся первым секретарем этой партии.

Таким образом, во второй раз в стране было приведено к присяге левоцентристское правительство¹³⁹. По мнению монарха, подобная тактика должна была стать альтернативой традиционным правоцентристским кабинетам¹⁴⁰, представители которых так и не смогли снизить остроту социально-экономических проблем в стране и на этой основе укрепить легитимность политической системы Марокко.

Вместе с тем король Хасан II избрал довольно сложную стратегию политической модернизации. Ее суть сводилась к двум принципиальным положениям. Король, во-первых, намеревался расширить социальное пространство политической системы за счет интеграции в нее левоцентристских сил, что давало определенные гарантии для повышения устойчивости режима, его легитимности в глазах внешних сил, в частности Европейского союза. Во-вторых, монархия постепенно «открывала» политическую систему умеренным исламским силам, что создавало известный противовес неконтролируемой демократизации «снизу» и некритическому заимствованию зарубежных политических моделей, что в первую очередь подразумевало институты либеральной демократии.

Король Хасан II получил определенную свободу политического маневра после конституционного референдума 1996 года, подтвердившего легитимность политической системы Марокко и ведущую роль монархии в ее поэтапном преобразовании. Однако и Хасан II, и сменивший его в 1999 г. на троне Мухаммед VI были вынуждены считаться с новым явлением в политической жизни Марокко – быстрым самоутверждением новых сегментов предпринимательского класса, получивших современное образование и все решительнее заявляющих о своей самостоятельной роли в экономике и политике страны.

Тем не менее и власть, и элиты хорошо понимали, что создание дееспособной политической коалиции в Марокко займет значительное время. Как показывает мировой опыт, иногда выработка принципов управления политическим процессом на коллегиальной основе занимает не одно десятилетие. Перед монархией объективно стояла и стоит задача утвердить коалиционные принципы политического управления в условиях раздробленности основных общественных сил и растущего недовольства народа по причине *несбалансированного* экономического роста.

Новое правительство во главе с А. Юсуфи было окончательно сформировано 14 марта 1998 года. В правительстве доминировали три партии - ССНС, Истикляль и НОН, а вся коалиция состояла из 9 партий, включая коммунистическую. Монарх непосредственно сохранял контроль над вооруженными силами и структурами национальной безопасности.

---

¹³⁹ Первым левоцентристским правительством Марокко был кабинет Абдаллы Ибрахима в 1959 – 1960гг. Мухаммед V назначил его в трудное время, явно с целью скомпрометировать левое крыло Истикляль, что ему удалось. Однако в дальнейшем левые извлекли необходимый политический урок и создали целый ряд более радикальных партий – уже упомянутые НСНС, ССНС и др.

¹⁴⁰ Сергеев М.С. История Марокко XX век. М., 2001, с.202.

А.Юсуфи подчеркивал необходимость эволюционного перехода к политической системе нового, более представительного типа. Его программа, среди прочего, включала: новую модель управления, предполагавшую более прочные связи власти с народом; «честную администрацию» и восстановление справедливости в обществе; возрождение экономики на основе социальной ответственности и эффективного управления; особое внимание к «судьбе и будущему молодого поколения»¹⁴¹.

Первоначально общество охватили оптимистические настроения в отношении способности правительства А. Юсуфи вывести Марокко на путь устойчивого развития и на этой основе решать сложные социально-экономические проблемы страны. Марокканское общество понимало, что премьер имеет серьезные ограничения в своей деятельности, но все же надеялось на благотворные перемены, прежде всего в сфере преодоления «вопиющего», как тогда писали в марокканских газетах, социально-имущественного неравенства.

В то время многие политические обозреватели задавались вопросом: что же подвигло короля Хасана II дать согласие на образование левоцентристской коалиции? Ответ звучал примерно так. С одной стороны, политическая система Марокко претерпевала серьезные изменения вследствие поисков общенационального согласия и естественного стремления совместить интересы различных социально-политических сил ради поступательного развития страны. Фактически (и в этом была новизна сложившейся в обществе ситуации) монархия уже утратила возможность диктовать свои условия основным социально-политическим силам Марокко. Любой внутривнутриполитический кризис мог отрицательно сказаться на авторитете короля и в стране, и за рубежом. С другой стороны, продолжение политического эксперимента объективно ослабляло внутреннее напряжение в обществе, подрывало позиции различных радикальных групп и увеличивало шансы на успешный переход к более демократичной и адекватной сложившейся расстановке сил системе представительства интересов.

Процесс согласования этих интересов, который был запущен в действие, являлся результатом длительных и сложных взаимоотношений между монархией и левой оппозицией. Положительные результаты последующего развития зависели как минимум от двух обстоятельств: во-первых, от способности королевской власти и политических элит договариваться между собой и ответственно исполнять достигнутые соглашения, а также от общей расстановки сил в стране и от изменений в международной ситуации; во-вторых, от компетентности нового поколения политической элиты, пришедшей во власть, от ее способности профессионально и оперативно приступить к решению сложных экономических и социальных проблем.

После выборов стало ясно, что отбор и ротация политической элиты осуществлялись скорее на основе личной совместимости и профессиональной компетентности, а не на идеологических принципах, отстаиваемых партиями. Парламентские выборы 1997 года показали, что происходило нивелирование идеологических различий в программах консерваторов, левых и умеренных исламистов.

Марокканцы постепенно убеждались в том, что их участие в выборах, их волеизъявление (которого добивались различные общественные силы) может, в конечном счете, повлиять на государственный курс Марокко. Страх перед возможными социальными катаклизмами стал постоянным фактором политики, и он

---

¹⁴¹ Daoud Zakya and Ouchelh Brahim. Morocco Prepares for Political Change. [http : //www.mondediplo.com/1997/06/maroc2.html](http://www.mondediplo.com/1997/06/maroc2.html)

доминировал в процессе принятия решений в области экономики и финансов. По сравнению с прежними временами - 1970-80-ми годами, когда главный вызов власти исходил от маргиналов, сосредоточенных в сельской местности и небольших городах, в 2000-е годы политический протест переместился на «периферию» крупных марокканских городов; здесь социальное напряжение и протестные настроения были столь же сильны, как, например, в районах трущоб Каира или Алжира¹⁴².

Главным опасением – и это новый фактор политической жизни Марокко - формирующегося среднего класса и правящего истеблишмента стала возможная восприимчивость городских маргиналов к идеологии и практике радикального ислама. Поэтому протесты против вмешательства властей в ход выборов 1997 года были сознательно приглушены: общество сознавало, что подобная «интервенция» преследовала цель заблокировать создание коалиции с участием сил политического ислама.

Неизменным направлением развития Марокко и после выборов 1997 года оставалась *интеграция* сил «умеренного ислама» в политическую систему страны, вовлечение их в складывавшуюся в стране партийную структуру. На этом пути монархия свой исторический выбор сделала.

Таким образом, ислам как общественная сила рассматривался в качестве важного идеологического элемента в перегруппировке основных социально-политических сил в стране. Значение политического ислама состоит, помимо прочего, в том, что его реальная общественная «аудитория» в Марокко значительно шире, чем электоральное выражение поддержки исламистов. Ограничению влияния исламистов пока во многом способствует практика административного регулирования избирательного процесса.

Считается, что основной базой электоральной поддержки исламистов стали средние города, а также пространство основных центров Марокко с высокой концентрацией бывших мигрантов из сельской местности, а ныне горожан в первом поколении. Свое влияние исламисты увеличили за счет оперативной реакции на разрастание этой социальной общности: были созданы благотворительные организации с целью материальной помощи и социальной реабилитации этих групп. Не менее важной опорой исламистов стали студенты различных университетов по всей стране. Наиболее действенным ответом на вызов политического радикализма, включая исламский, могла стать только эффективная политика *развития*, т.е. экономический рост плюс всеобщая занятость и – по возможности – равномерное распределение национального дохода. Такова мировая практика. Помимо этого, главным препятствием для деятельности исламистов в Марокко и распространения их влияния в стране остается харизма монарха (потомка Пророка, шерифа, имама и высшего духовного авторитета, о чем уже говорилось).

Для исламистов политическая ситуация после выборов 1997 года стала одновременно и вызовом, и средством диалога с королевской администрацией и марокканской политической элитой. Смысл тактики марокканских исламистов французский политолог Реми Лево видел в том, что они (исламисты) не собирались вступать в коалицию с другими политическими силами; и в то же время они могли сыграть роль действенного посредника между властью и народом, особенно в

---

¹⁴² Так, в «поясе трущоб» крупнейшего города страны – Касабланки проживает не менее 40% населения этого мегаполиса; эта группа населения - потенциальный носитель протестных настроений.

случае серьезных социальных беспорядков в городах¹⁴³. Подобную линию поведения можно назвать довольно эффективной, поскольку она удерживала власть от возможных репрессивных действий против исламистов, как это нередко бывало в прошлом.

Со своей стороны, власти всячески стремились противодействовать созданию коалиции с участием безработных выпускников вузов, религиозных идеологов с их теориями модернизации ислама и новых групп либеральной буржуазии, недовольных стремлением королевского двора отсрочить глубокую демократизацию политической жизни в стране.

В преддверии выборов 2002 года известный марокканский политолог Мухаммед Този дал общую оценку предстоящим событиям в стране. Эти выборы, по его мнению, должны были стать «первыми» в своем роде: первыми после интронизации нового короля Мухаммеда VI и первыми без участия влиятельного политика Дрисса Басри, долгое время возглавлявшего министерство внутренних дел при короле Хасане II. Именно Дрисс Басри, согласно распространенному мнению, способствовал институционализации «подконтрольных» выборов в Марокко, считая подобную практику, с точки зрения правящей элиты, наиболее надежной основой «функциональности» политической системы страны. Манипуляции с избирательными бюллетенями, искажение итогов голосования - все эти «политические технологии» широко применялись в бытность Д. Басри министром внутренних дел¹⁴⁴.

Пытаясь предугадать возможный исход выборов 2002 года, М. Този и М. Катюсс обратили, в частности, внимание на постепенное снижение активности электората на выборах (78% в 1963г.; 82,36% в 1977г.; 67,43% в 1984г.; 63,95% в 1993г.; 58,30% в 1997г.)¹⁴⁵. Первоначальная электоральная активность в 60-е годы объяснялась политическим энтузиазмом населения, что было связано с обретением суверенитета и с ростом (с 47 тыс. кандидатов в 60-е годы до 105179 в рассматриваемый период) числа претендентов на депутатские мандаты на местных выборах. Очевидны были также *политические* последствия стремительной урбанизации в Марокко: примерно 30% горожан в 60-е годы и более 51% от общей численности населения в 2000 году¹⁴⁶.

Существенные перепады в избирательной активности населения наблюдались и в различных регионах Марокко. Так, изначально электоральная активность была значительно ниже в северных районах страны во многом из-за неустойчивого экономического развития¹⁴⁷. К тому же здесь еще и сохранились более патриархальные, чем в других районах страны, общины горцев Рифа и Джибалы, политически – крайне консервативные и социально - устойчиво традиционалистские. По мнению М.Този, глубокие внутренние изменения социально-профессиональной структуры марокканского общества объективно усложняли осуществление контроля власти над проведением выборов в стране.

Парламентские выборы состоялись 27 сентября 2002 года. Несмотря на призыв короля Мухаммеда VI к населению выполнить свой гражданский долг и его обещания сделать проходившие выборы «прозрачными», около половины

¹⁴³ Leveau Rémy. <http://www.mondediplo.com/1998/12/06/maroc>

¹⁴⁴ Tozy Mohamed et Béatrice Hibou. Les enjeux des élections au Maroc. Février 2002.

<http://www.ceri-sciences-po.org>

¹⁴⁵ Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004, с. 47.

¹⁴⁶ Tozy Mohamed et Béatrice Hibou. Les enjeux des élections au Maroc. Février 2002.

<http://www.ceri-sciences-po.org>

¹⁴⁷ Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004, с. 49.

избирателей от голосования воздержались. Этот показатель (52% проголосовавших от списочного состава электората) был ниже на 6 пунктов итогов предыдущих выборов 1997 года. Если учесть тот факт, что те выборы проходили под непосредственным «наблюдением» бывшего министра Дрисса Басри и показатели явки избирателей были явно завышены, то можно предположить, что выборы 2002 года отразили критическое отношение марокканского общества к проводимому в стране экономическому и политическому курсу, к низкой оценке населением эффективности самой элиты.

Известный марокканский журналист Али Лмрабе, главный редактор газеты «Деман магазин», высказал предположение, что и 52%-ая явка избирателей не выглядела реальной: в пятницу, в день выборов, официальные источники объявили, что к 16.00 часам проголосовало около 30% населения. Каким образом, задавался вопросом А.Лмрабе, процент пришедших к избирательным урнам увеличился с 30 до 52%, если в 19.00 все избирательные участки закрылись? Технически, отмечает журналист, сделать это невозможно, даже оказывая административное влияние на ход выборов¹⁴⁸. Примечательно, что Али Лмрабе в мае 2003 г. был арестован за «оскорбление короля» и осужден на 4 года тюремного заключения.

Парламентские выборы 2002 года подтвердили сохранявшуюся фрагментацию марокканского общества и, соответственно, социально-политических сил страны (См. Таблицу 2).

Таблица 2.

Результаты парламентских выборов 2002 года¹⁴⁹.

	Доли голосов в %	Количество мест в парламенте
Социалистический союз народных сил	15	50
Истикляль	15	48
Партия справедливости и развития	13	42
Национальное объединение независимых	13	41
Народное движение	8	27
Национальное народное движение	6	18
Конституционный союз	5	16
Фронт демократических сил	4	12
Партия прогресса и социализма	3	11
Демократическое и социальное движение	2	7
Социал-демократическая партия	2	6

По мнению Мириам Катюсс, марокканские политические партии можно условно разделить на три вида: 1) партии с «четкой идеологией», представляющие

¹⁴⁸ [http:// www.bibliomonde.net](http://www.bibliomonde.net)

¹⁴⁹ Составлено по: http://www.fr.wikipedia.org/wiki/politique_du_Maroc.

интересы массовых слоев населения - Истикляль, Социалистический союз народных сил, Партия справедливости и развития и Партия прогресса и социализма; 2) «кадровые партии и партии влиятельных лиц - нотаблей» (Конституционный союз и Национальное объединение независимых); 3) так называемые *берберские* партии: Народное движение и Национальное народное движение, которые, как считает М.Катюсс, колеблются между двумя другими политическими силами.¹⁵⁰ Эти две партии постоянно примыкали на протяжении избирательных кампаний то к одним, то к другим объединениям, а в 1997 году находились в разных блоках (Народное движение - в блоке «Вифак», а Национальное народное движение - в центристском блоке).

С момента обнародования результатов голосования между основными политическими партиями разгорелась настоящая электоральная война: ССНС получил 50 мест в парламенте, тогда как его главный оппонент, Истикляль – 48 мест. Обе стороны, руководствуясь логикой послевыборных действий, начали кампанию по привлечению в свои ряды других партий, потенциальных союзников. Так, члены партии Истикляль еще в период предвыборной гонки не скрывали своей близости к позициям Партии справедливости и развития (ПСР); Социалистический союз народных сил только после выборов объявил о своем вступлении в союз с Национальным объединением независимых (НОН), получившем 41 место. Таким образом, постепенно стала вырисовываться новая политическая конфигурация, несущими конструкциями которой выступили две противостоящие друг другу силы. Процесс создания коалиций исследователем Хасаном Бенталебом был назван своеобразной игрой в пинг-понг, поскольку каждый лагерь старался накапливать очки с каждой партией¹⁵¹.

6 октября 2002 г. А. Юсуфи, бывший премьер-министр и главное действующее лицо партии ССНС, встретился с лидерами партий НОН, Социал-демократической партией (СДП), Партией прогресса и социализма (ППС), Демократического союза (ДС) и Фронта демократических сил (ФДС). Эти пять партий примкнули к лагерю ССНС, что в итоге составило 135 мест. Иными словами, им не хватало всего 28 мест для того, чтобы составить парламентское большинство. Поэтому главной задачей данного объединения было склонить на свою сторону лидеров берберских движений - Народного движения (НД) во главе с Мохандом Лаенсером, получившего 27 мест, и Национального народного движения (ННД), возглавляемого Махджуби Ахерданом (18 мест), которые, создав альянс с движением Махмуда Аршана - Демократическое и социальное движение (ДСД), принесли бы в «копилку» будущей коалиции недостающие 52 места. Тем самым партия Истикляль была бы полностью изолирована в высшем законодательном органе страны.

Однако надежды на объединение политических сил во главе с А.Юсуфи не оправдались, и 7 октября Истикляль, Партия справедливости и развития, НД и ННД заявили о своем коалиционном слиянии, в сумме «набрав» 142 места, то есть на 7 мест больше, чем получила «комбинация» во главе с ССНС.

«Головоломка» подобной ситуации состояла в том, что более представительная правая коалиция включала в себя исламистов, тогда как главенствующая партия, из рядов которой, по логике избирательного процесса, выбирался премьер-министр, была социалистической.

Сложившееся положение препятствовало формированию дееспособного и «сильного» правительства на стабильной и долгосрочной основе. Поэтому король назначил на должность премьер-министра Дрисса Жетту, который, по мнению

¹⁵⁰ Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004, с. 91.

¹⁵¹ Bentaleb Hassan. Le projet de loi sur les partis politiques au Maroc. www.elections-maroc.com

монарха, устраивал все заинтересованные стороны. У руководителей экономических ведомств премьер-министр вызывал доверие своим прагматизмом и компетентностью, политические же лидеры признавали за ним трудолюбие и способность «верно служить своей родине». Помимо данных характеристик, администрацию устраивала «беспартийная принадлежность» будущего премьера. Наряду с Д. Жетту девять других членов правительства не имели «политической принадлежности»¹⁵². Однако, как отмечает уже упомянутый Хасан Бенталеб, никогда еще в истории Марокко создание нового правительства не вызывало такого политического напряжения в обществе. Не проходило и дня, чтобы независимая пресса не высказывала своего скептического отношения к назначенному премьеру¹⁵³.

Правительство Д.Жетту часто критиковали за отсутствие видимых перемен в политической жизни страны: «те же политические партии, те же государственные чиновники, для чего тогда стоит проводить выборы? Формирование правительства - это проблема «распределения кресел»¹⁵⁴. Таков был лейтмотив выступлений многих средств массовой информации. Столь же язвительных характеристик удостаивались и лидеры основных политических партий, поскольку, как отмечали журналисты, внутрипартийные кризисы явились косвенным отражением отсутствия внутренней демократии и истинного диалога элиты с населением страны.

Выборы 2002г. стали первыми для нового короля Мухаммеда VI, но, кроме этого, они преподнесли значительные сюрпризы всем марокканцам. Во-первых, Партия справедливости и развития получила небывало высокий процент голосов, и, таким образом, стала одной из основных политических сил в стране. Во-вторых, премьер-министр был назначен из числа деятелей «без политической принадлежности», т.е. выдвинут из среды независимых политиков.

Возрастающий рост влияния Партии справедливости и развития можно объяснить «близостью» этой партии к народу, поскольку члены этой организации считают себя выразителями настроений марокканцев и в своей деятельности активно используют современные политические технологии. По мнению активистов этой партии, выборы в парламент не главная цель партии, они должны быть дополнением к местным выборам¹⁵⁵. Ведь именно местные выборы, как считают политологи, наиболее четко отражают унастроения простых жителей страны и являются своеобразной «диагностикой» состояния общества и государства. Местные выборы рассматривались также как своеобразный «трамплин» для победоносного вхождения ПСР в национальный парламент.

Еще в преддверии сентябрьского голосования 2007 года как марокканские, так и иностранные журналисты и политологи сходились в том, что главными итогами предстоящих выборов станут: невысокий процент явки избирателей, рост числа голосов, поданных за исламистов, и их возможное участие в правительстве. По мнению специального корреспондента французской газеты «Фигаро» в Марокко Тьерри Оберле, результаты многочисленных опросов общественного мнения свидетельствовали о том, что марокканцы все меньше испытывали доверие к правительству и проводимому им курсу. Занимаясь подготовкой к новому учебному

---

¹⁵² Дрисс Жетту родился в 1945 году. Он является дипломированным специалистом в области естественных наук. В 1968-1993 гг. Жетту – президент Марокканской федерации кожевенной индустрии и вице-президент Марокканской ассоциации экспортеров. В 1993 году Жетту стал министром торговли и промышленности в правительстве, возглавлявшемся Мухаммедом Каримом Ламрани - pm.gov.ma/fr/Biographie.aspx.

¹⁵³ Bentaleb Hassan. Le projet de loi sur les partis politiques au Maroc. www.elections-maroc.com

¹⁵⁴ Bentaleb Hassan. Le projet de loi sur les partis politiques au Maroc. www.elections-maroc.com

¹⁵⁵ Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004, с. 101.

году и приближавшемуся рамадану, жители Марокко неохотно вспоминали о предстоящих выборах. Так что голосование в Марокко, утверждал Оберле, являлось не политическим актом, а своего рода референдумом о месте национальной идентичности, модернизации и религии в жизни общества ¹⁵⁶.

Таблица 3.

Итоги парламентских выборов 7 сентября 2007 года (основные политические партии) ¹⁵⁷.

Общее число избирателей/ списочный состав электората		Количество проголосовавших в %-ом отношении/ избирательная активность	
15 462 362		37%	
Партия	Количество полученных голосов	Количество полученных голосов в %	Количество мест в парламенте
Истикляль	494 256	10,7	46
Партия справедливости и развития (ПСР)	503 396	10,9	40
Народное движение (НД)	426 849	9,3	36
Национальное объединение независимых (НОН)	447 244	9,7	34
Социалистический союз народных сил (ССНС)	408 945	8,9	33
Конституционный союз (КС)	335 116	7,3	27
Партия прогресса и социализма (ППС)	248 103	5,4	14
Фронт демократических сил (ФДС)	207 982	4,5	9
Демократическое и социальное движение (ДСД)	168 960	3,7	9

Несмотря на израсходованные на проведение выборов бюджетные средства, которые составили 500 млн. дирхамов (62,5 млн. долл. США), на разнообразные мероприятия по привлечению избирателей к урнам, прошедшие в Марокко выборы стали рекордными по низкой избирательной активности электората, продемонстрировав укоренившееся недовольство населения политической и экономической ситуацией в стране.

Неуклонное снижение показателей избирательной активности населения отразило общую неудовлетворенность марокканцев политическим курсом правительства, а также недоверие и «охлаждение» к многочисленным партийным организациям, стремящимся, по мнению рядовых марокканцев, реализовать не общенациональные идеи и проекты, а использовать политику в своих корыстных интересах, в частности для повышения своего социального статуса. Однако

¹⁵⁶ lefigaro.fr/international/20070906.FIG000000174_maroc_mohammed_vi_et_le_pari_des_elections.html.

¹⁵⁷ Составлено по: elections.gov.ma/elu/clean/CandNomNAT.aspx.

невысокая избирательная активность не стала единственным сюрпризом выборов 2007 года. Примечательно, что 19% участвовавших в голосовании опустили в урны незаполненные бюллетени, таким образом выразив свое негативное отношение к политической элите в целом. Еще одной показательной особенностью парламентских выборов 2007г. стала более высокая активность электората в сельских районах (43% против 34% в городах). Свообразным «лидером» среди воздержавшихся от голосования стала многомиллионная Касабланка, насчитывающая вместе с пригородами около 3,9 млн. человек¹⁵⁸: здесь на избирательные участки пришли лишь 27% от списочного состава.

Столь низкая активность марокканцев на выборах 2007г. связана, по общему мнению специалистов, с разочарованием общества в способности нынешнего политического класса эффективно управлять страной. Так, даже исламистская Партия справедливости и развития получила меньшую поддержку избирателей (преимущественно бедноты), чем предполагалось до выборов (См. Таблицу 3).

Подводя итог, можно сказать, что радикальный ислам становится основной формой «несистемной» оппозиции в стране, поскольку левоцентристские силы, включая социалистов и коммунистов, уже интегрированы монархией в политическую систему Марокко. В последнее время многие эксперты считают чрезвычайно важной роль государственного аппарата как единственной силы, способной предотвратить развитие событий по «трагическому алжирскому сценарию», где деятельность исламистских радикалов дестабилизирует политическую систему страны.

Несмотря на очевидные различия в итогах парламентских выборов 1997, 2002 и 2007гг., они в целом продемонстрировали определенный кризис системы политического представительства в Марокко. Проведенные преобразования, обещавшие открыть новую демократическую страницу в жизни страны, на деле лишь подтвердили сохранение ведущей роли монархии в процессе политических преобразований в Марокко. Сохранению *политической субъектности* монархии немало способствует и сохраняющаяся фрагментация социально-политических сил в стране: трудно представить, чтобы даже ведущие партии, имеющие каждая десятипроцентную поддержку избирателей, могли стать потенциальной основой *альтернативной* модели политического управления, не зависящего от королевской власти.

19 сентября 2007 года король Мухаммед VI назначил генерального секретаря партии Истикляль Аббаса аль-Фаси премьер-министром страны, что означало: главой правительства стал лидер победившей на выборах партии. Отвечая на вопросы журналистов об итогах прошедших парламентских выборов, новый премьер-министр заявил, что низкий процент явки избирателей не подрывает, а наоборот, подтверждает честность и прозрачность выборной системы Марокко. По его мнению, ряд объективных факторов способствовал «электоральному охлаждению» народа: окончание летних каникул, подготовка к новому учебному году, наличие большого количества партий, вступивших в избирательную гонку, а также известная «путаница» в умах избирателей¹⁵⁹.

Однако члены оппозиционной Партии справедливости и развития убеждены, что 37%-ная явка избирателей отражает глубокие процессы в обществе: разочарование в политике и политиках, определенное недоверие к политической системе, сознательное игнорирование народом «официального» избирательного процесса, его институтов и практик¹⁶⁰.

¹⁵⁸ <http://www.casablanca.ma/index/portal/media-type/html/user/anon/page/citoyen.psm1?noteid=2440>

¹⁵⁹ istiqlal.ma/index.php?option=com_content&task=view&id=122&Itemid=99999999&idparent=.html

¹⁶⁰ pjd.ma/article.php3?id_article=2337.html

По-прежнему сохраняя за собой ключевые механизмы управления обществом, марокканская монархия небезуспешно использует процессы политической либерализации для управления основными общественными силами страны¹⁶¹.

2.4. Современная политическая система Марокко и становление гражданского общества.

Исследователи нередко отмечают: одной из черт, определяющих характер современной политической культуры¹⁶² Марокко, является недоверие к власти. Власть чаще воспринимается как инструмент подавления/принуждения, нежели механизм общественного диалога. В связи с этим интерес представляет вывод американского исследователя Магриба Дж.Энтелеса относительно того, что введение в практику социальных отношений современных институтов государственного и административного управления усилило недоверие, прежде всего традиционалистски настроенных слоев населения Марокко, к институтам власти. При этом, подчеркивает ученый, подобное неприятие нарастало по мере распространения современной политики на новые массовые пласты традиционного сознания и культуры¹⁶³.

Внедрение институтов и практик политической демократии в неподготовленную социальную среду нередко имеет следствием непосредственное подчинение этих институтов интересам элитарных слоев общества. Подобная ситуация, безусловно, вызывает недоверие к власти среди массовых слоев общества. Недоверие к власти проявляется двояко: 1) в растущем критическом настрое в отношении существующих в стране политических институтов (либо уклонение от голосования, либо голосование «против всех» путем незаполнения избирательного бюллетеня); 2) в растущем радикализме отдельных групп населения, особенно молодежи, обращающейся подчас к идеям политического ислама.

Опыт развитых стран показывает: партийно-политическая система эффективна настолько, насколько в обществе влиятелен - экономически, социально и идейно – средний класс. В этих странах средний класс (т.е. мелкие и средние предприниматели, интеллигенция и служащие, квалифицированная часть рабочего класса и т.д.) составляет более половины самостоятельного населения. Марокко трудно сравнивать с лидерами мирового хозяйства по экономическим и политическим параметрам. Однако формирование среднего класса в стране происходит достаточно активно, хотя пока преждевременно говорить о среднем

---

¹⁶¹ См.: Korany B. Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco, Political Liberalization and Democratization in the Arab World. Vol.2. Comparative Experiences. Boulder, Col. London, 1998. с. 157-184.

¹⁶² Известные отечественные ученые-политологи Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин определяют политическую культуру, как «уровень знаний и представлений различных классов и слоев общества, а также индивидов о власти и политике, а также определяемую этим степень их политической активности» (Бурлацкий Ф. М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974, с.40.) На взгляд автора, данная трактовка отвечает необходимым для описания политической культуры критериям простоты, доступности и содержательной емкости. Тем не менее взгляд ученых на политическую культуру требует дальнейшей конкретизации, ведь политическая культура – это и модели участия различных сил общества в политической жизни, и методы социального действия, и способность слоев и групп к самоорганизации, самоуправлению и независимости суждений и самостоятельности поступков.

¹⁶³ The Government and Politics of the Middle East and North Africa. Boulder, Col., 1980, с. 401.

классе как о *главной* социально-политической силе марокканского общества, потенциально способной противостоять монархии.

Тем не менее государство – посредством экономической и социальной политики – пытается стимулировать становление данного социального образования. Согласно официальным статистическим данным (на наш взгляд, сознательно завышенным), средний класс в Марокко составляет 53% самодеятельного населения, тогда как «низший класс» - 13% жителей страны. При этом среднезвешенный месячный доход марокканцев не превышает 5 308 дирхамов (около 633 доллара США), а нижняя граница доходов среднего класса, по официальным данным, составляет 3 500 дирхамов (418 долларов США) в месяц¹⁶⁴.

Марокканские экономисты, полемизируя с властью, утверждают: правящие круги значительно расширяют социально-экономическое пространство существования среднего класса, который «медленно, но верно исчезает» как социальная общность¹⁶⁵. Правда, даже наиболее последовательные критики признают: правительство применяет стимулирующие меры по сохранению среднего класса, включая контроль за ценами на жилье и услуги здравоохранения, регулирование цен на продукты повседневного спроса и т.д. Помимо этого, важное значение для определения общественного пространства среднего класса эксперты придают *социальной самооценке* марокканцев, около половины которых причисляют себя к среднему классу¹⁶⁶. Тем не менее фактор социальной самооценки имеет отнюдь не решающее значение при определении социально-пространственных параметров среднего класса в Марокко. Даже если статистически соединить *фаси* и *суси* и добавить к ним феодалов, чиновников, армию и полицию, то они составят не более 13 – 15% самодеятельного населения; тогда как крестьянство, городские «низы», основная часть рабочих и служащих низшего звена, мелкие предприниматели составят сакраментальные 53%, а то и больше. Однако они – далеко не современный средний класс, в среде которого велико значение *интеллектуальных* видов деятельности. И все же введение в государственную статистику категории *средний класс*, на наш взгляд, указывает на понимание монархией *политической* значимости данной проблемы, и это отличает Марокко от основной части переходных обществ.

Видимо, можно утверждать, что средний класс в Марокко пока не достиг того уровня зрелости, который позволил бы средним слоям общества сформировать действенную оппозицию королевской власти. Подобное положение адекватно отражается в сфере политических отношений и партийной деятельности в Марокко. Сохраняющаяся пассивность большинства населения Марокко есть следствие отсутствия развитого среднего класса, а также – сохранения привычки мыслить категориями патриархальной общины, клана, племени, землячества, верности «своему» феодалу или региональному лидеру, имаму мечети, шейху суфийского братства. Современный же средний класс в Марокко формируется на базе традиционных социальных общностей, в частности, *фаси* и *суси*. *Фаси* составляют верхний сегмент среднего класса, а *суси* преимущественно - нижний сегмент этого формирующегося социального образования. Тем не менее в Марокко средний класс пока не сформировался как *субъект* политического действия.

Уже с начала 1960-х годов демографические процессы и растущая политическая напряженность находятся в тесной взаимосвязи. Когда в конце

¹⁶⁴ <http://www.moroccobusinessnews.com/Content/Article.asp?idr=18&id=949>

¹⁶⁵ <http://www.yabiladi.com/forum/middle-class-statistics-spur-debate-44-3108471.html>

¹⁶⁶ <http://www.yabiladi.com/forum/middle-class-statistics-spur-debate-44-3108471.html>

февраля 1961 г. Хасан II короновался на престол, $\frac{3}{4}$ населения Марокко было моложе 30 лет. С одной стороны, подобную структуру населения можно было рассматривать как мощный потенциал экономического роста и развития. Но с другой стороны, отсутствие жизненных перспектив у молодежи (занятость, условия труда и его оплата и т.д.) могли стать причиной роста социального недовольства среди молодежных возрастных групп. Особенно активными они были в растущих современных городах Марокко - Касабланке, Рабате, Сале и др.¹⁶⁷

Внутри политической системы еще не выработаны общепризнанные правила принятия и реализации необходимых обществу решений. Поэтому марокканская политическая жизнь подчас представляется излишне взрывоопасной, грозящей разразиться крупным внутривнутриполитическим конфликтом. Однако открытые конфликты высокой интенсивности в марокканском обществе происходят нечасто. Причина лежит на поверхности: различные представители элиты и политически активных слоев общества избегают осложнений, дабы сохранить свои позиции в уже сложившейся системе политического равновесия. Боязнь политической инициативы, способной ущемить интересы тех или иных социальных групп, а также недостаточно устойчивые модели взаимодействия внутри элитных образований препятствуют возникновению политических объединений на широкой социальной основе и тем самым – достижению национального консенсуса в отношении целей развития марокканского общества.

Политические последствия подобной ситуации очевидны: стратегическое видение перспектив развития марокканского общества оказывается размытым и, как следствие, внимание элиты концентрируется на краткосрочных целях и тактических выгодах. Нет и долгосрочной стратегии развития, способной объединить на своей платформе основные социально-политические силы страны.

Положение монархии в современном марокканском обществе определяется набором факторов, пока обеспечивающих устойчивую легитимность института королевской власти. Источниками легитимности марокканской монархии являются:

1. Исламская традиция, сохраняющая устойчивое влияние на широкие слои населения Марокко. Роль короля в жизни марокканского общества зиждется на его восприятии массами населения в качестве духовного лидера (имама) всей мусульманской общины страны. Нынешний монарх, Мухаммед VI, принадлежит к берущей свое начало от пророка Мухаммеда алауитской династии и рассматривается народом как шериф (потомок Пророка).

2. Несмотря на достаточно критичное отношение к власти, марокканское общество отдает должное той духовно-символической роли, которую монархия сыграла в движении за независимость.

3. Ведущая роль монархии в политической жизни страны определяется социально-экономическим потенциалом государства¹⁶⁸. Политическая деятельность государства при слабой выраженности альтернативных источников политического влияния (развитой буржуазии, многочисленного и диверсифицированного среднего класса, массовых политических партий с четкой идейно-культурной ориентацией и т.д.) позволяет пока монархии выступать арбитром во взаимоотношениях

---

¹⁶⁷ См.: Zartman I. W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с. 15.

¹⁶⁸ «Подчинение буржуазии политико-административному аппарату – источнику всякого обогащения – сделало из марокканского бизнесмена простого посредника на службе этого аппарата», - таково мнение марокканского экономиста Ф.Уалалу. См.: Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики. Пер. с франц. М., 1983., с.132.

противостоящих друг другу социальных сил, что, в свою очередь, требует от королевского дворца значительной политической гибкости.

4. В Марокко, как и во многих арабских странах, буржуазия зависима от госбюрократии, госсектора и вообще от власти государства, которую часто воплощает бюрократический капитал, эксплуатирующий страну и экономическими, и внеэкономическими методами. А в Марокко, к тому же, силен феодально-бюрократический капитал (ФБК) – это 500 феодальных семей, из которых в основном набираются и окружение монарха, и высшая бюрократия, и элита бизнеса. ФБК – это крайне устойчивая консервативная сила, заинтересованная не столько в *развитии*, сколько в сохранении *статус-кво*, т.е. своего вечного господства.

Помимо этого, армия начинает осознавать себя самостоятельной силой. В принципе эта тенденция неблагоприятна для дворца, однако дает королю возможность ограничить свободу действий некоторых групп гражданской элиты, представляя себя в качестве единственной возможной альтернативы военному правлению¹⁶⁹. Общая тактика монархии в отношении элиты сводится к двум простым принципам. Во-первых, всячески противостоять чрезмерному усилению той или иной элитарной группы, ссылаясь на свое право подавлять, в интересах народа, «гегемонистские тенденции» в обществе. Во-вторых, поддерживать на плаву ослабленные партии и группы, обосновывая это необходимостью сохранять, опять-таки в интересах народа, плюралистические основы марокканского общества. Отсюда и представление об элите как о «большой семье» с различными интересами, объединенной, однако, пониманием неизбежности прямой и ведущей роли монархии в сфере политических отношений¹⁷⁰. Всевластие двора в конечном счете зиждется на исторически сложившемся сосредоточении у монархии «вертикальных» связей, нисходящих к высшим управленческим кадрам, феодализму, ФБК, армии и спецслужбам. Блоку этих сил под контролем трона не могут противостоять расколотый по политико-идеологическим, этническим и даже – кое-где – земляческим признакам рабочий класс (к тому же различный по квалификации и уровню жизни – на государственных и частных предприятиях, в иностранном и национальном сегментах экономики), не менее многослойная буржуазия и столь же разнородная интеллигенция. А что без них крестьянство, да и городские «низы»? Они – социально гетерогенные и политически слабо развитые слои общества, пока доверяющие не столько политическим партиям, сколько монарху, «своим» традиционным главам (племен, кланов, суфийских братств) и духовным лидерам.

И все же функцию монархии как арбитра объективно подтачивают социально-демографические процессы (рост населения) в марокканском обществе. В 1960-1970-е годы темпы естественного прироста населения Марокко превышали 3% в среднегодовом исчислении; в указанный период абсолютные и относительные размеры безработицы в стране увеличились. «Развитие современного сектора не могло в достаточной мере компенсировать разорение традиционного сектора, - пишет В. А. Мельянцев. - ...Поэтому расширение сферы потенциальной занятости не обеспечивало эффективного использования наличной рабочей силы»¹⁷¹. Рост социально-имущественных диспропорций, таким образом, провоцировал усиление политической напряженности. Такого рода тенденции вынуждали монарха расширять собственную базу политической поддержки и тем самым постепенно

¹⁶⁹ Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics., с.147.

¹⁷⁰ Waterbury J. Ibid., с.148-149.

¹⁷¹ Мельянцев В. А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 122, 127, 130.

видоизменять свою политическую стратегию и адекватно реагировать на появление новых общественных сил, в частности молодежи.

Исследователи выделяют четыре типа/группы политической элиты в Марокко и в других странах Магриба¹⁷².

1) «Либеральные ассимиляционисты», выходцы из семей традиционной элиты, рассматривавшие французскую культуру и созданные ею политические институты как наиболее эффективные механизмы государственного управления уже в период суверенитета; они признавали диалог между различными социальными силами важным способом политического воздействия на народ. В настоящее время в Марокко (в отличие от Алжира и Туниса) почти нет «либеральных ассимиляционистов», если не считать немногих либералов, журналистов и научных работников (большинство которых или покинули страну, или собираются это сделать). Помимо этого, в Марокко немало лиц, связанных не с французской, а с испанской культурой.

2) «Традиционалисты», пришедшие в политику из той же социально-исторической среды, но не ставившие, в отличие от «либеральных ассимиляционистов», акцент на возрождении традиционной марокканской культуры, национальной идентичности и сохранении унаследованных от предков ценностей в условиях сильного идейного влияния метрополии. «Традиционалисты» в Марокко – это сплошь феодалы, марабуты, служители культа и т.п. В годы протектората они сотрудничали с Францией, а теперь – с тронем.

3) Европейски образованные «популисты», делавшие ставку на мобилизацию народа и массовые политические действия. В отличие от «традиционалистов», «популисты» пользовались широкой поддержкой в обществе, обладали более высоким уровнем образования и более «космополитическим» мировоззрением (то есть они были и секуляристами, и сторонниками эволюционных изменений в обществе). В Марокко, в отличие от Туниса и Алжира, «популистов» в чистом виде практически нет. Их «маску» носят либо «ассимиляционисты» (и то крайне редко), либо «националисты».

4) «Националисты», сформировавшиеся как общность уже в период независимости; они стремились к радикальному переустройству марокканского общества за счет демонтажа структур зависимого развития, сохранившихся после завоевания суверенитета. «Националисты», однако, были в Марокко задолго до независимости. Собственно они (Алляль аль-Фаси, во многом «традиционалист», Ахмед Балафредж, в чем-то, «ассимиляционист», и др.) и боролись за независимость в 30-50-е годы в рядах партии Истикляль.

Данная классификация марокканской элиты не является единственной.

Так, уже упоминавшийся Ф. Уалалу считает, что в Марокко в ходе борьбы за суверенитет выкристаллизовались два основных идейно-политических течения, повлиявших впоследствии на общую расстановку социально-политических сил в стране. Одно из них он называет «прогрессивным», стремившимся к реальной «экономической независимости как к продолжению независимости политической и делавшим акцент на необходимости демократизировать политический режим»; второе движение Уалалу определяет как «консервативное», сторонники которого, предпочитая «укреплять экономические и политические отношения с Францией», отклоняли «дискуссии по вопросу демократизации политической системы»¹⁷³.

¹⁷² См.: например, Entelis J.P. Comparative Politics in North Africa: Algeria, Morocco, Tunis. Syracuse, 1980.

¹⁷³ Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики, с.127.

Очевидно, однако, то, что элита и ее подразделения выполняли пусть важные, но все же вспомогательные функции в обществе и политике, тогда как ведущая роль оставалась за монархией, воплощавшей в себе экономический, социальный и духовно-идеологический потенциал государства.

Возникновение так называемых «нелиберальных демократий»¹⁷⁴ как явления общественной жизни переходных обществ оживило дискуссии о характере гражданского общества в развивающихся странах. Примечательно, что наличие гражданского общества на Востоке, включая в него и мусульманский мир, академическим сообществом уже не оспаривается; споры идут о характере этого образования, о его специфике (по отношению к Западу), о его отношениях с властью и т.п.¹⁷⁵

Некоторыми исследователями гражданское общество рассматривается не только как *развитое* социальное состояние, но и как явление, возникающее в «неклассических» условиях, т.е. при несформированности его «базовых/классических» предпосылок – диверсифицированной экономики, наличия среднего класса как основной (от 2/3 до 4/5) части самодеятельного населения, полноценной системы политического представительства/демократии¹⁷⁶. Данный тезис обосновывается следующим образом: «Реальные политические процессы в обществах третьего мира ... весьма существенно отличаются от политической жизни Запада; однако, при всей странности подобного расхождения, язык, используемый для описания, оценки и отражения политического опыта, повсеместно один и тот же. Этот язык, который идентифицирует государства и гражданские общества, описывает бюрократию, политические партии, парламенты, выражает стремление к установлению либеральных, коммунистических или социалистических форм правления и оценивает политические системы в категориях демократии или диктатуры. ...Существование бюрократии (в переходных обществах – М.В.) не означает веберовских правил рационализации управления; функционирование демократии (в развивающихся странах – М.В.) не обязательно предполагает адекватное понимание неотъемлемости прав личности или уважение к чаяниям [этнических и иных] меньшинств. ... Вторая важная причина использования этого («западного» – М.В.) политического языка для описания отличной от западной социальной реальности предопределена природой интеллектуальных традиций. Многие незападные общества обладают интеллектуальной традицией глубокой древности и изысканной утонченности. Часто, однако, эти интеллектуальные традиции не содержали специального интереса к сфере “политики” в ее современном понимании и поэтому не имели развитых навыков восприятия политики как *массового* (курсив мой – М.В.) явления»¹⁷⁷.

Становление гражданского общества, как показывает «классический» опыт Западной Европы, процесс длительный. «Гражданское общество, - считает историк – франковед Е. М. Кожокин, - конституируется лишь в связи с возникновением государства определенного типа. Государство предшествует гражданскому обществу. ... Гражданское общество возрождается и становится действенным в эпохи кризисов, когда выясняется, что государство не в состоянии выполнить свои

¹⁷⁴ См.: Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.-L., 2003.

¹⁷⁵ См., например: Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001.

¹⁷⁶ В отечественной научной традиции проблема «неклассического» гражданского общества была впервые поставлена в монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» (М., 1974). Впоследствии идеи 70-х годов XX века были развиты и конкретизированы в работах «Авторитаризм и демократия в развивающихся странах» (М., 1996) и «Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России» (М., 1998).

¹⁷⁷ Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001, с. 5.

задачи, когда государственный аппарат ... нарушает баланс между обслуживанием и эксплуатацией общества»¹⁷⁸. Примечательно, что в своей политике правящие круги Марокко использовали французский опыт государственного строительства, в частности, регулирование государством социально-политических процессов.

Причина интереса к проблематике гражданского общества в развивающихся странах лежит на поверхности политической жизни. Политика, от которой зависят судьбы народов этих стран, включает в сферу своей деятельности практически все значимые силы переходного общества. Эти силы, участвуя в политике, вынуждены занимать определенные позиции по проблемам социально-экономического, культурного и этнического развития, внешнеполитической ориентации страны и т.д. Политическое самоопределение (класса, социально-профессионального слоя, группы) есть важная функция гражданского общества (иногда называемого и политическим обществом, особенно в освободившихся странах). Фактическим признанием непреложности данного факта и стала монография Ф. Закария¹⁷⁹, целью которой было объяснить американскому общественному мнению (и Западу в целом) наличие в современном мире неклассических/нелиберальных моделей демократии и гражданского общества.

Важную роль в становлении гражданского общества на Востоке играют города, в том числе традиционного типа, где особое место принадлежит религиозным центрам. «Религиозные центры, - пишут Н.А.Длин и Р.Г.Ланда, - не являются на Востоке ... реликтами традиционализма и отсталости. Они выполняют важную социальную функцию, связывая не только верующих, но и всех граждан страны, религию и традиционную культуру, историческую память народа и сегодняшние будни, национальное и *гражданское самосознание* (курсив мой – М.В.), эстетику и этику формирующейся нации»¹⁸⁰.

О гражданском обществе в Марокко, - конкретизирует вышеперечисленное положение Р.Г.Ланда, - «надо говорить осторожно. Думаю, что там есть *элементы* такового (причем разной степени зрелости у различных социальных групп), но еще не сомкнулись они в систему, в действующий по своим законам механизм. В многоукладных обществах этого и не может быть, ибо там многоукладность, неоднотипность во всем: в экономике и социальной структуре, в политике и юриспруденции, в общественном быту и менталитете. Все это привести к единому знаменателю еще долго не удастся»¹⁸¹.

Рассуждения историков, философов и социологов об особенностях незападных, в том числе восточных, обществ приводят ученых к двум основным умозаключениям. Во-первых, не существует прямой взаимосвязи между гражданским обществом и строго определенной политической формой, прежде всего либеральной демократией. Специалисты ссылаются прежде всего на опыт обществ Дальнего Востока (обладающих и значительным по численности средним классом, и гражданским обществом), которые «могут обходиться и без либеральной демократии». Во-вторых, категорию гражданского общества, предостерегают ученые, не следует политизировать, поскольку гражданское общество олицетворяет прежде всего человеческие качества – духовные, интеллектуальные, социокультурные и – уже как следствие – политические. Гражданское общество

¹⁷⁸ Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII-первой половины XIXвека. М., 2005, с.50.

¹⁷⁹ Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.-Y. – L., 2003.

¹⁸⁰ Социальный облик Востока. М., 1999, с.149.

¹⁸¹ Материалы беседы с Р.Г.Ландой. Ноябрь 2009 г.

существует и как своеобразный итог взаимодействия людей, мотивы которых далеко не всегда имеют политический характер¹⁸².

Отсутствие «общей концептуальной карты» гражданского общества на Западе и Востоке не означает, таким образом, что есть несформированность гражданских отношений в переходных обществах, в частности в мусульманском мире. Однако в марокканском обществе достаточно четко проявлены и множественность интересов, и национально-этнический плюрализм, и, наконец, довольно «продвинутые» для развивающихся стран формы социально-политической активности, включая партийную деятельность. Некоторые авторы подобную структуру общества не без оснований называют «нелиберальным плюрализмом»¹⁸³, смысл которого во множественности (в отличие от западной унифицированности) логик поведения при отстаивании своих интересов. В сложившихся условиях ориентеры национализма и развития, декларируемые государственной властью, действуют в сторону формирования целей и интересов общества на современной (т.е. рационалистической) политической основе.

Из наличия гражданского общества специфического *поляризованного* типа, по сути дела, исходят и концепция «авторитарного парламентаризма» (Н.А.Симония¹⁸⁴), и идея «нелиберальной демократии» (Ф. Закария¹⁸⁵), и представления о «молодой демократии» (Дж. Стиглиц¹⁸⁶). Речь, таким образом, идет об отказе от упрощенных классификаций социальной структуры и политических систем переходных обществ.

Критики идеи «незападного» (коллективистского) гражданского общества нередко ссылаются на слабую выраженность как горизонтальных связей в экономике, так и на недостаточность децентрализации политических отношений, мешающих переходу развивающихся обществ в гражданское состояние. Здесь можно возразить: основная часть переходных обществ развивается в направлении становления индустриальных форм и институтов деятельности гораздо быстрее, чем это делал развитый мир на этапе становления современных институтов. (Разумеется, само наличие Запада, т.е. мира развитых обществ, стимулирует данные процессы.) Наконец, в Марокко политические партии, постепенно формируя устойчивые «современные» институты, уже выполняют важные «посреднические» функции между властью/государством и обществом.

В контексте нашей темы важно подчеркнуть: развитие гражданских отношений, особенно в таких политически «продвинутых» переходных обществах, как марокканское, происходит под влиянием сложного взаимодействия различных факторов. С одной стороны, государство в лице монархической власти пока сохраняет твердый контроль над экономическими процессами, политикой, социальными отношениями, оставляя тем самым ограниченное пространство для самостоятельной от «верхов» общественной деятельности. Слабость и неспособность национальной буржуазии осуществить собственными средствами форсированное развитие современной системы производительных сил, считает В.А.Мельянец, «вызвали усиление государственного (прямого и косвенного) вмешательства в экономику Марокко...»¹⁸⁷.

---

¹⁸² Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001, с. 25.

¹⁸³ Там же, с. 29.

¹⁸⁴ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 296-381.

¹⁸⁵ Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.-L., 2003.

¹⁸⁶ Stiglitz J. Making Globalization Work. London 2006, с.103.

¹⁸⁷ Мельянец В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 83.

Одновременно существующая политическая система опирается на поддержку элитарных слоев марокканского общества, заинтересованных в ее сохранении или поэтапном, эволюционном, ограниченном преобразовании: представителей административно-управленческих органов, профессиональных политиков, традиционной аристократии (пока способной мобилизовать значительные силы сельского населения на отвечающие ее интересам политические действия) и т.д. Эти силы, порой жестко критикующие монархическую власть и конкурирующие между собой, ясно понимают: неконтролируемое социальное напряжение и в обществе, и в политической системе Марокко способно бесповоротно подорвать их позиции. Логика действий марокканской элиты поэтому сводится к стремлению ограничить «всесилие» королевской власти и одновременно сохранить управляемость политической системы.

Однако политические противоречия, являющиеся прямым следствием неравномерности социально-экономического развития, побуждают королевскую власть и элиту к согласованной тактике действий, частью которой являются уступки национальной буржуазии, преподносимые государством как уступки народу: в форме как политической «либерализации», так и пропагандированной властями «демократизации» социально-экономических отношений («марокканизация» экономики). На самом деле, по мнению Ф. Уалалу, «процесс марокканизации способствовал углублению диспропорций между различными районами страны и секторами экономики, поскольку он затронул главным образом предприятия, расположенные вокруг оси Касабланка – Мохаммедия, а также часть непромышленных отраслей; он повлек за собой рост спекуляции и инфляции»¹⁸⁸.

В ходе этого сложного и противоречивого процесса, как считают некоторые авторы (например, египетский исследователь Саад ад-Дин Ибрахим¹⁸⁹), отличающегося «волевым» (в отличие от западного «консенсусного» - М.В.), организованным и коллективным участием на публичном пространстве между индивидуумами и государством (точнее, соединяющим человека и политическую власть - М.В.), формируется специфическое (восточное) гражданское общество¹⁹⁰. В пространстве гражданского общества Марокко, таким образом, оказываются политические партии, профессиональные союзы, всевозможные группы интересов (включая этнокультурные), а также традиционалистские организации: религиозные братства, племенные (по преимуществу берберские) образования и т.д. Все это происходит потому, что объединения уже включены в политический процесс и именно через участие в политике реализуют свои тактические и стратегические интересы.

Переходный характер марокканского общества проявился, в частности, в организации и деятельности политических партий. «Политическая партия, группа сопротивления (очевидно, речь идет о «группах давления» - М.В.) или союз – это не более чем увеличенные [до масштабов общества] системы альянсов, ... членство в которых не предполагает лояльности определенной программе, идеологии или

---

¹⁸⁸ Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики, с.147.

¹⁸⁹ Ibrahim Saad Eddin, "Civil Society and Prospects for Democratization in the Arab World // Civil Society: in the Middle East. Leiden: E.J.Brill, 1995, с.28.

¹⁹⁰ Высказывание египетского автора нуждается в комментарии. В отличие от *правового государства*, которое либо существует, либо нет, гражданское общество развивается порой, как Западная Европа, в течение нескольких столетий. Зрелые формы гражданского состояния нередко «заслоняют» длительный процесс его становления, мешают вспомнить о многочисленных случаях давления власти на общество, включая репрессивные действия.

целям развития; напротив, эти организации соединяют влиятельных личностей с союзниками силой взаимных обязательств. При этом участники соглашения рассматривают созданную организацию как средство защиты своих частных интересов и поддержания социального престижа, а также как возможный источник патронажа со стороны центрального правительства, - писал в начале 1970-х годов Дж. Уотербери. – Если же данная организационная структура не в состоянии соответствовать ожиданиям ее членов, последние попросту теряют к ней интерес»¹⁹¹.

Объединяющим началом «современных» и «традиционных» связей и институтов выступает проводимая королевским двором марокканская политика, в которой различные общественные силы участвуют более пятидесяти лет. Даже наиболее стойкие противники современных форм социальных отношений, включая исламистов, вынуждены приобщаться к политике, поскольку только она предоставляет реальные возможности завоевания власти. Так, приверженцы радикальных исламистских движений вынуждены участвовать в политической жизни и обращаться к идеям (но не ценностям¹⁹²) демократии с целью защиты своих позиций в обществе и своих социальных интересов. Призыв к солидарным действиям гражданских ассоциаций и институтов, как исламистских, так и светских, пишет работающий в Великобритании Сами Зубейда, ориентирован на укрепление гражданского общества перед лицом давления власти на его структуры, стремление подчинить последние своему влиянию либо их коррумпировать. «Цель гражданского общества... в ограничении [произвола] власти; и этот призыв не учитывает наличия социальных конфликтов как центрального признака гражданского общества, а равно и сил, связывающих различные общественные группы с государством и его институтами»¹⁹³.

Партийно-политическая система современного Марокко выполняет функцию передаточного механизма – от формирующегося гражданского общества к политической власти. Эффективность данного механизма, в конечном счете, зависит от степени зрелости гражданского общества и от организованности составляющих его сил. При этом на протяжении периода независимого развития сама политическая система претерпевала сложную эволюцию и тем самым влияла и на общественное поведение королевской власти, и на постепенную самоорганизацию марокканского общества. Монархия остается главным распорядителем системы государственного патронажа в Марокко, а король неизменно рассматривает марокканскую элиту в целом как зависимое от него клиентельное образование¹⁹⁴.

Некоторые исследователи¹⁹⁵ рассматривают период от завоевания суверенитета (1956 г.) до конца 80-х годов XX века своеобразной «предысторией» большой политики в Марокко. Их логика рассуждений выглядит примерно так. С

---

¹⁹¹ Waterbury J. The Commander of the Faithful- the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с. 117-118.

¹⁹² Сама идея демократии чрезвычайно проста и доступна пониманию массовых слоев населения. Ценности же демократии предполагают длительное функционирование политического представительства, как это происходит на Западе уже в течение нескольких веков. Таким образом, апелляция к идеям демократии не предполагает восприятия системы политического представительства во всей ее целостности.

¹⁹³ Sami Zubaida. Civil Society, Community, and Democracy in the Middle East, - Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001, с. 237.

¹⁹⁴ Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с. 142-143.

¹⁹⁵ См.: Political Liberalization and Democratization in the Arab World. Vol.2. Comparative Experiences, Boulder - London, 1998, с. 111-131.

одной стороны, по всем формальным признакам Марокко можно считать «многопартийной демократией», правда, контролируемой «сверху» королевской властью. С другой стороны, марокканский парламент представлял собой площадку для взаимодействия власти и оппозиции, тогда как влияние широких слоев населения в главном законодательном органе страны ощущалось слабо (ввиду слабости самих политических партий в Марокко, которая, в свою очередь, была непосредственным отражением недостаточной социальной самоорганизации марокканского народа в первые десятилетия суверенитета). Поэтому и большинство реформ в стране имели незавершенный, половинчатый характер.

Защите идеи гражданского общества для Марокко противостоят аргументы Р.Г.Ланды: «Ни критика монарха, ни конкуренция различных социально-политических сил никак не ограничили за последние полвека всевластия короля, который на деле может все: уволить правительство, распустить (и вообще отменить «на время») парламент, кого угодно казнить и т.п. По статье 19-й Конституции, он может *любого* обвинить в «нарушении предписаний ислама» и сделать с ним все, что заблагорассудится. Поэтому Марокко только еще *идет* к гражданскому обществу, во многом оглядываясь назад и руководствуясь традициями прошлого. И, к сожалению, очень часто институты гражданского общества не только в Марокко, но и вообще на Востоке, выглядят как современные декорации драмы многовековой давности»¹⁹⁶.

Таким образом, развитие элементов *гражданственности* и *гражданских отношений* в Марокко можно рассматривать как длительный и сложный, диалектически противоречивый процесс, в котором движение вперед (к гражданскому обществу) постоянно «корректируется боковыми и даже попятными движениями», что придает марокканскому обществу характер сложного симбиоза традиционных общественных форм сознания и поведения, с одной стороны, и современных моделей политической социализации и мотивации – с другой. Этот синтез-симбиоз, как в капле воды, проявляется, в частности, в партийно-политической деятельности.

В эволюции партийно-политической системы Марокко можно выделить несколько этапов, каждый из которых имеет характерные особенности.

Первый этап демократизации политической системы относится к началу 90-х годов XX века, когда была предпринята попытка расширить права законодательной власти, увеличить влияние парламентских институтов на ход развития страны. Смысл политических преобразований состоял в основном в усилении представительного характера марокканского парламента и, одновременно, в повышении эффективности самой королевской власти, ее способности действительно выполнять роль верховного арбитра во взаимоотношениях различных социально-политических сил страны. Монархия, таким образом, возлагала на себя функцию гаранта поступательного развития политического процесса в стране. Исполнение данной функции определенно облегчалось тем обстоятельством, что в стране образовалась «избыточная масса» профессиональных политиков, чем умело пользовалась королевская власть. Монарх хорошо понимал, что наличие многочисленных соискателей, желающих приобщиться к политической власти, существенно облегчало его диалог с наиболее стойкими противниками махзена. Усвоение этой простой истины потребовало от марокканских оппозиционеров определенного времени.

---

¹⁹⁶ Материалы беседы с Р.Г.Ландой. Ноябрь 2009г.

Второй этап демократизации (середина 1990-х годов) наступил, когда историческая роль монархии в модернизации марокканского общества была осознана политической элитой страны. В свою очередь, король Хасан II предложил комплекс мер, нацеленных на повышение роли партий в жизни страны: совершенствование законодательной власти, оказание финансовой помощи со стороны государства партиям, определение возможностей для их свободного взаимодействия и участия в работе парламента (включая критику монархической власти) и т.п. Все это имело следствием рост значимости парламентских дебатов при обсуждении жизненных проблем страны и, в конечном счете, делало жизнеспособной, по меркам переходных обществ, многопартийную систему страны.

Сущностным содержанием этого этапа политических преобразований стало понимание взаимозависимости власти и оппозиции, с одной стороны, и необходимости поступательного и эволюционного проведения социально-экономических и других реформ в стране – с другой. При этом заключенная во взаимосогласованные рамки сложная политическая «игра-борьба» между монархической властью и оппозицией определяла динамику самого этого процесса и уже самим фактом своего существования способствовала совершенствованию партийно-политической системы Марокко, делая ее способной в исторической перспективе отражать и выражать интересы практически всех общественных сил страны. Наконец, логика и инерция политической борьбы вольно или невольно стимулировали модернизацию института монархии, объективно повышали способность основного историко-политического субъекта возглавлять необходимый стране процесс глубокой трансформации общества и его институтов, их адаптации к тенденциям быстро развивающегося внешнего мира.

Важным показателем модернизации можно считать «смену вех» в поведенческой ориентации марокканской элиты. Если до 1960-х гг. безусловным «законодателем мод» в культуре, духовно-интеллектуальном развитии, социальных ценностях был Фес, то в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века эта роль переходит к Касабланке и – в меньшей степени – к Рабату. Образ жизни марокканской элиты унифицируется на современной, буржуазной основе, тогда как внутри самих элитарных слоев формируется общее отношение к власти и политике¹⁹⁷. Консолидация элиты тем самым все более противопоставляет ее остальной части общества, что объективно повышает риски протестных выступлений, особенно в крупных городах, где социальные противоречия приобретают «кричащий» характер.

Как показано, отношения между арабами и берберами не оказывают дестабилизирующего влияния на политический процесс в Марокко. Более того, «берберские» партии едва ли рассматриваются в качестве серьезной политической перспективы для реализации прав берберов на свою этно-культурную идентичность. Эти партии (точнее, протопартии) выполняют в политической системе Марокко триединую функцию: 1) служат для монархии «группами давления» на крупные политические силы (включая Истикляль) с целью снижения радикализма требований последних к махзену; 2) объективно способствуют фрагментации политических сил в марокканском обществе и, тем самым, сохранению за королевской властью роли главного субъекта политического и экономического процесса в стране; 3) создают среди определенной части берберской общности впечатление о значительном представительстве «берберских интересов» в партийно-политической системе Марокко.

---

¹⁹⁷ Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с.94.

Вместе с тем относительное спокойствие марокканской политической жизни может оказаться обманчивым. Нынешняя слабость «берберских» партий – величина переменчивая. Эти партии, особенно с учетом продолжающегося подъема международного «берберизма», в недалеком будущем способны играть более серьезную и потенциально опасную для монархии роль. Видимо, при оценке соотношения факторов «покоя» и «турбулентности» стоит, помимо прочего, учитывать возможное стремление внешних сил сохранить свое влияние в стратегически важной стране посредством «дистанционного» управления внутримарокканскими противоречиями и конфликтами. В таком случае наличие «берберских» партий как готовых институтов социального действия может оказаться весьма кстати.

Глава III. Берберские культурные и общественные организации Марокко

Берберы полагают: наиболее действенным способом утвердить право на свою культурную самобытность является деятельность различных ассоциаций в рамках формирования марокканской нации и становления современной марокканской государственности. Все более значительную роль в этом двуедином процессе начинают играть объединения неполитического характера, прежде всего берберские культурные и общественные организации и ассоциации; по мнению автора, они – элементы формирующегося гражданского общества в Марокко.

3.1. Зарождение первых культурных ассоциаций – деятельность АМРЕК

С конца 60-х годов XX века наблюдается своеобразное социальное «пробуждение берберов», их все более последовательное обращение к своему социально-историческому опыту, к своим этнокультурным истокам. Возрождение интереса к историческому наследию берберов приняло тогда форму культурного движения, в русле которого постепенно начали формироваться многочисленные социальные институты: ассоциации, студенческие кружки, стала активно развиваться научно-исследовательская и творческая деятельность. Берберское культурное движение ставило своей целью (и осуществляло ее довольно эффективно) стимулировать становление берберского этнокультурного самосознания. Благодаря исследовательской и публицистической деятельности ассоциации, созданные в рамках Берберского культурного движения, становились действенным «посредником» между так называемой «интеллектуальной, университетской мыслью» и простыми берберами»¹⁹⁸.

По мнению автора, подобное суждение в принципе точно характеризует задачи и цели, поставленные Берберским культурным движением. Возникнув вскоре после обретения независимости, это движение постепенно объединило вокруг себя многих влиятельных политических и культурных деятелей. Члены Берберского культурного движения интеллектуальным «оружием» своих статей, монографий и другой печатной продукции знакомили марокканский народ с берберским историческим и культурным наследием. Берберское культурное движение явилось эффективным выразителем интересов, чаяний, а равно и недовольства части берберского населения страны, явно озабоченной недостаточным вниманием властей к потенциально политически «чувствительным» проблемам этнокультурной идентичности берберов – этой второй «несущей конструкции» формирующейся марокканской нации. В свое время З.А.Ментешавили писал о том, что «обилие этнических, лингвистических, земляческих и прочих градаций среди населения Марокко позволяло почти любой конфликт современного характера ... превращать в столкновение представителей различных этнических или земляческих общин, племен, кланов, больших традиционных семей»¹⁹⁹. Культурная политика марокканского государства, и в частности повышенное внимание к историческому наследию берберов, как раз и преследовала цель ослабить напряжения, возникающие в обществе на *неэкономической* основе.

¹⁹⁸ Kratochwil Gabi. Quelques réflexions sur le rôle des Associations Culturelles Amazighes au sein du Mouvement Culturel Amazigh au Maroc // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été . Agadir, 2000. с. 223.

¹⁹⁹ Ментешавили З.А. Социальное развитие независимого Марокко: традиции и современность. М., 1988, с. 235.

Особый интерес историков к этому движению, и в особенности к берберским ассоциациям, вызван процессом политической социализации этих организаций, их активным включением в общественную жизнь страны. В начале 90-х годов XX века политические проблемы начинают занимать все большее место в деятельности ассоциаций. С этого момента лидеры и члены Берберского культурного движения выступают не только за признание единого берберского языка, за «концептуальный пересмотр» истории Марокко, но и за «полноценное» политическое представительство берберского населения в различных ветвях и институтах государственной власти.

Первым шагом на пути переосмысления берберами своей роли в истории Марокко, а также и судеб их самобытной культуры, стало создание специальных ассоциаций, которые были призваны возродить интерес к берберскому наследию и «пробудить национальный дух берберского народа»²⁰⁰. Впоследствии представители этих ассоциаций сформировали Берберское культурное движение, сумевшее консолидировать разрозненные организации и придать новый импульс решению «берберского вопроса».

В конце 60-х годов прошлого века отношение к «берберскому вопросу» было, таким образом, выведено на принципиально новый уровень. В Рабате в 1967 году была учреждена Марокканская ассоциация культурных исследований и обменов (Association marocaine de recherches et de l'échange culturelle (AMREC) - АМРЕК). Относительно нейтральный термин «культурный» был избран потому, что в тот период создание организации, открыто причисляющей себя к берберской, было политически недопустимо. На долю АМРЕК выпала поистине историческая задача – стать организационным ядром тех кружков студентов и преподавателей, которые проявляли растущий интерес к культуре и истории берберского народа. Подобный интерес, по представлению властей, должен был удовлетворяться в процессе научно-образовательной деятельности и в ходе интеллектуальных дискуссий, но никак не за счет политизации «берберского вопроса» со всеми вытекающими для власти и страны последствиями.

Эта ассоциация явилась своеобразной базой для исследования и актуализации «берберской проблемы»; представители именно этой ассоциации начали серьезную дискуссию среди марокканского народа по вопросу берберской идентичности. В ряды АМРЕК вошли члены созданной в июле 1942 года Ассоциации выпускников берберского колледжа в Азру. В дальнейшем АМРЕК послужила моделью для учреждения других организаций, занимающихся изучением берберского культурного наследия. Через некоторое время в разных городах Марокко стали появляться новые ассоциации и культурные объединения, занимающиеся изучением берберского исторического наследия. В настоящий момент в структуре Берберского культурного движения в Марокко насчитывается не менее 37 ассоциаций, включая АМРЕК.

С момента своего возникновения ряды АМРЕК состояли преимущественно из преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, специализирующихся, прежде всего, в области истории и филологии. Первая организационная ячейка этой ассоциации не превышала 20 человек, являвшихся главным образом приверженцами левой идеологии. Первоначально АМРЕК не

---

²⁰⁰ Ахият Ибрахим. Даур аль-Хитаб аль-амазигийя фи тасхих аль-мафахим аль-фикрий ас-сеида. (Роль берберской словесности в разъяснении господствующих идейных концепций). Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). Рабат, 2004, с.33.

располагала необходимыми средствами для аренды помещения, однако в настоящий момент она состоит из 15 отделений и секций, часть из которых находится вне Марокко. Главный центр АМРЕК размещен в столичном городе Рабат.

Свою первостепенную задачу члены АМРЕК усматривали в детальном изучении всего, что имело отношение к берберскому культурному наследию, прежде всего к устной традиции берберского народа. Позднее, в ходе развернутой дискуссии был окончательно сформулирован термин «берберизм», и за всеми организациями, занимающимися берберской проблематикой, закрепилось определение - *берберские*.

В ходе исторического развития деятельность АМРЕК становилась все более прагматичной и умеренной ввиду того, что некоторые радикально настроенные представители этой ассоциации вышли из ее состава, сформировав новые берберские объединения; постепенно была создана разветвленная сеть берберских ассоциаций, некоторые из которых выдвинули конкретные, узконаправленные задачи. В настоящий момент сфера деятельности АМРЕК ограничивается анализом исторических и культурных особенностей берберского наследия, фактически не затрагивая сложные социальные проблемы Марокко.

Берберское культурное движение прошло, согласно главе АМРЕК Ибрахиму Ахияту, следующие этапы развития, которые совпали с процессом выработки основных его концепций²⁰¹.

1967 г. - начало работы АМРЕК;

1978-1980 гг. - период выработки основных концепций литературы и искусства берберов;

1980-1990 гг. - образование многочисленных берберских обществ и организаций; в этот период формируются понятия национальной культуры, литературы и культурного взаимодействия;

1991-1994 гг. - появление концепции *берберизма*, распространяющейся на проблемы языка, культуры, цивилизации и индивидуальности берберской традиции (устное творчество и т.п.); начало общественных выступлений;

1994-1999 гг. – период координации усилий различных организаций и ассоциаций на национальном уровне; созыв в октябре 1995 г. во Франции первого Всемирного Конгресса амазигов (Congrès Mondial Amazigh); попытки использовать демократические принципы («нет демократии без берберизации») для актуализации «берберского вопроса»;

1999-2002 гг. – согласование совместных действий между берберскими организациями и ассоциациями в масштабах всей страны; выдвижение лозунга «полное развитие (этноса – М.В.) означает развитие языка и культуры берберов» (впервые он был поднят на 11-ом собрании АМРЕК); введение в обиход понятия «берберский народ» и «берберская родина» в 2002 году²⁰².

---

²⁰¹ Ахият Ибрахим. Даур аль-Хитаб аль-амазигийя фи тасхих аль-мафахим аль-фикрий ас-сеида. (Роль берберской словесности в разъяснении господствующих идейных концепций). Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). Рабат, 2004.с.30-34.

²⁰² Впрочем, в Алжире культурное самоопределение берберов началось раньше, чем в Марокко: была создана профильная кафедра во главе с Мулудом Маммери, вспыхнули волнения в Кабилии, была закрыта кафедра (по соображениям «политической целесообразности»), открылась (в основном усилиями алжирцев) Берберская академия во Франции. Наконец, само понятие «берберизм» в Алжире в ходу с 1949г., т.е. на 40 лет раньше, чем в Марокко.

В настоящее время благодаря усилиям участников Берберского культурного движения «берберская проблема» вышла на новый уровень: издаются учебники берберских языков, проводятся научно-практические семинары и другие мероприятия по актуализации данной проблемы.

В деятельности Берберского культурного движения просматривается несколько важных направлений. Одно из них нацелено на развитие интеллектуальной традиции и научных исследований. Предполагается перейти от устного языка к письменному; стандартизировать берберский язык; подготовить и опубликовать словари, учебники, книги на едином, унифицированном берберском языке и т.п.. В сфере литературы планируется сохранять и поддерживать литературное наследие берберской культуры. В сфере истории - заново «перечитать» историю Марокко; создать сбалансированную «панораму» марокканской истории, предполагающую объективное описание роли берберского этноса в становлении современного марокканского государства. Другой сферой деятельности Берберского культурного движения является активная работа берберских ассоциаций.

Берберское культурное движение как общественный проект, ставящий перед собой вполне конкретные цели, сыграло важную роль в борьбе за переориентацию государственной политики в сторону большего учета интересов берберского народа после обретения страной независимости в 1956 г.

Что же нового и ценного привнесло это движение в общественную жизнь Марокко? Каков его вклад в общее направление общественно-политической жизни страны?

Это общественное течение, по мнению представителя Берберского культурного движения Али Хаддауи, можно охарактеризовать как «массовое просветительство», изучающее языки и культуру берберов и несущее его в широкие слои берберского народа. Члены этого движения обмениваются мнениями и идеями и формулируют общую позицию в защиту интересов берберского населения в частности и марокканской культуры вообще²⁰³.

«Берберская культура – это наследие всего марокканского народа, и тем самым ее сохранение является проблемой общенационального значения»²⁰⁴. Развиваясь на основе заявленных принципов, движение сформулировало свои требования, которые можно суммировать следующим образом: широкое внедрение берберских языков в сферу образования, в средства массовой информации, в повседневную жизнь и в деятельность всех государственных учреждений.

Вместо того чтобы рассматривать культуру с идеологической точки зрения, Берберское движение приняло новое, «антропологическое» видение проблемы, согласно которому все культуры равны по значимости и ценности. Эти представления касаются и искусства, и символики, и нравственности. Тем самым снимается проблема превосходства одной культуры над другой; аналогичным образом у письменного наследия нет ценностного преимущества перед устной традицией, которая в равной мере находится под защитой ООН, оберегающей и сохраняющей это достояние²⁰⁵.

---

²⁰³ Хаддауи Али. Аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя ва хивар ас-сакафат филь Магриб. (Берберское культурное движение и диалог культур в Марокко.) Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). 2004, с55-56.

²⁰⁴ там же, с.55

²⁰⁵ Хаддауи Али. Аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя ва хивар ас-сакафат филь Магриб. (Берберское культурное движение и диалог культур в Марокко.) Кыраа фи масар аль-харака ас-

Как считает Али Хаддауи, подобный всеобъемлющий взгляд на культуру призван сбалансировать «главенство» в Марокко письменной культуры над идущим из глубины веков устным наследием, представленным на берберских языках²⁰⁶.

Основываясь на многочисленных исследованиях, участники Берберского культурного движения пришли к выводу о том, что исчезновение берберских языков чревато тяжелыми последствиями, особенно в аспекте сохранения мирового наследия, несущего сквозь тысячелетия коллективную память народов. Именно это наследие является самым ценным, чем обладает общество.

Признавая историческую роль арабского языка в развитии страны, лидеры движения не выступают за замещение одного языка другим; напротив, арабский язык рассматривается ими как достояние всех жителей Марокко и потому должен использоваться в культурной и религиозной жизни. Иными словами, речь идет о *паритетном двуязычии*, пусть пока и формальном, однако способном снять политическое напряжение среди отдельных групп берберов.

Берберское культурное движение сыграло первостепенную роль в политической борьбе, явившейся реакцией на вытеснение берберских языков из культурной, социальной и политической жизни страны. Можно упомянуть некоторые сферы общественной жизни, вклад в развитие которых внесло Берберское культурное движение:

- *воспитательная роль*: Берберское культурное движение на протяжении длительного исторического периода занималось исследованием марокканского историко-культурного наследия, боролось за его сохранение и др;

- *социальная*: путем просвещения, углубленного внимания как к национальным, так и к международным проблемам, благодаря научной и идейной работе были скорректированы общепринятые традиции (включение берберского компонента в историю Марокко, а также в социальную структуру марокканского общества);

- *политическая*: пользуясь поддержкой основных политических сил, Берберское культурное движение выступило в роли посредника между партиями и государством, с одной стороны, и обществом - с другой. Это движение не зависит ни от партий, ни от государства.

Берберское культурное движение внесло свой вклад в основание и развитие культуры диалога. Как полагает активист этого движения Али Хаддауи, «необходимо, чтобы культура диалога прививалась у детей с самого раннего возраста, когда школа и дом составляют их основную среду существования, где они приобщаются к культуре и постигают искусство общения. Так сохраняются основные права человека в приобретении знания и формировании личности, что должно стать стержнем обучения и воспитания наряду с общением с педагогами, для культурного и языкового многообразия в сфере образования, средствах массовой информации и управления»²⁰⁷.

Член Ассоциации АМРЕК аль-Хусейн Аяат Бахсин выделяет следующие основные задачи, которые ставит перед собой Берберское культурное движение:

сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). 2004, с.56

²⁰⁶ Там же, с.57.

²⁰⁷ Хаддауи Али. Аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя ва хивар ас-сакафат филь Магриб. (Берберское культурное движение и диалог культур в Марокко.) Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). 2004, с.60.

1. Возрождение национального самосознания берберского народа ввиду того, что древняя марокканская традиция - это наследие «берберской цивилизации».

2. Поддержание языкового и культурного многообразия наряду с противодействием «искажению» истории. Для этого необходимо восстановить изучение доисламской истории, которая была фактически исключена из сферы образования, чтобы молодое поколение в полном объеме узнало прошлое своей страны;

3. Активная борьба за признание прав каждого члена общества, а также соблюдение интересов народа, с учетом его языковых и культурных особенностей²⁰⁸.

Сформулировав данные цели, члены АМРЕК выдвинули три лозунга, которые тесно связаны друг с другом и четко определяют устремления представителей ассоциации:

~ *«Единство в многообразии»*. Этот девиз был сформулирован в 1980 году. Единство - это то, что сделает Марокко сильной, независимой и демократической страной, объединяя различные культурные и языковые традиции и реалии. Многообразие поддерживает и укрепляет единство и территориальную целостность марокканского государства.

~ *«Берберизация - патриотический долг»*. Все, что касается берберского наследия, затрагивает интересы всего марокканского народа, поскольку оно является общим историческим прошлым для каждого члена марокканского общества²⁰⁹.

~ *«Нет демократии без берберизации»*. Необходимо установить сотрудничество между демократическими партиями и Берберским культурным движением для того, чтобы преодолеть существующие разногласия при определении условий поступательного развития Марокко²¹⁰.

Эволюционную направленность работы берберских ассоциаций можно проследить, обозначив некоторые периоды поступательного развития «берберского вопроса» в стране.

---

²⁰⁸ Айт Аль-Хусейн. Ат-такдим ли надва: «Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя». (Вступительная речь к докладу: «Чтения, посвященные развитию берберского культурного движения»). Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (Чтения, посвященные развитию берберского культурного движения). Рабат, 2004, с.15-16.

²⁰⁹ В действительности берберское наследие не является «общим историческим прошлым» для многих арабов Марокко. Так, в XIII в. группа арабских племен Бану Хиляль была поселена на равнинах западного Марокко халифом Абд аль-Мумином при условии несения ими военной службы. И они долго не смешивались с враждебными им берберами (каковые тогда на западе страны почти исчезли, самоистребляясь в бесконечных межплеменных войнах). Хотя многие арабы Марокко не имеют берберских предков, по мнению лидеров Берберского культурного движения, всем марокканцам необходимо знать историю своей страны, и, в частности, берберскую ее составляющую, и познакомиться с берберским культурным наследием, поскольку это наследие Марокко.

²¹⁰ Айт Аль-Хусейн. Ат-такдим ли надва: «Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя». (Вступительная речь к докладу: «Чтения, посвященные развитию берберского культурного движения»). Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (Чтения, посвященные развитию берберского культурного движения). Рабат, 2004, с.14.

3.2. Становление Берберского культурного движения

В 1970-е годы сформировались различные локальные берберские ассоциации, представлявшие и защищавшие интересы берберов того или иного региона Марокко. В конце 70-х годов XX века в Сусе возникают объединения, организующим центром которых стала Ассоциация летнего университета в Агадире (Association de l'Université d'été d'Agadir). Более политизированными были ассоциации Рифа и Среднего Атласа.

В 1978 году в городе Надор была организована ассоциация «Интиляка», представители которой вплотную затронули политические вопросы. Эта ассоциация имела тесные контакты с ультралевыми организациями в Рифе и поэтому вскоре была распущена. Более радикальные и активные организации действовали в тех проблемных регионах Марокко, где наиболее болезненно ощущались экономические трудности, связанные с массовой миграцией в более развитые районы страны. В 1990 г. в Гульмиме, на юго-востоке страны, была создана организация Тиллели, принимающая непосредственное участие в деятельности Берберского культурного движения.

В Рабате в 1987 году была создана крупная ассоциация - Новая Ассоциация культуры и народного искусства (l'Association nouvelle pour la culture et les arts populaires – ANCAP), возглавляемая адвокатом Хасаном Ид Белькасемом²¹¹. (На одном из берберских языков название этой ассоциации - Тамайнут (Tamaɣnut), однако официально это название появилось лишь в 1995 году.) Примечательно, что многие представители Ассоциации вышли из радикально настроенных подразделений АМРЕК. Члены ассоциации Тамайнут придавали особое значение деятельности ее отделений на местах. Объединив более 4500 активистов, половина из которых была не моложе 40 лет, располагая 30 представительствами по всей стране, Тамайнут стала наглядным примером привлекательности идеи берберской идентичности среди молодежи, в особенности университетской ее части. Особой заслугой этой ассоциации явилась ее международная деятельность, направленная на «интернационализацию» «берберского вопроса». Лидеры Тамайнут были включены в работу сессий ООН, где проблема берберов Марокко была представлена в качестве примера защиты прав автохтонных жителей страны.

В середине 1970-х годов АМРЕК становится организационной платформой для формирования новых берберских ассоциаций: в 1975 году от АМРЕК отделился ее активист Али Сидки Азайко, возглавивший Марокканскую ассоциацию науки и культуры, а в 1980 году при его содействии возникла Культурная ассоциация берберов. Некоторые представители этой ассоциации имели непосредственное отношение к королевской администрации: Абдель Хамид Земмури, Мухаммед Шафик и Тами Аммар в свое время занимали важные министерские посты. Ввиду особого привилегированного положения и оказываемой ей поддержки властей Культурная ассоциация берберов явилась первой организацией, включившей в свое название термин «амазиг» – т.е. берберская. Однако в 1982 году Али Сидки Азайко опубликовал статью, вызвавшую резкую критику властей, в связи с чем он был приговорен к году тюремного заключения, а лидеры ассоциации, опасаясь дальнейших санкций со стороны дворца, приняли решение о самороспуске Культурной ассоциации берберов.

---

²¹¹ Feliu Laura. Le Mouvement culturelle amazigh (MCA) au Maroc. L'année du Maghreb, 2004, CNRS ÉDITIONS, Paris, 2006, с. 270.

В целом в течение длительного периода государство всячески пыталось нейтрализовать растущее внимание общества к «берберской проблеме», а потому многие инновационные проекты берберов остались нереализованными (например, выдвинутый в 1980г. проект по созданию Института берберских исследований).

Следует отметить, что многие события, происходившие в соседнем Алжире в 80-х годах прошлого века, названные «берберской весной», оказали серьезное влияние на деятельность берберских организаций и послужили моделью более политизированного и целенаправленного включения берберской тематики в социальную жизнь Марокко.

В конце 1979 - начале 1980 гг. в Алжире прошли многочисленные публичные манифестации берберов, как в столице, так и в университете Тизи-Узу (центре Кабилии), сопровождавшиеся вооруженными столкновениями. В декабре 1983 г. властями была официально признана роль берберов как предков современных алжирцев²¹².

В начале 90-х годов XX века наметились некоторые либеральные послабления со стороны властей Марокко, предвещавшие открытость и политику диалога с населением. Этими благоприятными условиями воспользовались лидеры Берберского культурного движения, поскольку из-за политики властей само движение долгое время оставалось разрозненным. Общий тон требований и скоординированность действий представителей берберских ассоциаций косвенно свидетельствовали о наметившемся процессе либерализации политического режима в стране.

В 1991 г. были предприняты первые шаги по объединению усилий между представителями Берберского культурного движения. Ряд берберских организаций совместными усилиями сформулировали требования к правительству в документе, получившем название «Хартия амазигов», или «Агадирская хартия» (поскольку этот документ был представлен и принят в ходе работы летнего университета в городе Агадир – центре ареала традиционного проживания берберов).

Как поясняют авторы Хартии, документ являлся плодом совместных трудов и размышлений, своеобразным проектом по утверждению принципов демократической культуры в Марокко²¹³.

Немалый интерес представляют требования, выдвинутые авторами «Агадирской хартии»:

~ единый берберский язык должен быть официально признан (наряду с арабским) государственным языком Марокко;

~ необходимо осуществить проект по организации Национального института берберских исследований, обещанный властями несколько лет назад;

~ берберский язык необходимо ввести во все сферы деятельности страны, в том числе в научно-исследовательскую деятельность, в систему средств массовой информации, в программы учебных заведений;

~ требуется масштабное изучение наследия берберской культуры и приобщение к ней широких слоев населения.

В 1990-е годы появляются зачатки организационных объединений, создается механизм, необходимый для координации совместных усилий многочисленных берберских ассоциаций. В апреле 1994 года был, наконец, создан Координационный совет ассоциаций марокканских амазигов.

1 мая 1994г. в Гульмиме по случаю Дня международной солидарности трудящихся представители берберских организаций вышли на демонстрацию,

²¹² Ланда Р.Г. История Алжира XX век. М.,1999, с. 196.

²¹³ www.mondeberbere.com/movement/charte.htm

держа в руках транспаранты на *тамазигте*²¹⁴ (берберском языке, распространенном в центральной части и на юго-востоке Марокко). В ходе этой манифестации были арестованы и приговорены к году тюремного заключения активисты берберской ассоциации Тиллели, обвиненные в связях в иностранными спецслужбами²¹⁵.

Опасаясь назревающего кризиса в марокканском обществе, Хасан II решил «закрыть глаза» на подобные выступления берберского населения, помиловав арестованных. Выступая 20 августа с речью по случаю национального праздника, монарх пообещал ввести преподавание трех берберских языков в школах, подчеркнув особую значимость данного нововведения для всей страны. Однако свое обещание он в те годы так и не выполнил.

Несмотря на известный скепсис многих представителей Берберского культурного движения в отношении этого выступления и обещаний, данных королем, большинство активистов отметили «историческую веху» этого события, поскольку впервые официально был признан факт *существования* «берберского вопроса».

Уникальной особенностью политического стиля короля Хасана II, а впоследствии и его сына Мухаммеда VI является их дальновидная, дипломатичная политика в отношении берберских ассоциаций. Идя на уступки и позволяя берберам активнее участвовать в политической и социальной жизни Марокко, монархи тем самым смогли удерживать эти организации «под свои крылом», сохраняя полный контроль над всеми сферами общественной жизни страны.

24 августа 1994 года на первом канале марокканского телевидения в эфир впервые вышли три выпуска новостей на берберских языках²¹⁶. А в конце 1994 года королевским указом была сформирована национальная комиссия по проведению реформы системы образования во главе с советником короля Мезианом Бельфкихом. Основной задачей этой комиссии стала разработка национальной Хартии образования и профессиональной подготовки преподавательских составов. После публикации проекта этого документа в рядах представителей Берберского культурного движения и входивших в него ассоциаций развернулась оживленная дискуссия. По их представлениям, это был первый официальный документ, в котором могла быть сформулирована возможность включения единого литературного берберского языка в общеобразовательную систему.

Несмотря на то, что члены Берберского культурного движения добились личной встречи с главой национальной комиссии, в тот период их надежды не увенчались успехом. Политика правительства в «берберском вопросе» в 90-е годы XX в. оставалась неизменной.

Знаменательным событием в истории берберского народа стало учреждение 4 сентября 1995 года Всемирного конгресса амазигов (ВКА). На заключительном заседании конференции, проходившей в Сан-Роме де Долане (Франция), было решено создать международную организацию, которая смогла бы представлять интересы берберского народа на мировом уровне.

---

²¹⁴ Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. Москва, 2003, с 34.

²¹⁵ Feliu Laura. Le Mouvement culturelle amazigh (MCA) au Maroc. L'année du Maghreb, 2004, CNRS ÉDITIONS, Paris, 2006, с. 278.

²¹⁶ В 80-х гг., т.е. в правление Хасана II, выходил журнал «Тамазигт», однако его распространение было не сопоставимо с аудиторией электронных СМИ и телевизионного вещания.

ВКА определяет себя как «негосударственную организацию, независимую ни от государства, ни от политических партий»²¹⁷.

Основными задачами Всемирного конгресса Амазигов являются:

- защита и возрождение культурной идентичности берберов;
- содействие социально-культурному развитию берберского населения во всех сферах жизнедеятельности общества, как на своей исторической родине, так и за ее пределами;
- мобилизация усилий для официального признания властями Марокко берберской этно-культурной идентичности.

Выражая интересы и устремления берберов, Конгресс считает необходимым регулярно предоставлять обществу информацию о правах берберского народа. Эта организация, в случае необходимости, может обращаться за помощью к ООН, Европейскому Союзу, Африканскому Союзу и др.

Историческая роль Конгресса заключается в том, что благодаря этой организации о «берберской проблеме» впервые услышали во всем мире, тогда как сам Конгресс стал своеобразным координационным центром деятельности всех берберских ассоциаций.

Первый Конгресс проходил 27-30 августа 1997 года в Тафире (Лас-Пальмас, Канарские острова). Впервые в истории здесь собрались берберские представители из различных стран: Канарских островов (Испания), Марокко (берберы Атласа), Алжира (кабилы), Мали (туареги), из Европы и Северной Америки. В общей сложности в этом заседании приняло участие более 350 делегатов.

На каждом заседании Конгресса выдвигаются новые предложения и идеи, некоторые из которых активно используются в берберских ассоциациях для реализации новых проектов по решению «берберского вопроса»²¹⁸.

Представители ВКА часто обращаются к европейским главам государств и политическим деятелям (например, к президенту Франции Николя Саркози и др.) с просьбой оказать воздействие на политический истеблишмент Марокко с целью прекращения «дискриминационной политики» в отношении берберов.

В 1999 году был впервые опубликован проект Национальной хартии по вопросам образования. Статьи 115 и 116 этого документа непосредственно затрагивали «берберскую проблему». В них, в частности, говорилось, что берберские языки могут использоваться в местных начальных классах, но *только для облегчения процесса изучения арабского языка*²¹⁹, что означало полностью зависимое и подчиненное положение берберских языков в системе образования в Марокко.

Лидеры Берберского культурного движения направили в марокканское правительство соответствующие письма протеста, в которых они обосновали свою негативную оценку данного документа. Однако эти предложения были в то время проигнорированы властями. Более того, в 1999 году, спустя год после формирования нового правительства, тогдашний премьер-министр Абд ар-Рахман Юсуфи предписал всем учреждениям использовать в делопроизводстве только арабский язык. Исключение составляли только те случаи, когда речь шла о переписке с зарубежной стороной.

²¹⁷ www.congres-mondial-amazigh.org

²¹⁸ www.congres-mondial-amazigh.org

²¹⁹ Feliu Laura. Le Mouvement culturelle amazigh (MCA) au Maroc. L'année du Maghreb, 2004, CNRS ÉDITIONS, Paris, 2006, с. 279.

Политика арабизации была естественной реакцией марокканского общества на деятельность протектората по внедрению французской культуры, бывшую, как считалось, частью колониальной стратегии «разделяй и властвуй». Однако уже в первые годы независимости выявилось критическое отношение к курсу на арабизацию, поскольку перед Марокко стояли неотложные задачи интеграции в мировое пространство, приобщения к достижениям научно-технического прогресса. Таким образом, развитие современной системы образования, сердцевинной которой было овладение французским языком, стало не менее важной задачей марокканского государства. Помимо этого, постепенно в обществе стала утверждаться идея сложного исторического опыта Марокко, в формировании которого немалую роль сыграли берберская культура и берберские языки. Уже к концу XX века власти Марокко, видимо, осознали необходимость более сбалансированной политики в сфере культуры и образования, которая бы укрепляла единство и территориальную целостность страны.

«Наиболее сложной для понимания, - писал в середине 1960-х гг. У.Зартман, - являлась традиционалистская тенденция, сторонники которой настаивали на максимальной арабизации [марокканской культуры]. ...Для традиционалистов арабизация стала выражением стремления к развитию специфической арабской культуры, основанной на аутентичной мусульманской традиции и восстановлении исламского предназначения/призвания Марокко». Таким образом, многие традиционалисты рассматривали арабизацию как своеобразное воссоздание цивилизационной идентичности, как стиль мышления и средство самовыражения марокканского общества²²⁰.

Политика арабизации в соседнем Алжире имела следствием укрепление позиций сил политического ислама в обществе, который заявил о себе в полный голос в начале 1990-х годов. В своем политическом курсе правящие круги Марокко не могли не учитывать печальный опыт Алжира, где укрепление сил политического ислама стало «предвестником ожесточенного социально-политического и вооруженного конфликта, разделившего алжирское общество в начале 1990-х гг.»²²¹. Поэтому в Марокко процесс арабизации был сбалансирован развитием образования на французском языке и начавшимся введением берберских языков и берберской культуры в практику учебных заведений.

Однако, как отмечали в середине 60-х годов XX века специалисты в области образования, главная проблема арабизации состояла в известной неподготовленности арабского языка к выражению понятий и категорий естествознания и техники, идей и концепций, создаваемых научно-технической революцией²²².

Всеобщее образование стало своеобразным общенациональным средством, объединяющим в борьбе против агрессивной французской культурной политики. Ассигнования на развитие образования в некоторые годы доходили до 17% всего марокканского бюджета. Тем самым фактически недофинансировалось развитие промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, сменявшие друг друга марокканские правительства фактически финансировали «образовательный взрыв» в условиях ухудшения уровня жизни массовых слоев населения. Спустя некоторое время «образовательный взрыв», породив массу недовольных своим положением

---

²²⁰ Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с.156-157.

²²¹ Мохов Н.В. Роль политической системы Алжира в формировании национальной идентичности. Автореферат диссертации канд.полит.наук. М., 2008, с.23.

²²² Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с.189.

молодых людей, резко увеличил нагрузку на политическую систему Марокко²²³. Однако «образовательный взрыв» мог быть парирован самими властями, которые не сопроводили его соответствующими преобразованиями в базисе и надстройке марокканского общества (прежде всего качественным расширением возможностей трудоустройства для молодых граждан страны).

Стремительный демографический рост нарушил равновесие на всех уровнях социальной структуры Марокко, включая элитарные слои общества. Активное стимулирование развития массового образования после 1956 г. в сочетании с быстрым ростом населения привлекло беспрецедентное число марокканцев в систему образования всех уровней. Образование, особенно в первые десятилетия суверенитета, рассматривалось как главное средство достижения нового, более высокого социального положения и укрепления своего экономического статуса в обществе²²⁴.

«Фермеры в сельской местности, - писал У.Зартман, - в повседневной жизни говорящие на берберском языке и плохо знающие арабский, желали, чтобы их дети обучались французскому языку. Молодые и современно мыслящие представители городского среднего класса, как правило, рассматривали арабский язык как средство межличностного общения, тогда как французский представлял в их сознании как язык деловой активности и общения с партнерами по бизнесу». Помимо этого, элита, включая улемов, предпочитала, чтобы ее дети получали французское, т.е. более качественное, образование²²⁵. Арабизация, таким образом, означала билингвизм в марокканском обществе.

Вскоре в марокканском обществе был достигнут консенсус относительно ведущей роли французского языка как средства приобщения Марокко к мировому научно-техническому прогрессу. Таким образом, «берберизация» современного образования может рассматриваться уже не как антитеза арабизации, но как существенное дополнение к восстановлению в полном объеме марокканской историко-культурной идентичности.

И тем не менее «берберская проблема» начинала всерьез беспокоить марокканские власти, понимавшие, что укрепление основ марокканского общества и государства требует специальной и конкретной политики в «берберском вопросе». К тому же 90-е годы XX века ознаменовали собой новый этап становления идентичности амазигов – была создана новая независимая организационная структура (Всемирный конгресс амазигов), представляющая интересы берберов по всему миру, объединяющая многочисленные ассоциации, культурные и исследовательские кружки и т.п. Таким образом, «берберская проблема» вышла на международный уровень, приобрела, так сказать, мировое звучание. Однако основные концептуальные притязания Берберского культурного движения в самом Марокко так и не были реализованы. Несмотря на это, некоторые авторы, в частности, французский журналист Жоэль Доннэ в статье «Берберское возрождение в Марокко» («Renaissance berbère au Maroc»), рассматривают события 1994 года как начальный этап включения берберского компонента в историю Северной Африки – этот процесс получил название «берберское возрождение»²²⁶.

---

²²³ Waterbury J. The Commander of the Faithful- the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с. 302.

²²⁴ Waterbury J. The Commander of the Faithful- the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970, с.164.

²²⁵ Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с.194.

²²⁶ www.monde-diplomatique.fr/1995/01/Donnet/1115.html

Восхождение нового монарха на престол всегда вселяет надежду на перемены и проведение необходимых реформ. В 1999 году после смерти Хасана II королем Марокко стал его сын Мухаммед VI. Многие лидеры амазигов с нетерпением ждали поворотного момента в отношении к «берберской проблеме».

Кардинальной вехой, ускорившей рост самосознания берберского народа, стал «Берберский манифест» 1 марта 2000 года. Марокканские власти всячески скрывали факт существования этого документа. Только спустя несколько месяцев СМИ Марокко предприняли попытку дать аналитическую оценку этому документу.

Автором «Манифеста за официальное признание берберского характера Марокко» (таково было полное название документа) считается профессор Мухаммед Шафик²²⁷. (Член марокканской Академии наук, Мухаммед Шафик регулярно представляет интересы своей страны на международных конференциях и симпозиумах²²⁸).

В целом в Манифесте можно выделить 9 основных требований марокканских берберов:

1. Вынести «берберский вопрос» на широкое общенациональное обсуждение.

2. Изменить Конституцию (Основной закон) путем включения в ее текст упоминания о том, что берберский язык является «национальным официальным» языком.

3. Действия в сфере экономики: разработать для наименее развитых в социально-экономическом отношении регионов (все они – бербероговорящие) конкретные программы «приоритетного экономического развития», направленные на создание инфраструктуры объектов базовых отраслей промышленности.

4. Реформа системы образования: сделать обязательным обучение берберским языкам в школах, колледжах, лицеях и университетах наравне с арабским, создать необходимые структуры для разработки единых норм стандартизированного берберского языка и соответствующих образовательных методик.

5. Подвергнуть необходимой ревизии школьные программы по истории с целью восстановления целостной картины истории Марокко и, в частности, ее берберской составляющей.

6. Создать радиовещательную компанию, транслирующую свои передачи исключительно на берберских языках. Разрешить бербероговорящим депутатам местных законодательных ассамблей выступать на их родном языке.

7. В сфере искусства: не препятствовать развитию берберского искусства, которое на данный момент имеет статус фольклора.

8. В отношении ассоциаций: признать общественную необходимость берберских культурных ассоциаций, что позволило бы им получать финансовую поддержку государства.

---

²²⁷ М.Шафик родился в 1926г. в предместье г. Фес. Накануне провозглашения независимости Марокко М.Шафик занимал пост инспектора начального образования, а в 1963 г. был назначен главным государственным инспектором по вопросам преподавания и изучения истории и географии. В 1970 г. он получил должность заместителя министра среднего образования и подготовки кадров. На протяжении всего 1972 г. М.Шафик был министром в ранге вице-премьера, позже он возглавил кабинет министров и стал директором королевского колледжа. В январе 2002 г. король Мухаммед VI назначил его ректором Королевского института берберской культуры. В конце 2002 г. наследный принц Нидерландов Вильгельм Александр вручил М.Шафику награду за его вклад в развитие языка и культуры берберов.

²²⁸ Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Semestriel, №1, Mai 2003, с.18-19.

9. Отказаться от практики переименования учреждений, географических названий согласно нормам арабского языка²²⁹.

Из-за излишне радикального характера этого манифеста в конкретных политических условиях Марокко ни одна берберская организация официально не решилась присоединиться к этому документу. Однако сам факт появления этого документа свидетельствовал о том, что некоторые представители берберских движений смогли-таки скоординировать свои действия и наметить совместные меры по решению «берберского вопроса».

Параллельно шел процесс политизации и радикализации Берберского культурного движения. Были выдвинуты предложения о создании независимой от власти берберской партии, идеологией которой стал бы *берберизм*. Генеральный секретарь АМРЕК Ахмед Ассид высказал свою точку зрения в отношении будущего Берберского культурного движения. По его мнению, возможны три сценария развития событий вокруг берберской проблематики: 1) Берберское культурное движение будет последовательно расширять организационную работу и систематически обсуждать в обществе проблемы своего дальнейшего развития; 2) будет сформирован своеобразный политический форум, целью которого станет разработка «нового проекта марокканского общества», предусматривающего выражение четкого отношения берберских кругов к положению монархии, роли ислама в политической системе страны; 3) будет создана политическая партия амазигов: «Эта партия будет опираться на политическую идеологию²³⁰ амазигов»²³¹.

В настоящее время Берберское культурное движение придерживается первого, лояльного по отношению к власти сценария. Как подчеркнул в одном из своих выступлений глава АМРЕК, Ибрахим Ахият, сейчас в Марокко не существует берберской партии, которая представляла бы интересы всего берберского народа на политической арене страны.

Таким образом, сами лидеры Берберского культурного движения подтверждают предположение о том, что в Марокко еще не сформировалась берберская партия, основанная на специфически «берберской» политической идеологии и отстаивающей интересы берберского народа в сфере политики.

3.3. Деятельность Королевского института берберской культуры

Учитывая стремление значительных слоев берберского населения к социально-культурному самовыражению, а также нараставшие радикальные настроения среди активистов Берберского культурного движения, *30 июля 2001г. король Мухаммед VI объявил об учреждении Королевского института берберской культуры.*

Академические и административные концепции деятельности и структура Института были одобрены и утверждены ответственными инстанциями королевства. Однако их составление прошло несколько этапов. Процесс разработки этих двух концепций непосредственно зависел от явно выраженного духа согласованности и позитивного взаимодействия между Мухаммедом Шафиком, назначенным ректором, и различными организациями, имеющими отношение к «берберской проблеме», среди которых заметное место занимает первая исследовательская

²²⁹ Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. Москва, 2003, с.41-42.

²³⁰ Политическая идеология амазигов - это своеобразная риторическая фигура, пока не насыщенная конкретным социально-культурным содержанием.

²³¹ La vie économique, Casablanca, 19.04.2002.

консультативная комиссия в составе пяти профессоров Института. В подобном духе согласия и взаимодействия был сформулирован план действий (сентябрь – декабрь 2002 года), в разработке которого принимали участие ректор, внутриинститутская научная комиссия, исследовательские центры и весь профессорский коллектив и административные службы (Главный секретариат, Департамент бюджета и др.).

Процесс разработки концепций, начатый после официального указа Короля Мухаммеда VI о создании Института (в его тронном выступлении 30 июня 2001 г.) и продолжающийся до 4 сессии Института (30 и 31 января 2003 г.), можно условно разделить на три периода : август-ноябрь 2001г.; ноябрь 2001- июль 2002г.; конец августа 2002- конец января 2003 г.

На первом этапе был подготовлен Указ о создании и организации Института, которую выполнила временная комиссия, назначенная монархом. Кроме ректора, в нее вошли четыре высоких должностных лица: Абд аль-Азиз Мазьян Балафких – Советник короля, Мухаммед Рушди Шраиб – глава Королевской канцелярии, Хассан Аурид – официальный представитель королевского дворца, Абд аль-Ваххаб Бенмансур - официальный историограф Марокко²³².

Этот период увенчался проведением торжественной церемонии, по мнению многих считающейся исторической, когда была приложена королевская печать на вышеупомянутый указ и зачитаны его положения после выступления монарха. Мероприятие происходило в присутствии советников короля Мухаммеда VI, членов правительства Марокко, глав политических партий и профсоюзов и других представителей политической элиты марокканского общества. В церемонии также приняли участие берберы из разных районов Марокко, входящие в ассоциации национального уровня.

Второй период (ноябрь 2001 – июль 2002г.) был посвящен разработке концепции и структуры Института (как академической, так и административной). С ноября 2001 по конец марта 2002г. разрабатывалась программа и структура Института, в которой участвовали ректор и исследовательская комиссия, состоящая из Фатимы Бухрис, Ахмеда Букуса, Аль-Хуссейна аль-Муджахида и Джилали Саиба.

На этапе углубления и детального совершенствования концепций Института (начало апреля - конец июля 2002г.) состав Королевского Института пополнился пятью будущими главами центров (Мухаммед Хаммам, Мухаммед Белаид, Аль-Хусейн Вааззи, Мухаммед Саллу и Ляхбиб Зенкуар) и двумя административными чиновниками, впоследствии главами департаментов Института²³³.

За два периода интенсивной работы ректор изучил и принял сформулированные предложения. Была также разработана концепция деятельности Института, детально изучены документы по управлению Институтом (Внутренний Устав и Основное положение для кадрового состава), учреждены исследовательские центры и осуществлена аренда временного помещения для Института.

Работая вместе с временной комиссией, ректор параллельно продолжал свои консультации с представителями ассоциативной группы и временной комиссией для определения окончательного списка членов Административного совета. Официально состав Института назначил король Мухаммед VI на приеме в королевском дворце в Рабате 27 июня 2002 г.

Административный совет принял тексты постановлений; была также создана комиссия, которой поручили детально изучить и внести поправки в проекты

²³² Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Semestriel, №1, Mai 2003, c. 5.

²³³ Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Semestriel, №1, Mai 2003, c.5.

постановлений. После этого Административный совет приступил к проверке планов работы, выработкой которых в течение двух лет занимались исследовательские центры.

На сессии, проходившей с 31 октября по 1 ноября 2002 г., эти проекты были единогласно одобрены, а окончательное их утверждение состоялось в ходе сессии 23 декабря 2002 г. Конференция 30-31 января 2003 г. в Рабате была посвящена изучению берберских языков в школах и институтах Марокко.

Параллельно с этой деятельностью, начиная с 17 сентября 2002 г., когда был подписан протокол инаугурации, в институтский коллектив влилась первая группа исследователей и администраторов. В целом с октября 2002 г. заметно пополнились административные кадры Института (секретари дирекции, помощники и др.). Одновременно готовились научные материалы для запланированных дискуссий.

В конце ноября был объявлен пофамильный список административного и исследовательского состава; эти сотрудники приступили к работе в январе 2003 года. Именно в это время исследовательские центры приступили к реализации первых проектов.

Структура Королевского института. В соответствии со статьями королевского Указа об основании Института берберской культуры, он является академическим учреждением, «наделенным всеми юридическими полномочиями, пользующийся полной финансовой автономией» (Статья 1).

Институт непосредственно подчиняется королю и находится под его опекой.

Члены Института могут давать советы монарху для «принятия необходимых мер, призванных поддерживать и развивать языки и культуру берберов» (Статья 2)²³⁴.

Это – научно-исследовательский институт, где осуществляется составление, перевод и выпуск работ, посвященных берберским языкам, культуре и берберскому наследию.

Во главе Королевского института берберской культуры стоит ректор, а его помощником на административном уровне является главный ученый секретарь. Кроме задач сохранения и развития берберского наследия, Институт стремится «содействовать интеграции берберских языков в сферу образования, их включению в социальное, культурное и информационное пространство на национальном, региональном и местном уровнях» (Статья 2). Для выполнения этих задач Институт тесно сотрудничает с правительственными органами и всеми заинтересованными организациями.

Цель Института состоит в «укреплении роли берберской культуры» на всех уровнях жизнедеятельности марокканского общества, включая «местную и региональную администрации» (Указ, Изложение целей и задач, пункт 8).

Для достижения поставленных целей в Королевском институте было учреждено 7 академических исследовательских центров и административных департаментов. Институт открылся в конце июля 2002 года. В это же время была проведена очередная сессия Административного совета (25-26 июля), в компетенцию которого входило формулирование общих направлений деятельности Института.

Учреждению Института предшествовала кропотливая работа (ноябрь 2001 – июнь 2002 г.) по разработке и формулированию идейных основ концепций Института, а также административной и академической структуры этого учреждения,

---

²³⁴ Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Semestriel, №1, Mai 2003, с. 9.

в частности, составления Внутреннего устава и Основного положения для кадрового состава.

Наряду с задачами, поставленными на национальном уровне, Институт призван развивать сотрудничество со своими коллегами из зарубежных институтов и международных организаций.

Королевский институт берберской культуры стремится стать авторитетным научным учреждением в сфере изучения и распространения культуры и языков берберов в региональном, североафриканском и международном масштабах²³⁵. И в этом своем качестве Институт получает поддержку марокканского королевского двора.

Для определения роли, которую играет Институт в осмыслении и решении «берберского вопроса», необходимо отметить некоторые действия, предпринятые Королевским институтом и лично ректором, для реализации намеченных целей.

31 марта 2003 г. ректор Королевского института берберской культуры и министр образования Марокко провели специальное совместное заседание в стенах Института. Целью встречи стало определение рамок сотрудничества между двумя ведомствами и утверждение основной платформы и условий интеграции берберских языков в систему народного образования Марокко. В настоящее время «экспериментальное образование» на берберских языках ведется в 930 школах страны²³⁶. В 2004 году Королевским институтом был выпущен первый учебник берберских языков, что стало знаменательным событием в осмыслении «берберской проблемы» в Марокко.

О возрастающей роли берберов в жизни марокканского общества и той остроте, какую на данном этапе приобретает «берберский фактор», говорит факт создания Королевского института, занимающего современное многокомплексное здание в одном из центральных районов Рабата.

Возникает естественный вопрос: зачем королевскому двору потребовалось учреждать подобный институт и всемерно его поддерживать? По всей видимости, королевская политика в отношении берберов приобретает все большую конкретность и в настоящее время направлена на то, чтобы эффективно сдерживать угрозу распространения мусульманского фундаментализма в Марокко. Нужно подчеркнуть, что король как политик избрал прагматичную, сложную и двойственную стратегию. С одной стороны, Мухаммед VI активно поддерживает инициативы представителей берберских организаций в их стремлении расширять свою деятельность; он выступает за реализацию новых инициатив и проектов по «берберскому вопросу». Но с другой стороны, марокканской монархией всячески пресекаются любые политизированные инициативы лидеров берберских движений.

Неожиданностью для многих стало коллективное увольнение в феврале 2005 года видных деятелей Королевского института берберской культуры. Семь членов Административного совета Института решили добровольно покинуть свои посты. Сложившаяся ситуация вызвала широкий общественный резонанс, и в прессе обсуждались возможные причины добровольной отставки активных участников создания этого института. Наиболее очевидными мотивами коллективного увольнения являлись следующие: деятельность Королевского института, как сообщалось в официальном заявлении, остается неэффективной, как и в момент своего возникновения. «Единый берберский язык не выходит за ограду

---

²³⁵ Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Semestriel, №1, Mai 2003, с. 9.

²³⁶ Feliu Laura. Le Mouvement culturelle amazigh (MCA) au Maroc. L'année du Maghreb, 2004, CNRS ÉDITIONS, Paris, 2006, с. 281.

института»²³⁷, - так образно и емко охарактеризовали положение в Королевском институте и вокруг него марокканские журналисты.

Иными словами, на практике берберские языки пока сохраняют свой маргинальный статус, изоляцию от социальной и политической сфер жизни страны. По мнению уволившихся в знак протеста членов Института, «берберский вопрос» очень сложный и чувствительный, он рискует стать в стране миной замедленного действия, если «сентиментальные настроения» не уступят место прагматичным, рациональным и смелым действиям, направленным на решение конкретных, насущных задач²³⁸. Первым шагом на этом пути могло бы стать реформирование структуры Института, дабы избежать постоянного контроля и зависимости от королевского двора. Некоторые обозреватели рассматривают подобный коллективный вызов как попытку обратить внимание общественности на то, что спустя несколько лет после своего основания Институт не реализовал ни одного крупного и важного проекта, направленного на решение «берберской проблемы». Однако, как отмечают журналисты, не следует покидать корабль посреди моря, только если недоволен методом управления кораблем; ведь работа подобного института рассчитана на длительное совместное и поступательное исследование «берберского фактора» в стране и последующее решение этого сложного вопроса.

Сами участники этого «политического скандала» довольно резко выступили в различных изданиях, рассказав о целях и мотивах, побудивших их уволиться из Королевского института. Среди них один из идеологов создания института, Али Хаддауи. Отвечая на вопросы журналистов, он дал объяснения по интересующим многих вопросам. По мнению Хаддауи, введение берберских языков в сферу образования – это «маскарад», поскольку существуют объективные причины, препятствующие реальному реформированию данной системы: отсутствие официального статуса государственного языка делает обучение берберским языкам факультативным и неэффективным; многие преподаватели не знают эти языки, поэтому и не могут донести соответствующие лингвистические знания до учащихся. Что касается деятельности Королевского института, то Хаддауи считает, что это учреждение создано властями для своих «корыстных» целей - дробления активной части Берберского культурного движения, «разжигания» противоречий между различными организациями. Несмотря на видимый прогресс в решении «берберского вопроса», Институт на самом деле не выполнил основные задачи, поставленные перед ним в момент создания. «Королевский институт – это музей, который хранит наследие прежних культур, но никак не является «живым» организмом. Каждый год поступающие в Институт миллиарды дирхамов, используются не по назначению»²³⁹. В настоящий момент, подчеркивает Хаддауи, в Марокко проводится политика «апартеида и арабизационного цунами»²⁴⁰. Берберы фактически лишены права давать своим детям берберские имена, в местных судах отсутствует перевод судебных заседаний на берберские языки. Единственный выход для всего берберского населения Хаддауи видит в полной политической независимости берберских территорий. У этой радикальной точки зрения есть много сторонников.

Подобные высказывания, кроме того, косвенно объясняют некоторые назревающие внутривнутриполитические конфликты в рядах Берберского культурного

²³⁷ Aujourd'hui Le Maroc, 24.02.2005.

²³⁸ Aujourd'hui Le Maroc, 24.02.2005.

²³⁹ tamazgha.fr/Amazighite-la-question-de-la-souverainete-doit-etre-posee,1963.html

²⁴⁰ там же.

движения, однако соискатель склонен к более взвешенным оценкам данной ситуации.

Как видно из сообщений прессы и исследований, Королевский институт проводит многочисленные мероприятия для решения «берберской проблемы» в Марокко. В 2004 г. появился учебник берберских языков, проводится работа по стандартизации берберского языка; при поддержке Института с недавнего времени в стране появился первый берберский телевизионный канал.

В то же время многие аналитики отмечают, что с 2003 г. множатся случаи «репрессий и атак» на студентов-берберов, выступающих за скорейшее решение «берберского вопроса» в Марокко, тогда как государство фактически игнорирует эту сложную и довольно острую проблему. В то же время деятели Института остаются невосприимчивыми к живой берберской проблематике.

В связи с этим можно предположить, что наиболее адекватную и здравую оценку существующего в Марокко «берберского фактора» может дать Берберское гражданское движение, созданное в 2002 году в ходе раскола ассоциации Тамайнут. (В ряды этой организации вступил бывший вице-президент Тамайнут, Ахмед Арремуч.) Эта организация не имеет легального статуса, и ее представители выступают против изучения нескольких берберских языков; по их представлениям, в стране должен быть введен единый берберский язык; члены движения критикуют деятельность Королевского института берберской культуры, говоря о целесообразности бойкота парламентских выборов в стране. В целом активисты движения наиболее слаженно сотрудничают с Всемирным конгрессом амазигов, защищая интересы берберского населения по всему миру.

После парламентских выборов в сентябре 2007 года было сформировано правительство во главе с Аббасом аль-Фаси, лидером партии Истикляль - историческим противником Народного движения. Поэтому берберские организации и ассоциации встретили политические перемены в стране с определенной настороженностью. В неофициальной марокканской печати появились публикации о «давлении» властей на наиболее активных представителей Берберского культурного движения.

Особую роль в интернационализации и продвижении берберских исследований по всему миру играют различные берберские ассоциации, расположенные в различных уголках земного шара (во Франции, Германии, Голландии, США и др). Во Франции созданы специальные центры по исследованию берберской культуры и истории, в университетах стали появляться отделения по изучению «берберской цивилизации». В Голландии, где 90% марокканских эмигрантов составляют берберы, был создан берберский театр и периодически издаются художественные произведения на берберских языках. Заслуга данных организаций состоит в том, что благодаря их деятельности «берберский вопрос» широко обсуждается в мировом сообществе, его поддерживают видные общественные деятели, что вселяет надежду на скорейшее решение проблемы амазигов на основе единства и целостности марокканского общества. Важно, однако, чтобы «берберская проблема» сознательно не политизировалась, а суверенитет и территориальная целостность Марокко уважались. Приходится признать, что попытки вмешательства извне в деликатную область межэтнических отношений не прекратились до сих пор. Естественно, что желание «дистанционно управлять» арабо – берберскими отношениями будет неизменно получать отпор марокканских властей.

С момента обретения независимости представители берберского населения Марокко настойчиво добивались признания своей роли в политической жизни

страны. Благодаря своей активной деятельности, содействию короля, в истории независимого Марокко наблюдается поступательное развитие и реализация идей представителей берберского населения. Начав с малочисленной группы берберов, создавших небольшие ассоциации, Берберское культурное движение уже добилось того, что «берберский вопрос» широко обсуждается не только в Марокко, но и за его пределами. Если Народное движение провозглашало себя защитником интересов берберов на политической арене, то ассоциации стремились стать выразителями идей берберского народа на «культурном уровне».

Несмотря на отдельные недостатки в деятельности Королевского института, отчасти незавершенность поставленных перед институтом задач, сам факт создания первого в истории страны Королевского института культуры берберов может рассматриваться как один из безусловных успехов деятельности берберских ассоциаций. На данный момент профессорами Института ведется активная работа по стандартизации лексики и грамматики берберского языка, который впоследствии мог бы стать государственным языком наравне с арабским. Работа эта нелегкая, и она потребует значительного времени.

Оценивая возможности решения «берберского вопроса», автор хотел бы отметить, что Берберское культурное движение стало своего рода посредником между представителями интеллектуальной элиты и народом. Благодаря Берберскому культурному движению и работе ассоциаций «берберский вопрос» стал активно обсуждаться в обществе, был дан старт содержательным дискуссиям о берберской идентичности. Ассоциации смогли объединить значительное число культурно ориентированных берберов. Теперь уже на новом социально-культурном уровне начался процесс возрождения берберского наследия и идентичности берберов в независимом Марокко.

По мнению немецкой исследовательницы Габи Кратохвил, «берберский вопрос» является одновременно символом и синонимом процесса демократизации и развития плюрализма в Марокко. Берберские ассоциации, по ее словам, являются «свежим катализатором» идей для всех берберов²⁴¹. Подобная точка зрения достаточно четко характеризует современную внутривнутриполитическую ситуацию в стране: культурная деятельность ассоциаций действительно способствует внедрению берберских языков в повседневную жизнь страны, знакомит марокканский народ с культурой и традицией их предков. Однако процессы демократизации на этом направлении развития пока еще носят управляемый королевским дворцом характер.

Сама логика современного развития, писал У.Зартман в середине 60-х годов XX века, начинает нарушать вековую инерцию марокканской жизни. Помимо этого, «принятие обществом демократических форм организации, в особенности всеобщего избирательного права, увеличивает давление в направлении политической интеграции населения... Наконец, развитие средств массовой коммуникации и распространение образования усиливают тенденции к интеграции общества»²⁴². Речь идет о постепенном превращении развития (т.е. экономического роста в условиях максимально возможной занятости и поступательного снижения социально-имущественных диспаритетов в обществе) в руководящую политическую идею для массовых слоев населения Марокко.

---

²⁴¹ Kratochwil Gabi. Quelques réflexions sur le rôle des Associations Culturelles Amazighes au sein du Mouvement Culturel Amazigh au Maroc // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000. с. 228.

²⁴² Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964, с. 248.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов, имеющих значение не только для понимания роли «берберского фактора» в социально-политической жизни Марокко, но и для обобщений, относящихся к закономерностям становления современного марокканского государства.

Марокко представляет собой методологически значимый случай формирования *государства-нации* на основе сложного взаимодействия двух основных культурно-цивилизационных субстратов – арабского и берберского. По представлению автора, длительный исторический компромисс между элитами автохтонных берберов и пришедших в Марокко арабов заложил основы постепенного складывания марокканской нации. Сама историческая продолжительность данного процесса, межэтнические браки в среде элитных слоев населения, совместная борьба за независимость и современная политика в период суверенитета заложили основы для далеко не бесконфликтного становления и марокканской государственности, и марокканской нации.

Важно, однако, что несмотря на конфликтность экономических и политических процессов, противоречия внутри марокканского общества не подавляются, как это имеет место в других переходных обществах. Они открыто проявляются и через парламентские выборы выносятся на «суд» народа, что пока дает возможность и монархии, и основным социально-политическим силам Марокко довольно эффективно избегать конфликтных ситуаций, несущих угрозу общественному строю страны.

Парламентские выборы 2007г., в которых приняли участие лишь 37% от *списочного состава* избирателей, продемонстрировали правящей элите, включая королевский двор, глубокую неудовлетворенность народа социально-экономической политикой и действиями самих правящих групп по управлению страной. Снижение избирательной активности, особенно заметное по сравнению с 1960-1970-ми годами, ясно указывает правящему классу на необходимость внесения существенных коррективов в управление политической системой Марокко. Упреждающие действия властей, как показывает марокканский опыт, для основных социально-политических сил страны предпочтительнее, чем революционное брожение в обществе с труднопрогнозируемым исходом. В этом смысле недавний опыт революционного Туниса, Египта и других арабских стран, несомненно, поможет марокканской элите задействовать все механизмы социального компромисса, необходимые для предотвращения политического катаклизма в Марокко.

Многочисленные перегруппировки социально-политических сил, значительная непредсказуемость и неопределенность результатов парламентских выборов, неоднократные «интервенции» монархической власти в политический процесс и нередкие «отступления» от бескомпромиссно заявленных позиций (новые конституции и новые выборы, уступки народу и оппозиции) – эти и многие другие обстоятельства свидетельствуют о постепенном становлении марокканского гражданского общества, пусть его характеристики по многим показателям и отличаются от западного, индивидуалистического «эталона». Как заметил Ю.А.Красин, решающим критерием гражданского общества и демократии «является не устройство политических институтов, а то, в состоянии ли они найти и применить

адекватные национальным традициям и культуре способы аккумуляции и выражения многообразия интересов и устремлений общества»²⁴³.

Значительное место в формировании марокканского гражданского общества принадлежит «берберскому фактору», являющемуся предметом постоянного внимания и озабоченности марокканской власти. Сознвая важнейшую государствообразующую роль берберского этноса в жизни современного Марокко, власть стремится осуществлять стратегию политической адаптации и интеграции берберов в структуру общества и не допускать их дискриминации по этническому и историко-культурному принципу.

Косвенным свидетельством сбалансированности данного стратегического государственного курса может служить фактическое отсутствие политических конфликтов на национально-этнической почве в Марокко. Монархическая власть и ассоциированные с ней силы, особенно в начале третьего тысячелетия, все большее внимание обращают на *культурные* аспекты «берберского вопроса», включая сюда повышенное внимание к берберским языкам и истории, обычаям и традициям автохтонных жителей Марокко. Деятельность короля Мухаммеда VI в этой весьма чувствительной для берберов сфере общественной жизни позволяет говорить о формировании предпосылок для выхода марокканского общества на новый, более высокий уровень социально-политического равновесия. Его смысловым содержанием и «пунктом назначения» может стать равноправный статус (во всех аспектах его социо-культурного и политического бытия) арабов и берберов.

Говоря об активности Мухаммеда VI в «берберском вопросе», стоит вспомнить, что его мать – дочь вождя одного из наиболее влиятельных берберских племен – Заййян. Его отец, король Хасан II, сознательно женился на ней с целью подчеркнуть единство всех марокканцев и свою заботу о берберах.

Рассматривая интегрирующую роль берберов в историческом развитии Марокко, автор имел в виду существование иных моделей государственной организации сложносоставных переходных обществ, в частности современной Турции. В самом деле, между берберами и курдами существует принципиальное сходство: оба эти этноса проживают дисперсно, на территории нескольких стран. Однако стремление объединиться в национальное государство у берберов, как показывает опыт их исторического развития, практически отсутствует. В то же время социально-исторический контекст развития турецких курдов принципиально отличался (и отличается) от формы существования марокканских берберов.

Стремление турецких курдов к формированию собственной идентичности имеет следствием желание их этнического самоутверждения в форме политического суверенитета и «собственного» государства²⁴⁴ по нескольким причинам. Первая – воинственный характер турецкого национализма по отношению к другим этносам, проживающим на территории этой страны (традиция, фактически идущая от К. Ататюрка). Ущемление национальной и культурной идентичности курдов подталкивает наиболее «пассионарную» часть этой этнической общности к вооруженному сопротивлению центральной власти. Второе, фактическая неразработанность/ отсутствие государственной политики в отношении интеграции курдов в институты и структуры общества современной Турции. По существу, курдская элита не представлена в элите (политической, интеллектуальной,

²⁴³ Красин Ю.А., указ. соч., Полития, №2 (57), 2010, с. 193.

²⁴⁴ В настоящее время, ввиду совокупности внутренних и внешних факторов, к суверенитету гораздо ближе курды Ирака, чем Турции.

экономической и военной) современной Турции. Отсюда вытекает отсутствие заинтересованности «верхов» курдского этноса в существовании единого и неделимого турецкого государства. Третья причина - очевидная несформированность курдского среднего класса²⁴⁵ и, как следствие, отсутствие ориентации курдов в целом на сохранение единого экономического и политического пространства Турции²⁴⁶. Напротив, среди берберов процесс формирования среднего класса уже наметился как тенденция²⁴⁷. Поэтому они стремятся решать свои проблемы и противоречия и с арабами, и с властью в рамках сложившейся политической системы, добиваясь углубления ее представительного характера.

С момента обретения независимости представители берберского населения Марокко настойчиво стремились к признанию своей значительной роли в культурной жизни страны. Благодаря своей активной деятельности, содействию короля, в истории независимого Марокко наблюдается поступательное развитие и реализация идей представительства берберского населения. Начав с малочисленной группы берберов, создавших небольшие ассоциации и впоследствии сформировавших свою партию, на данный момент политически активные слои этноса добились того, что «берберский вопрос» широко обсуждается не только в Марокко, но и за его пределами. Если Народное движение являлось защитником интересов берберов на политической арене, то Берберское культурное движение стремилось стать выразителем идей берберского народа в культурном пространстве.

Одной из важных вех деятельности ассоциаций явилось создание первого в истории страны Королевского института культуры берберов. В настоящее время профессорами института ведется активная работа по стандартизации лексики и грамматики берберского языка, который впоследствии мог бы стать государственным, наравне с арабским. Выше говорилось о неэффективности данного Института; однако сам факт создания подобного академического учреждения свидетельствует о положительной динамике процесса признания властями проблемы берберской идентичности. Об осязаемых политических и культурных результатах деятельности Королевского института можно будет говорить в обозримом будущем.

Оценивая возможности решения «берберского вопроса», автор пришел к заключению, что Берберское культурное движение стало своеобразным связующим «мостом» между представителями интеллектуальной элиты и народом. Благодаря Берберскому культурному движению и работе ассоциаций «берберский вопрос» стал активно обсуждаться в обществе, начались содержательные дискуссии о берберской идентичности. Ассоциации смогли объединить значительное число культурно ориентированных берберов. Теперь уже на новом социально-культурном уровне начался процесс возрождения берберского наследия и идентичности берберов в независимом Марокко. В стране продолжают объективные процессы роста этнокультурного самосознания берберов, одной из характерных черт которого стала

---

²⁴⁵ Существует и иная точка зрения: средний класс у курдов начал формироваться еще в 50-е годы, преимущественно в Европе, но также и в Ираке, Сирии, меньше – в Турции и Иране. Именно на курдских рабочих, инженеров, техников, вообще интеллигенцию и молодежь опираются прежде всего Курдская рабочая партия и освободительная армия курдов («пешмерга»). Да и курдские предприниматели их финансируют.

²⁴⁶ См.: Rethinking Modernity and National Identity in Turkey. Seattle-L., 2003. с. 16-18.

²⁴⁷ В это образование входят мелкие и средние предприниматели, интеллигенция, служащие, т.е. группы населения, в наибольшей степени затронутые процессами модернизации. Уже в 60-70-е гг. процесс развития среднего класса у берберов был ускорен становлением суси как общности мелких и средних предпринимателей.

разработка нового усовершенствованного учебного пособия по изучению языка амазигов для средних учебных заведений. В стране высказываются предположения о возможном влиянии данных мер на введение берберского языка в качестве второго государственного языка Марокко.

На наш взгляд, официальное двуязычие будет способствовать укреплению фундаментальных основ марокканской государственности по следующим причинам. Во-первых, окажутся подорванными политические позиции берберских партикуляристов, что, как представляется, важно и в аспекте положения Марокко в мире, где, как известно, набирает силу новая «волна самоопределений» (Косово и т.д.). Во-вторых, такой акт будет иметь все же формальный характер, поскольку он, несомненно, будет знаком внимания власти к национальной идентичности берберов.

Марокко принадлежит к тем сложносоставным переходным обществам, политические элиты которых своевременно осознали опасность неконтролируемого роста национально-этнических противоречий для государства как такового. И хотя понимание опасности пришло с некоторым опозданием, все же власть задействовала немалые экономические, политические, идейно-культурные и информационные ресурсы с целью интеграции берберов в структуру марокканского общества на полноправной основе. Интеграционные действия включают в себя два принципиальных направления: 1) распространение политики развития (т.е. экономического роста, снижения социально-имущественных диспаритетов, увеличения занятости, особенно в «отсталых» районах) на берберское население в целом; 2) повышение внимания государства к особо чувствительной для многих берберов этнокультурной проблематике как к средству их окончательной интеграции в общемарокканское социо-культурное пространство.

Подобный образ действий есть довольно эффективное средство сохранения единства и территориальной целостности государства, поэтому подход к «берберской проблеме» мог бы стать положительным примером согласования несхожих интересов во многих переходных обществах. Разумеется, предрекать «берберской политике» властей Марокко конечный успех – дело рискованное. Многое будет зависеть от ее последовательности, а также от умения правящих сил мыслить и действовать перспективно, в том числе в сфере социально-экономической политики. Важно помнить и о стратегически важном положении Марокко, а также о времени от времени возникающем желании внешних сил использовать фактор арабо-берберских отношений для укрепления своих позиций в Марокко.

Важно и то, что король Мухаммед VI недавно предложил марокканскому обществу основательную программу реформ, включая подотчетность правительства парламенту, зависимость его деятельности от расстановки социально-политических сил в стране. Время покажет, насколько эффективной будет политическая реформа. Однако ее последовательное осуществление укрепит основы марокканской нации, общность исторических судеб арабов и берберов в этой стране.

Приложение

Список основных политических партий Марокко

Партия Истикляль (l'Istiqlal) создана в 1943г. Придерживается идеологии популизма развития (экономический и социальный эгалитаризм, равномерное распределение национального дохода, аграрная реформа с ориентацией на интересы массовых слоев населения, государственный интервенционизм и «марокканизация» экономики).

Национальный союз народных сил (НСНС) (Union nationale des forces populaires – UNFP) создан в 1959г. после раскола в партии Истикляль, когда представители левого крыла Истикляль вышли из партии и создали НСНС. В период создания данной партии ее члены выступали за защиту независимости страны, против нахождения иностранных военных контингентов на территории Марокко, за индустриализацию и проведение аграрных реформ в стране.

Социалистический союз народных сил (ССНС) (USFP - Union socialiste des forces populaires). Создан в 1975г. после раскола в партии НСНС. В настоящее время ориентируется на интеллигенцию как на «движущую силу» марокканского общества. ССНС трансформировался от левого радикализма к более умеренным позициям. В партийных документах сохранено положение о сильной роли государства в экономике. ССНС рассматривается в качестве лидера блока социал-демократических и модернистских партий.

Народное движение (НД) - Mouvement populaire - MP), созданное в 1957г., ставит своей целью защиту культуры и марокканской идентичности, в том числе культуры и языков берберов, выступает в поддержку общенациональных идей Марокко.

Национальное народное движение (ННД) (MNP - Mouvement national populaire) было сформировано в 1991г. Члены данной партии выступают за «марокканскую демократию», считают необходимым возвратиться к традиционной системе управления, основанной на отношениях между союзами племен. Партия выражает интересы берберов. В 2006г., объединившись с Народным движением и Демократическим блоком, «берберские» партии вошли в обновленную партию Народное движение.

Партия прогресса и социализма (ППС) (PPS - Parti du progrès et du socialisme) была создана и легализована в 1974г. Является преемницей марокканской компартии; выступает за национализацию ключевых отраслей промышленности, радикальную аграрную реформу, государственную помощь традиционным отраслям хозяйства, планирование социально-экономического развития.

Национальное объединение независимых (НОН) (RNI - Rassemblement national des indépendents) создано в 1978г.; выражает интересы марокканского крестьянства, выступает за реформы в сфере инфраструктуры (строительство дорог, электрификация, медицинское обслуживание, образование и т.п.).

Фронт демократических сил (Front des forces démocratiques – FFD) создан в 1997г. в результате раскола в Партии прогресса и социализма.

Партия справедливости и развития (ПСР) - Parti de la justice et du développement (PJD) ориентируется на ценности ислама и одновременно привержена принципам «свободы, демократии, прав человека и верховенства закона», выступает за проведение конституционной реформы.

Социал-демократическая партия (СДП) (PSD - Parti socialiste démocratique) выступает за демократизацию государства и общества, социальную справедливость, эффективную рыночную экономику при действенном контроле государства.

Конституционный союз (КС) - Union constitutionnelle (UC) создан в 1983г. Эта партия постоянно поддерживает монархию.

Демократическое и социальное движение (Mouvement démocratique et social – MDS) было создано в 1996г. в результате раскола в Национальном народном движении.

Источники и литература

Источники

I. Официальные документы. Конституции и Законодательные акты Королевства Марокко.

- Конституция 1992г. - <http://www.al-bab.com/maroc/gov/con92.htm>
- Конституция 1996г. - <http://www.al-bab.com/maroc/gov/con96fr.htm>
- Закон № 1-03-83 от 23 марта 2003г., дополняющий закон № 9-97 об избирательной системе Королевства Марокко
http://www.parlement.ma/fe/_textesdebase3.php?filename=200805121504270
- Закон № 1-97-185 от 4 сентября 1997г., регулирующий деятельность платы представителей
http://www.parlement.ma/fe/_textesdebase4.php?filename=200805121550340

II. Документы государственных органов власти, министерств и ведомств.

Официальные сайты правительства Марокко:

Сайт правительства Марокко	http://www.maroc.ma
Сайт палаты представителей	http://www.parlement.ma
Сайт палаты советников	http://www.chambredesconseillers.org/
Сайт премьер-министра Марокко	http://www.pm.gov.ma
Сайт проходящих в стране выборов	http://www.elections.gov.ma
Сайт министерства культуры Марокко	http://www.minculture.gov.ma/

III. Программные документы политических партий и общественно-политических организаций Королевства Марокко. Выступления политических лидеров основных политических партий Марокко.

- Агадирская Хартия 1991 г. http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/afrique/charte_berbere.htm
- Королевский Указ об учреждении Королевского института берберской культуры
<http://www.ircam.ma/fr/index.php?soc=textes>
- Выступление короля Мухаммеда VI по случаю учреждения Королевского института берберской культуры <http://www.ircam.ma/fr/index.php?soc=textes&rd=21>
- Программа партии Народное движение <http://www.harakamp.org/docs/Alhizbe.pdf>

Официальные сайты основных политических партий Марокко.

Партия Народное движение	http://www.harakamp.ma
Партия Истикляль	http://www.istiqlal.ma
Партия справедливости и развития	http://www.pjd.ma

IV. Материалы и документы общественных и культурных организаций и ассоциаций берберов.

1. Аяят Бахсин Аль-Хусейн. Ат-такдим ли надва: «Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя». (Вступительная речь к докладу: Чтения, посвященные развитию берберского культурного движения). Рабат, 2004.
2. Ахият Ибрахим. Даур аль-Хитаб аль-амазигийя фи тасхих аль-мафахим аль-фикрий ас-сеида. (Роль берберского выступления в разъяснении господствующих идейных концепций). Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). Рабат, 2004.
3. Хаддауи Али. Аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя ва хивар ас-сакафат филь Магриб. (Берберское культурное движение и диалог культур в Марокко.) Кыраа фи масар аль-харака ас-сакафийя аль-амазигийя. (В кн. Чтения, посвященные развитию Берберского культурного движения). 2004.

Сайты берберских организаций и ассоциаций:

Сайт Всемирного конгресса амазигов <http://www.congres-mondial-amazigh.org>.

Сайт кабиллов Алжира <http://www.kabyle.com>

Сайты берберских ассоциаций:

<http://www.mondeberbere.com>

<http://www.tamazgha.fr>

<http://www.amazighworld.org>

<http://www.afrique-du-nord.com>

<http://www.tanmia.ma>

-Сайт актуальных проблем и новостной информации берберов

<http://www.amazighnews.net>

<http://www.souss.com>

-Сайт Королевского института берберской культуры

<http://www.ircam.ma>

- Сайт международных берберских организаций

<http://www.berbere.com>

<http://www.amazigh-voice.com>

V. Личные беседы и интервью диссертанта с лидерами берберских организаций и ассоциаций.

Материалы беседы автора с Ибрахимом Ахьятом. Рабат, 24.02.2005г.

VI. Воспоминания и мемуары

1. Basri D., Belhaj A. etc. Edification d'un état moderne. Le Maroc de Hassan II. Paris, 1986.
2. Comte Saint-Aulaire. Au Maroc avant et avec Lyautey. Extraits des Mémoires de l'Ambassadeur publiés sous le titre : Confession d'un vieux diplomate. Paris, 1954.
3. ад-Дуктур Абд аль-Карим аль-Хатыб. Масар хайя [Доктор Абд аль-Крим аль-Хатыб. Жизнеописание]. Публ. Х. Хабаша, Н. Камали. Изд. 3-е, доп. и исправленное, (б. м.): Маншурат Ифрийкия аль-хурра, 2003.
4. Hassan II. Le Défi. Paris, 1976.
5. Lyautey Louis Hubert Gonzalve. Lyautey l'Africain. Textes et lettres du marechal Lyautey. Présentés par Pierre Lyautey. 1915-1918. Paris, 1956.
6. Rami, Ahmed . <http://www.rami.tv>

VII. Периодическая печать

Россия

1. Азия и Африка сегодня. – М.
2. Вопросы истории. - М.
3. Народы Азии и Африки. – М.

Франция

4. Annales de l'Afrique du Nord. – P.
5. Annuaire de l'Afrique du Nord. Algérie – Maroc – Tunisie – Libye. Aix-en-Provence.
6. Monde diplomatique. – P.
7. Politique international. – P.
8. Le Figaro. – P.
9. Liberation. – P.
10. Le Monde. – P.
11. Jeune Afrique. – P.

Марокко

12. Aujourd'hui le Maroc – Casablanca.
13. La nouvelle tribune – Rabat.
14. L'Opinion – Rabat.
15. La liberation – Casablanca.
16. La Gazette du Maroc – Casablanca.
17. L'Economiste – Casablanca.
18. Le Matin du Sahara et du Maghreb – Casablanca.
19. Maroc Hebdo International – Casablanca.
20. Le Reporter – Casablanca.
21. Ach-chark al-Awsat – Casablanca.
22. al Bayane – Casablanca.

23. al Alam – Rabat.
24. al-Ittihad al-Ichdiraki – Casablanca.
25. Bayane al-Youm – Casablanca.
26. Assabah – Casablanca.
27. Attajdid – Rabat.

Литература

Литература на русском языке

28. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
29. Антология берберской литературы (Марокко). М., 2005.
30. Аяш А. Итог одной колонизации. М., 1958.
31. Бернар О. Северная и Западная Африка. М., 1949.
32. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
33. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
34. Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987.
35. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Т. 1-2. М., 2005-2007.
36. Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008.
37. Геллнер Э. Разум и культура: историческая роль рациональности и рационализма. М., 2002.
38. Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
39. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
40. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998.
41. Завадовский Ю.Н. Берберский язык. М., 1967.
42. Жоли Ф., А.Аяш, Ж.Фардель, Л.Сюзш. География Марокко. М., 1951.
43. Каминский С.А. Институт монархии в странах арабского Востока. М., 1981.
44. Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII-первой половины XIX века. М., 2005.
45. Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985.
46. Ланда Р.Г. История Алжира XX век. М., 1999.
47. Ланда Р.Г. Парадоксы цивилизационных мутаций: алжирское общество на рубеже веков / Восточный мир: опыты общественной трансформации (сборник статей). М., 2001.
48. Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991.
49. Лебедев Д. Республика Риф. М. - Л., 1931.
50. Луцкая Н.С. Республика Риф. М., 1959.
51. Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973.
52. Луцкая Н.С. К вопросу о марокканских берберах. В сборнике: История и экономика стран арабского Востока. М., 1973.
53. Луцкая Н.С. Марокко вновь обретает независимость. М., 1958.
54. Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе. М., 1985.
55. Максименко В.И. Интеллигенция в странах Магриба. М., 1980.

56. Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран. (70-80-е годы.) М., 1986.
57. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, М., 1991.
58. Мельянцев В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984.
59. Ментешашвили З.А. Французская политика по отношению к берберам Марокко в годы протектората. // Время, проблемы, события. Тбилиси, 1985.
60. Ментешашвили З.А. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50-70-е годы XXв.). М., 1985.
61. Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976.
62. Мохов Н.В. Роль политической системы Алжира в формировании национальной идентичности. Автореферат диссертации канд.полит.наук. М., 2008.
63. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.
64. Поздняков Э.А. Философия государства и права. М., 1995.
65. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
66. Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX – XX века. М., 1990.
67. Рашковский Е.Б. Науковедение и Восток. М., 1980.
68. Сапронова М.А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001.
69. Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. М., 2003.
70. Сергеев М.С. История Марокко. XXI век. М., 2001.
71. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. М., 2001.
72. Социальный облик Востока. М., 1999.
73. Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. М., 1987.
74. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.
75. Уалалу Ф. Очерки марокканской экономики. Пер. с франц. М., 1983.
76. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
77. Этноссы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005.
78. Этнополитология. Учебное пособие-хрестоматия. М., 2001.

Литература на иностранных языках.

79. Amin Samir. La nation arabe: Nationalisme et lutes de classes. Paris, 1976.
80. Arabs and Berbers: From Tribe to Nation in North Africa. Ed.by Ernest Gellner and Charles Micaud. L., 1972.
81. Barbour N. Morocco. L., 1965.
82. Belouchi B. Portraits d'hommes politiques du Maroc. Paris, 2002.
83. Bentaleb Hassan. Le projet de loi sur les partis politiques au Maroc. www.elections-maroc.com
84. Benhlal M. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. KARTHALA-IREMAM, Aix-en-Provence, 2005.
85. Bernard A. La France au Maroc. Paris. 1917.
86. Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. Paris, 1962.
87. Bousquet G. H. Les Berbères. Paris, 1967.
88. Brignon J. et les autres. Histoire du Maroc. Paris, 1967.

89. Bulletin d'information de l'Institut Royal de la culture amazighe. Rabat, Semestriel , №1, Mai 2003.
90. Chaker S. Berbères aujourd'hui. Paris, 1989.
91. Cherkaoui M. Morocco and the Sahara. Social Bonds and Geopolitical Issues. Oxford, 2007.
92. Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001.
93. Crawford D. Royal Interest in Local Culture : Amazigh Identity and the Moroccan State // <http://www.faculty.fairfield.edu/dcrawford/crawford_royal_interest.pdf
94. Crawford D. How "Berber" Matters in the Middle of Nowhere// <http://www.faculty.fairfield.edu/dcrawford/crawford_berber_matters.pdf
95. Crawford D. Morocco's Invisible Imazighen// <http://www.faculty.fairfield.edu/dcrawford/crawford_invisible_imazighen.pdf
96. Crawford D. Essentially Amazigh: Urban Berbers and the Global Village// <http://www.faculty.fairfield.edu/dcrawford/crawford_essential_amazigh.pdf
97. Cubertafond B. La vie politique au Maroc. Paris, 2001.
98. Entelis J.P. Comparative Politics in North Africa : Algeria, Morocco, Tunis. Syracuse, 1980.
99. Feliu Laura. Le Mouvement culturelle amazigh (MCA) au Maroc. L'année du Maghreb 2004. Paris, 2006.
100. The Forging of Nationhood. New Delhi, 2003.
101. French-Speaking Africa. The Search of Identity. N.Y., 1965.
102. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21-st Century. Ithaca - N.Y., 2004.
103. Gaudefroy-Demombynes R. L'Oeuvre française en matière d'enseignement au Maroc. Paris, 1928.
104. Gellner E.A. Saints of the Atlas. L., 1969.
105. The Government and Politics of the Middle East and North Africa. Boulder, Col., 1980.
106. Halstead J. Rebirth of a Nation : the Origins and Rise of Moroccan Nationalism, 1912 – 1944. Cambridge, 1967.
107. Hanoteau L.A. et Letourneux A. La Kabylie et les coutumes kabyles. Paris, 1893.
108. Hart David M. Le code pénal dans le droit coutumier precolonial berbère du Sous et de l'Anti-Atlas. // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000.
109. Hazen William E. Minorities in Assimilation : The Berbers of North Africa // The political Role of Minority Groups in the Middle East. N. Y., 1979.
110. Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des berbères. Histoire contemporaine. Agadir, 2000.
111. Hoffman. B. G. The Structure of Traditional Moroccan Rural Society. Hague, 1967.
112. Human Development in the Arab World: The Cultural and Societal Dimensions. United Nations, N. Y., 1995.
113. Ibrahim Saad Eddin. Civil Society and Prospects for Democratization in the Arab World // Civil Society: in the Middle East. Leiden, 1995.
114. Ilahiane H. The Berber *Agdal* Institution: Indigenous Range Management in the Atlas Mountains. // Ethnology. Pittsburg, 1999. – Vol.38, №1.
115. Initiation à la langue amazighe. Rabat, IRCAM, 2004.
116. Al-Jabiri M. Human Development in the Arab World. Geneva, 1995.
117. el Kadery M. Les berbères entre le mythe colonial et la négociation national. Le cas du Maroc // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000.

118. Kratochwil G. Quelques réflexions sur le rôle des Associations Culturelles Amazighes au sein du Mouvement Culturel Amazigh au Maroc. // Histoire des Amazighes. Symposium International sur l'histoire des Berbères. La sixième session de l'Université d'été. Agadir, 2000.
119. Kraus W. Contestable Identities: Tribal Structures in the Moroccan High Atlas // The Journal of the Royal Anthropological Institute. – L., 1998. – Vol.4, №1.
120. La littérature amazighe. Oralité et écriture. Spécificités et perspectives. Rabat, IRCAM, 2004.
121. Landau R. Morocco Independent. L., 1961.
122. Laoust E. Amazigh Words and Things. Translated by Ahmed Chaabihi. Rabat, 2004.
123. Luccioni J. L'élaboration du Dahir Berbère du 16 mai 1930. // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. № 38, 1984, Aix-en-Provence.
124. Lafuente G. Dossier marocain sur le dahir berbère de 1930. // Revue de L'Occident musulman et de la Méditerranée. № 38, 1984, Aix-en-Provence.
125. Lukan B. Histoire du Maroc. Dès origines à nos jours. Paris, 1992.
126. Masqueray E. Formation des cites chez les populations sédentaires de l'Algérie. Centre de Recherches et d'Etudes sur les Sociétés Méditerranéennes. Aix-en-Provence, 1983.
127. Le Maroc politique. De l'indépendance à 1973. Textes rassemblés et présentés par Claude Palazzoli. Paris, 1974.
128. Montagne R. The Berbers Their Social and Political Organisation. L., 1973.
129. Montagne R. Regards sur le Maroc. Actualité de Robert Montagne avec une préface de M.Chirac. Paris, 1986.
130. Montagne R. La vie sociale et la vie politique des berbères. Afrique Française, Paris, 1931.
131. Mtouggui Lhaoussine. Vue générale de l'histoire berbère. Alger, 1955.
132. A Political Economy of the Middle East. State, Class and Economic Development. Ed.by A.Richards and J.Waterbury. Boulder, 1990.
133. Political Liberalization and Democratization in the Arab World. Vol.2. Comparative Experiences. Boulder – L., 1998.
134. Rézette R. Les parties politiques marocains. Paris, 1955.
135. Roberts H. Perspectives on Berber Politics: On Gellner and Masqueray, or Durkheim's Mistake // The Journal of the Royal Anthropological Institute. – L., 2002. – Vol.8., №1.
136. Scènes et coulisses de l'élection au Maroc. Les législatives 2002. IREMAM-KARTHALA, 2004.
137. Stiglitz J. Making Globalization Work. L., 2006.
138. Tozy M. Monarchie et islam politique au Maroc. Presses de sciences PO. Paris, 1999.
139. Tozy Mohamed et Béatrice Hibou. Les enjeux des élections au Maroc. Février 2002. [http:// www.ceri-sciences-po.org](http://www.ceri-sciences-po.org)
140. Waterbury J. The Commander of the Faithful - the Moroccan Political Elite. A Study of Segmented Politics. L., 1970.
141. Waterbury J. North for the Trade: The Life and Times of a Berber Merchant. Berkeley, 1972.
142. Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y. - L., 2003.
143. Zartman I. W. The Political Economy of Morocco. N.Y. - L., 1987.
144. Zartman I.W. Morocco: Problems of New Power. N.Y., 1964.

145. Zartman I.W. Elites in The Middle East. N. Y., 1980.
146. Zubaida S. Civil Society, Community, and Democracy in the Middle East, - Civil Society: History and Possibilities. Cambridge, 2001.